

ВЛАДИМИР
РАЗУМНЕВИЧ

ПАРОТЪ „СТРЕКОЗА“

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1974

68 коп.

ВЛАДИМИР
РАЗУМНЕВИЧ

ПАРУТЬ „СТРЕКОЗА“

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1974

Художник Е. Мигунов

Разумневич В. Л.

P 17 Пароль «Стрекоза». Повести и рассказы. М.,
«Моск. рабочий», 1974.

360 с.

О Владимире Лукьяновиче Разумневиче Сергей Михалков сказал, что это писатель, щедро наделенный редким и дефицитным умением сочетать юмор с серьезнейшими проблемами. В эту книгу В. Разумневича вошли такие известные ребятам повести, как «Про нашу Наташу», «Волшебник без бороды», «Пароль «Стрекоза», «Человек вверх ногами», «Десять приключений Петуха...» и ряд рассказов. Читая ее, девочки и мальчики познакомятся с бесстрашными пионерами-следопытами, с веселой малюткой Наташей и с Власом Маковкиным — «человеком вверх ногами», узнают про болезнь «хитриус-симулянтиус» и про другие невероятности ребячьего мира, полного приключений и улыбок.

70302—054
P M172(03)—74 182—74

P2

© Издательство «Московский рабочий», 1974 г.

ПРО
НАШУ
НАТАШУ

ПОВЕСТЬ
В РАССКАЗАХ

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИВУТ НАТАШИ

В нашем большом доме живут тринадцать Наташ. К вечеру они высыпают из всех подъездов во двор. Шумят, бегают, роются в песке. Попробуй угадай, где какая Наташа играет! Позовешь одну, а откликаются сразу тринадцать. Прямо беда с этими Наташами! Они даже друг друга путают: думают, что рядом варит суп из песка одна Наташа, а потом оказывается, что это совсем другая. Суп один и тот же, а Наташи разные.

О каждой из тринадцати можно сочинить толстую-претолстую книжку с веселыми картинками. Но одному человеку с такой книжкой не справиться — бумаги не хватит. Пусть другие напишут об остальных Наташах. А я расскажу лишь об одной, о той, с которой у нас давнишняя дружба. Я знаю все ее секреты, все ее игрушки, все ее капризы и поэтому могу писать о ней сколько угодно, безо всякой выдумки.

Какая она, моя Наташа? Большая или маленькая? Сам не пойму. Когда Наташа разговаривает с малышами-ползунками, то совсем-совсем взрослая. Зато рядом со школьницами в белых фартучках и с пузатыми

портфелями она маленькая. Даже тогда, когда встает на цыпочки. Вот и выходит, что в один и тот же день Наташа бывает и большой и маленькой.

— Сколько тебе лет, Наташа? — спрашивают ее.

— Столько, сколько папе с мамой, и еще вот столечко. — Она широко разводит руками.

Говоря о своих годах, Наташа могла бы назвать любую большую цифру — и пятьдесят, и сто, и даже тысячу.

Но вот беда — дальше десяти она считать не научилась.

Потому-то никто из знакомых людей точно не знает, сколько ей лет.

Наташа все умеет делать сама: строить дом на песке и дрессировать жуков для цирка, собирать поганки в лесу и превращать лягушку в царевну, разговаривать с солнцем и читать книжки шиворот-навыворот, «кверх ногами»...

За один день у нее сто перемен, сто самых неожиданных перевоплощений.

То назовет себя мамой и заставит отца родного чистить щеткой ботинки, потому что, как уверяет она, «с таким грязнулей неудобно по улице ходить».

То вдруг начнет говорить папиным баском: «Не мешайте мне. Я работаю...»

То превратится в бабушку и, сгорбившись, будет шаркать туфлями по полу и жаловаться: «Разбрасают книжки где попало, а ты собирай. Уеду вот от вас...»

Вечером новая неожиданность! Оказывается, Наташа — это вовсе и не Наташа. И не мама. И не папа. И не бабушка. А самый настоящий пес Тузик, что живет в соседнем подъезде. Она ерзает на корточках и громко твоякает на всех встречающих.

Родителям нет никакого спасения от ее диких наскоков и дикого рычания. Они испуганно жмутся в угол

и ждут не дождутся, когда Наташа из злого пса снова превратится в Наташу или же на худой конец в доктора Айболита. Тогда она станет лечить отца, мать и бабушку витамином С — от собачьих укусов.

Меняется Наташа не только каждый день, но еще зимой и летом, осенью и весной. Каждое время года переодевает Наташу на свой вкус.

Зимой у нее из-под пушистой шапочки торчат две косички с голубыми бантами.

Летом обе косички Наташа оставляет в парикмахерской — взрослые говорят, что в жару от длинных волос еще жарче делается. Теплую шапочку и бант прячет в шкаф. Другой бант подвязывает на самую макушку, где еще остались волосы. Бант все лето сидит на макушке и машет, как бабочка, крыльями, когда Наташа прыгает с веревочкой-скакалочкой.

Осенью Наташа ходит, как все серьезные люди, в ботинках и запасает на зиму букашек. Она складывает их в спичечную коробку и несколько дней слушает, как они там бранятся между собой и топают ножками. Потом букашки затихают и молчат всю зиму.

Лишь только сойдет снег на улице, Наташа спешит выпустить букашек на волю. Но они уже ни летать, ни ползать не могут. Так заснули, что никак не проснутся. Лежат на земле с поднятыми лапками. Наташа охотится за новыми жуками и червяками: с живыми играть интереснее, чем с теми, которые лежат на спинке и не шевелятся.

Нравятся Наташе теплые дни еще и потому, что можно бегать по улице в самых нарядных платьях и даже вовсе без платья. В одних трусиках.

Во все времена года не меняются у Наташи только глаза. Зимой и летом они одним цветом — черные и бойкие, как два живчика. Смотрят эти живчики на солнечный мир широко, с любопытством и много видят

вокруг. Они замечают и то, как из маленького бутончика потихонечку-полегонечку пробивается на вольную волю алый цветок; и как вытягивает железную шею кран-жираф, перетаскивая с места на место тяжелые шоколадины плит; и как нарядная, словно гриб мухомор, божья коровка прячет свое нижнее платье — из-под красного панциря видны лишь прозрачные кончики; и каким красивым — голубым или зеленым — становится весь мир, когда смотришь на него через разноцветные стеклышки...

Но не всегда Наташе так легко и весело живется. Бывают и слезы. Даже чаще, чем надо. Всякий раз, когда она поднимает рев из-за пустяка, мне становится не по себе. Хочется самому зареветь в три ручья. Хоть уши затыкай. Или беги вон из дому на все четыре стороны.

Но я ушей не затыкаю, из дому не бегу и даже не плачу. Ведь я же, как вы, наверное, уже догадались, Наташин отец и поэтому твердо знаю, что моя дочь не может реветь всю жизнь.

Я еще кое-что интересное знаю о Наташе. Если хотите, я вам расскажу. Только, чур, одно условие: вы моих рассказов Наташе не показывайте, а то она, чего доброго, зазнается, нос кверху поднимет. А он у нее и без того курносый — все время в небо смотрит.

Договорились? Тогда продолжим наше знакомство с одной из тринадцати Наташ, у которой что ни день то смех, то слезы.

СКОЛЬКО НАТАШЕ ЛЕТ?

От дома до детсада — рукой подать. Всего две автобусные остановки. Все дети ходят туда пешком и не устают. Наша Наташа тоже охотно топала в садик ножками. Можно идти медленно-медленно и смотреть по сторонам. Интересно!

Но в последнее время мать стала опаздывать из-за нее на работу. Чтобы не опаздывать, она решила возить Наташу в автобусе. Он останавливается у самого садика. Высадит Наташу и, фыркнув, убегает дальше.

Наташе понравилось ездить в автобусе. Ходить здесь вовсе не обязательно. Можно просто сидеть и ехать.

Как бы людно ни было в автобусе, кто-нибудь из пассажиров обязательно уступит Наташе свое место. А одна незнакомая тетя даже подарила ей апельсин. Наташа сосала его всю дорогу. И в садике сосала. Вот какой огромный был апельсин-апельсинище!

Пассажирам в автобусе очень хочется знать, как звать девочку. Наташа отвечает, что зовут ее Наташей.

— Сколько же тебе лет, Наташенька? — спросила тетя, подарившая апельсин.

— Шесть! — гордо ответила Наташа.

— Да ты еще совсем малюсенькая! — воскликнула другая тетя, сидевшая рядом, и стала гладить ее, как малышку, по головке.

— Я уже в старшую группу хожу,— обиделась Наташа и отодвинулась от этой тети подальше.

На следующий день по соседству с Наташей сидела новая тетя. Но и она спросила:

— Сколько же тебе лет, деточка?

Наташа не хотела, чтобы ее гладили по голове и называли деточкой. Поэтому она сказала:

— Семь! Я скоро пойду в школу!

— А я-то думала, что ты уже первоклассница,— тетя стала стягивать с руки перчатку.

Наташа сразу догадалась, зачем она снимает перчатку, и пересела от этой тети подальше, к другой тете.

И на третий день в автобусе ее спросили о том же самом. Наташа не растерялась и храбро ответила:

— Я уже первоклассница! Мы с мамой едем на работу.

Пассажиры как-то странно заулыбались, зашутукались. Не улыбалась одна мать. Она сердито взяла Наташу за руку и вывела ее из автобуса на первой же остановке.

— Отныне,— сказала она,— будем с тобой шагать в садик своими ногами. На автобусе больше не поедем. А то, чего доброго, ты в лгунишку превратишься.

НОС БУРАТИНО

Буратино остался без носа. Еще вчера красный нос колышком торчал у него на лице, а сегодня на этом месте дырка. Но Буратино ни капельки не расстроился, что у него пропал нос. Он по-прежнему тарасил свои веселые круглые глаза и смеялся губастым ртом. Вот глупый!

Зато Наташа страшно расстроилась. Она искала нос

всюду, где можно: и под кроватью, и в шкафу, и у себя в кармане. Заглянула даже в распоротый живот крокодила. Но и там носа не оказалось. Такая жалость!

— Может, его киска съела? — спросила Наташа у матери.

— Не думаю. Нос деревянный. Кошке он не нужен.

— И убежать нос не мог, — добавила Наташа. — Ведь ножки остались у Буратино!

Мать месила тесто, чтобы испечь пироги с капустой. Тесто было густое и тягучее. Из него можно не только пирог с капустой, но и человечков лепить.

— Мама, дай кусочек теста, — попросила Наташа. — Я Буратино нос приделаю.

Нос из теста получился длиннее, чем прежний. Наташа залепила им дырку над красными губами, и Буратино сразу стал забавным-презабавным, будто клоун.

Нос никак не желал сидеть на деревянном лице. Он то отваливался, то сгибался в дугу, то превращался в лепешку, когда Буратино падал. Смешно! Наташа смеялась и хлопала в ладоши.

— Я хочу носатому Буратино пирожков со-стряпать, — сказала она. — От голода он даже рот раскрыл. Посмотри, мама, какой у него рот — любой пирожок проглотит!

Мать дала Наташе кусок теста — раскатывать в лепешку. Липкое тесто приставало к пальцам. Пришлось посыпать его мукой.

Наташа раскатала одну лепешку, другую. А на третью теста не осталось. Тогда она оторвала у Буратино длинный нос и сделала из него еще одну лепешку. На каждую лепешку положила из тарелки капусты. Получилось три пирожка. Наташа вертела пирожки и так и этак. Не могла налюбоваться: вышло не хуже, чем у матери. Один пирожок, который делался из носа Буратино, получился малюсенький. Второй — так себе, обычный. Зато третий, куда Наташа наложила капусты больше всего, выглядел толстущим-претолстущим богатырем.

— В животе у пирожков лежит капуста, — сказала Наташа. — Теперь самая пора нести их на огонек — пускай погреваются.

Мать положила пирожки на сковородку. Синие огоньки пламени жадно лизали дно сковородки. Пирожкам греться понравилось. Они сразу повеселели — запрыгали и зарумянились. Масло тоже обрадовалось — оно надувалось пузырьками, бегало по сковородке и шипело: ши-ши... пши-пши...

Когда пирожки сделались совсем горячими и слегка потемнели, мать сняла сковородку.

— Не притрагивайся, обожжешься, — предупредила она Наташу. — Пусть пирожки немного остынут и отдохнут. А то они наплясались.

Наташа не дала пирогам отдыхать долго. Обжигаясь, она стала пробовать их по очереди. Сначала подносила пирожки ко рту Буратино, а потом уж принималась за них сама. Прежде всего проглотила маленький пирожок, потом средний. Не пирожки, а что-то необыкновенное! Настоящее объедение! Никогда Наташа не пробовала таких вкусных пирожков!

Наконец принялась за румяного богатыря. Откусила кусочек, потом еще, еще и еще. До чего же вкусно!

Вдруг на зубах что-то хрустнуло. Наташа перепугалась и сразу же выплюнула. О чудо! Это оказался кончик носа Буратино.

— Я же нос из теста делала, а тут — деревянный! — воскликнула Наташа.

Мать пожала плечами:

— Откуда он взялся? Непонятно!

Потом заглянула в тарелку с капустой и вынула оттуда красную палочку.

Это был тот самый нос Буратино, который весь день искала Наташа. Но только без кончика.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ

Наташа и моя жена ведут таинственные переговоры. Они то перемигиваются, то шушукаются, то, закрывшись в темной спальной, хихикают.

Слышу, как они там шепчутся.

— Только, чур, до самого утра не говори папе, — строго предупреждает Наташу мама. — Он ничего не должен знать...

— Вот еще! — отвечает Наташа. — Что я маленькая...

— Запомни — папе ни гу-гу. Это наш самый большой секрет.

— Мы с тобой, мамочка, настоящие секретницы. Как лисички-сестрички! Хи-хи...

— Если он узнает — все пропало...

— Так я ему и сказала! Пусть только попробует спросить...

Наташа несколько раз выбегала из спальни и лукаво говорила мне:

— Ты наш секрет никогдашеньки не угадаешь! Он

у меня вот тут сидит,—и стучала пальцем по своей голове. Потом неожиданно спросила:

— Ты, папочка, когда родился?

— Давно. Ровно тридцать четыре года назад.

— А мама сказала, что ты завтра родился. Хи-хи!

— Почему ты так странно смеешься? — спросил я.

— Я так смешно смеюсь потому, что мне смешно от секрета... Папочка, скажи, какой час на твоих часах?

— На моих? Без пяти минут двенадцать. А что? Наступило время раскрывать секрет? Да?

— Вовсе и не да! Мама сказала, что время наступит только завтра. Сегодня наступать не разрешила. Буду молчать секрет до самого утра. Вот! А почему у тебя часы такие старенькие?

— Долго живут, вот и состарились.

— И ремешок тоже старенький. Он прожил столько, сколько бабушка Таня, да?

— Ремешок столько не живет. Он стареет быстрее. Ему столько же лет, сколько тебе сейчас.

— Такой маленький, а весь в морщинках. Его менять нужно. Да? Я проживу столько, еще полстолько и еще вот столечко. Меня менять в магазине не нужно. А почему ты сам часы с ремешком не меняешь? Захотел, чтобы тебе мама сменила?

— При чем здесь мама? Не пойму тебя что-то, Наташка! Все о часах да о часах. Тебе говорить больше не о чем?

— Хи-хи! Ты хитруля, папочка. Ты не покупал часы потому, что знал — мама в день рождения тебе новенькие подарит. С железным ремешком! Ты знал. Правда, ты знал?

— Наташка! — Моя жена огорченно взмахнула руками. — Какая ты у меня болтушка! И пяти минут не смогла сохранить от папы наш секрет. Больше никогда не буду с тобой секретничать!

ЗАВИДУЩИЕ ГЛАЗА

Я много раз сам себе твердил:

«Никогда не бери Наташу в магазин! Пусть даже собственными слезами захлебнется — все равно не бери».

Но разве оставишь плачущую, несчастную Наташу одну посреди улицы! Заходишь сам в магазин и ее непременно ведешь за собой.

Что тут начинается — ни в сказке сказать ни пером описать! Наташа тащит меня то туда, то сюда — ко всем продавцам, молодым и старым, тетенькам и дяденькам, сердитым и веселым. Слезно требует купить то то, то это.

Она готова унести из магазина домой все, что там продается и покупается. Ей обязательно надо иметь духи «Красная роза» и все книжки с красивыми обложками, воздушный шар и арбуз, кукурузный початок, молоток, пуговицы, самовар, ножницы...

В магазине народ толпится, и все смеются над Наташей.

Зашли мы как-то с дочерью в «Детский мир».

— Выбирай, — говорю Наташе, — себе медвежонка.

На полке в один ряд уселись семь плюшевых мишек. И все разные — черный, белый, серый, коричневый, зеленый, голубой, а один даже золотой.

— Хочу золотого мишку, — сказала Наташа. — Таких даже в зверинце нет. Только у меня!

Продавец подал огромную-преогромную коробку с золотым мишкой.

— Смотри, девочка, не оторви мишке лапу. Не то он от тебя в лес убежит.

— Без лапы-то? — засмеялась Наташа.

— А ведь правда! — удивился продавец. — Я почему-то сразу не сообразил.

— Дяденька, дайте мне еще вон того мишку, белого. Одному золотому скучно. Поиграть не с кем.

— А ты? Ты будешь играть с мишкой?

— Я играть не буду. Я буду его кормить конфетками и катать на велосипеде. Играть он побежит с другим мишкой... Папа, купи мне белого мишку!

— Кто же сразу двух покупает?

— Покупают! У нас в садике много разных мишек...

— Ну ладно. Купим белого медведя и сразу же уйдём. Договорились?

— Вот завидующие глаза! — неодобрительно покачал головой продавец. — Как у буржуя.

— Вдвоем нельзя играть в третий лишний, — объяснила Наташа. — Нужен ещё мишка. Он будет лишним.

— Вот именно лишним, — рассердился я. — Один уже есть лишний. Будет два лишних. Кому нужен зверинец из лишних мишек! Сейчас же идем из магазина.

Так у нас в квартире появились сразу два мишки — золотой и белый. Если бы мы с Наташей ходили в «Детский мир» каждый день, то, наверное, весь бы наш дом был заселен разноцветными медведями. В магазинах не хватило бы конфет, чтобы прокормить их всех.

ГОЛУБЬ ПРОСИТСЯ НА ВОЛЮ

Голубя Наташа подобрала на улице. Он совсем не мог летать, только прыгал. Прыгнет раз-другой, как кузнечик, и садится отдыхать. Кто-то, неразумный, ударил его камнем. Наташа взяла голубя на руки и погладила.

— Гуля-гуленька, бедный-пребедненький...

У голубя закатывались глаза и топорщились крылья. Наташа пожалела голубя и принесла домой, чтобы лечить. Она вымыла ему грязные крылья и почистила тряпкой клюв. Потом посыпала на пол хлебных крошек и налила в блюдце воды.

— Клюй и пей, гуля! — приказала Наташа. — Поправляйся.

Голубь долго не хотел ничего есть. Но Наташа уговорила его. Он попробовал крошек и немножко попил воды. Ему сразу стало легче. Голубь встрепенулся и взмахнул крыльями.

Долететь ему удалось лишь до подоконника.

Наташа до того увлеклась голубем, что не пошла ужинать.

— Оставь голубя. Если не будешь кушать,— сказала мать,— то сегодня вечером не пущу гулять на улицу.

— Я и так не пойду,— ответила Наташа.— Останусь с гулей. Она меня полюбила. Я ее тоже полюбила. Нам вдвоем жить весело.

Наташа возилась с голубем, как со своей любимой куклой Лялей: укрывала его простынкой, поила из ложки и даже попыталась сделать укол. Но голубь испугался уколов и отпрыгнул в сторону. Пришлось уколы отставить. Стала учить голубя считать до пяти. Но он ничего не сообщал, только вертел головой.

Тогда Наташа решила показать ему, как нужно рисовать дом с трубой и дымом. Голубь посмотрел на рисунок и отвернулся. Наташа обиделась:

— Раз так — пойду гулять. А ты один оставайся.

— Никуда ты, Наташа, не пойдешь,— пригрозила мать,— пока не поужинаешь.

Ужинать Наташе почему-то вовсе не хотелось. Она похныкала-похныкала и вновь занялась голубем. Высыпала из стеклянной банки на подоконник остатки пшена, из которого мать варила ей кашу, и села рядом.

Голубь от пшена отказался. Он даже спрыгнул с подоконника. Покружил по комнате. Со всего разлета ударился грудью об оконное стекло и, пришибленный, сел на прежнее место.

Он долго смотрел на улицу, на синее небо, на цветочную клумбу во дворе, возле которой бродили другие голуби. Видимо, ему очень хотелось на волю.

— Если не будешь кушать,—повторила мамины слова Наташа,—то не пойдешь гулять на улицу.

Она ткнула голубя клювом в пшено. Голубь клюнул раз, другой, третий... Пшено ему понравилось.

Наташа удивилась, что голубь такой послушный. С ним будет интересно играть и завтра и послезавтра. Наташе еще не приходилось дружить с голубем. Если он улетит, то вряд ли когда-нибудь вернется. Наташа будет скучать без гули.

На подоконнике не осталось ни одного зернышка: голубь склевал. Он смотрел на Наташу своими круглыми глазами, словно умолял: «Отпусти меня на волю. Ты же обещала. Если обманешь, никогда больше тебя не послушаюсь и умру с голоду». Наташа никак не могла нарушить своего слова. Хотя ей было грустно расстаться с голубем, она все же распахнула окно:

— Лети! Ты хорошая гуля.

Голубь расправил крылья и полетел туда, где его поджидали дружки-приятели и где была вольная-развольная голубиная жизнь. Наташа позавидовала гуле. Ей тоже захотелось вольной жизни. Она помыла руки, подошла к матери и попросила:

— Мама, дай мою ложку. Я буду кушать пшенную кашу...

ВОЛШЕБНАЯ МОНЕТА

Удивительные дела происходили в нашей квартире! Прямо-таки волшебные дела!

Три дня гостил у нас мой приятель Гриша. Спал он на диване в маленькой комнате. Спал до того крепко, что утром его никак не могли добудиться.

Проснувшись, он начинал рыться в своих огромных чемоданах. Чего только там не хранилось: разноцветные галстуки и пузырьки с душистыми духами, конфеты под названием «Золотой ключик» и всевозможные рубашки — синие и розовые, полосатые и просто белые.

В день своего приезда он разложил перед Наташей все свое богатство и сказал:

— Выбирай. Что тебе по душе — то и будет твоим!

Наташа долго смотрела на пузырек с нарисованной розой и на конфеты «Золотой ключик». Но ничего не взяла.

Мой приятель удивленно пожал плечами:

— Странная у вас дочка. От подарков отказывается.

А на следующее утро началось чудо.

Правда, тогда еще это никому не показалось чудом. Просто наш гость, обуваясь после сна, заметил на полу монету. Это была самая обыкновенная десятикопеечная денежка. Гриша повертел ее в руках, подбросил на ладони и, решив, что монету обронили хозяева квартиры, положил денежку на письменный стол. И сразу же забыл о своей находке.

Вспомнил он о ней только на другое утро. И то лишь потому, что увидел возле дивана — точно на том же месте — вчерашнюю монету.

— Что за чудо! Может, мне снится? — не поверил наш гость и протер глаза.

Денежка не исчезла. Она сверкала на полу, как

и прежде. Каким образом монета спрыгнула со стола и снова оказалась возле ботинок? Непонятно!

Гриша так же, как и вчера, положил денежку на стол. На всякий случай погрозил ей пальцем:

— Смотри, больше не хулигань у меня!

И, успокоившись, пошел гулять по городу.

Когда поздно вечером Гриша вернулся в свою комнату, монеты на столе уже не было.

— Ну вот и хорошо! — обрадовался он и лег в постель.

В эту ночь ему снились только веселые сны. И во всех этих снах участвовала таинственная монета. Она вертелась, как волчок, подсакивала до потолка, плясала барыню и даже показывала Грише серебряный язык.

Утром гость, проснувшись, посмотрел на пол. Глазам своим не поверил — монета, которая всю ночь плясала и прыгала, теперь спокойно отдыхала, прижавшись к сонным ботинкам.

Нет, это было что-то невероятное! Может, озорная денежка и на самом деле волшебная?

Гриша не знал, что и подумать. Он внимательно разглядывал монету, пробовал на зуб и наконец со всего размаха ударил ее об пол. Денежка звякнула и подскочила. Но плясать отказалась.

Тогда Гриша сжал ее в кулаке и понес мне показывать.

— Третий день эта монета не дает мне покоя, — пожаловался он, показывая ладонь с денежкой. — Каждое утро появляется перед моим диваном. А ночью даже пляшет. С ума можно сойти!

Наташа подошла к Грише, взглянула на монету и объяснила:

— Она из вашего чемодана укатилась. Я ее возле ботинок положила, чтобы вы денежку себе взяли, а вы ее на стол. Я очень боялась, что она потеряется. Теперь монета у вас, и я больше не боюсь.

КУКЛА ЗАБОЛЕЛА...

Кукла Таня, которую подарила Наташе бабушка, вела себя совсем как живая девочка. Когда ее укладывали спать, она, пискнув, закрывала глаза. Но стоило ее разбудить и поставить на ноги, большие голубые глаза сразу открывались и неподвижно смотрели на Наташу из-под длинных черных ресниц. Наташа пеленала ее, как маленькую, и нянчила на руках. Таня от испуга все время вскрикивала: «Писк, писк, писк». Голос у нее был слабенький, будто у котенка.

— Реви громче. И тогда ты будешь взрослой, как я,— сказала Наташа кукле.

И стала делать Таню взрослой. Расчесала ей растрепанные золотые волосы. Клок Таниных волос остался на гребенке, и кукла немножечко полысела.

Чтобы закрыть лысину, пришлось подвязать на макушку бантик. Таня сразу похорошела и чуть-чуть повзрослела.

— Тебе надо заниматься зарядкой,— посоветовала Наташа.— И ты будешь сильной и не простудишься.

Поскольку сама Таня заниматься физзарядкой не могла, ей стала помогать Наташа. Она поднимала и опускала Танины руки, выпрямляла их вдоль плеч, загибала за спину.

Наташа так увлеклась зарядкой, что не заметила, как у куклы что-то хрустнуло под мышкой. Рука, вместо того чтобы быть сильной, повисла на одной нитке.

— Только, Танечка, не плачь,— стала успокаивать ее Наташа.— Я тебя вылечу.

Она сняла с Тани кофточку и цветастое платье.

— Будем делать уколы.

Уколы Наташа делала палочкой. Всю спину исколола Тане. Но рука у нее не поправилась.

Кукла почувствовала себя очень плохо. Не могла даже пиццать. Наташа вертела ее во все стороны и ставила вниз головой — все равно не пиццала. Вот до чего довела болезнь!

— У тебя, наверное, живот не в порядке,— догадалась Наташа.— Давай посмотрим, что там не в порядке.

Таня молча согласилась.

Танин живот состоял из разных завитушек — проволочек. Одну завитушку Наташа потрогала пальцем. Проволока вдруг щелкнула — у куклы сразу отвалились ноги. Рука тоже отлетела.

Таня сидела теперь безногая и однорукая. Жалкая-прежалкая, больная-пребольная.

Одни глаза живо смотрели на Наташу.

— Полежи немножко, и тебе полегчает,— сжалилась Наташа и положила больную на диван.

Кукла Таня закрыла глаза.

— Ну вот, видишь,— сказала Наташа,— тебе сразу полегчало. Спи.

ХИТРЫЙ УТЮГ

Наташе нравится смотреть, как мать гладит белье. Утюг, будто кораблик, бежит туда-сюда. От него на белье остается гладкий шелковистый след.

Но иногда утюг упрямится. Никак не хочет оставлять после себя гладких следов. Тогда мать сердится

и ставит его на плиту. Утюг прогреется чуть-чуть на огне и становится горячим-прегорячим. Даже шипит, когда мать притрагивается к нему мокрым пальцем.

— Мамочка,— спрашивает Наташа,— почему утюг работает только больной?

— Как так больной? Почему больной?

— Он горячий. Значит, больной. Я же в садик не хожу на работу, когда голова горячая. Остаюсь дома и лежу в постели. А больной утюг работает.

— Утюг вовсе не больной. У него все не как у людей: шиворот-навыворот. Когда он горячий, то вполне здоров, работает без усталости. Холодный утюг никуда не годится.

У Наташи есть свой утюг. Маленький и деревянный. Наташа думает о нем: «Мой утюг никуда не годится. Он всегда холодный. Поэтому у куклы Ляли всегда мятое платье. Жалко бедную Лялю. Эх, если бы у меня был мамин утюг! Но мама к своему утюгу даже близко не подпускает».

В прихожей неожиданно прозвенел звонок. Это, наверное, почтальон. Мать пошла отпирать дверь. Свой утюг она отставила в сторонку. Самое время попробовать тяжелый мамин утюг! Наташа подняла его и положила на Лялино платье. Стала гладить.

Мамин утюг никак не хотел слушаться Наташу. Она дергала его и взад и вперед, а он — ни

с места. Такой упрямец! Только взрослых слушается.

От Лялиного платья дым пошел. Оно почернело, покрылось ожогами. Было платье и — нет платья! Что же делать?

— Мамочка! — завопила Наташа. — Твой утюг жгучий. Платье от него все в болячках.

Вбежала испуганная мать. Увидела сожженное платье куклы Ляли и побледнела. Сразу же поставила утюг на плиту. А Наташе строго сказала:

— Говорила тебе — не притрагивайся к горячему утюгу! Вот и будет теперь твоя Ляля всю жизнь ходить голышкой, без платья. Стыдоба!

— Моей Ляле не будет стыдно, — ответила Наташа. — Я ей новое платье сошью.

ЛЮЛИ-ГУЛИ, ТРАМ-ТА-ТА

— Иду к Ире в гости!
Буду грызть кости! Люли-гули, трам-та-та!

Наташа прыгала по комнате и пела развеселую песню. Ей тоже было весело-развесело, как песне. Хоть до потолка прыгай от веселья — и допрыгнула бы, если бы ростом была с маму.

А так приходится взбираться на стол. На столе плясать ох как интересно!

— Трам-тара-рам, куклы бродят по дворам. Бубу-бу, домик вылетел в трубу. Ати-ати, ати-ати, вышел зайка погуляти!

— Да замолчи же ты, наконец! — заругалась мать. — Я книжку читаю, а ты мешаешь. И со стола слазь, неслух!

— Нет, я — слух. Слух, слух! Без ух. Ух, ух, тра-ра, тра-ра, уши носит детвора.

— Не уши, а уши. И потом — их не носят, они сами растут на голове.

— Они вовсе и не рас-

тут. Их не поливают. Уши я ношу — на головке вожу. Тра-та-та, тра-та-та, мы возьмем с собой кота.

— Что за ребенок — прямо наказание! Собралась к Ирочке на день рождения, а ведешь себя хуже обезьянки. Если не перестанешь скакать на столе — не пущу к Ирочке, не видать тебе ее как своих ушей.

— Я в зеркало посмотрюсь. И уши увижу. И Ирочку увижу, если она рядом. И платье новое увижу... Ой! Я совсем забыла о платьематее.

Наташа прыгнула со стола и стала вертеться перед зеркалом. Поворачивалась и так и эдак. Боком и спиной. Отходила в сторону и снова приближалась. Тыкалась носом в самое зеркало. Красивое платье! Нарядное. Как у куклы. Даже лучше. Ирочка, когда увидит, обязательно захочет такое же. Правда, она говорила, что ей уже подарили платье — с бантиком на груди. Ну и пусть! Наташа тоже попросит с бантиком. Нет, с двумя бантиками! Нет, лучше с тремя! Все платье будет в бантиках!

— Мапочка, можно я еще одно платье надену? — попросила Наташа. — Которое все в розочках. Помнишь, собака его обкусала и розочку оторвала?

— Кто же сразу два платья надевает? Будешь как матрешка бестолковая.

— У-у, ты, мамочка, сегодня сердитка. Платьев жалко. Тогда возьму бусы.

— Бусы для взрослых. Детям они не к лицу.

— Я же не на лице понесу. На шее.

— Все равно нельзя. У тебя возраст не тот, чтобы бусы носить.

— А что такое возраст? Это рост, да? У меня рост маленький. До лампочки не достаёт. У вас с папой взрослый рост. А у куклы Ляли кошачий.

— Возраст означает, сколько лет рос человек. Вот у тебя скоро будет семилетний возраст. Ты уже росла шесть лет.

— Я только летом росла? А зимой?

— Какая ж ты непонятливая! Шесть лет — это шесть годиков. Люди растут зимой и летом, осенью и весной — круглый год.

— Зимой расти холодно, — поежилась Наташа. — Осенью расти грязно. Лучше всего расти летом. Тогда даже цветы растут. Если бы все время было только лето, я бы росла, как столб.

— Столбы не растут. Растут деревья.

— Ну, значит, я бы стала с дерево. Большая-пре-большая. Во какая! — Наташа стала взбираться на стол, показывать.

— Не смей! — погрозила мать. — Стол не для ног. Он для тарелок. Для ног существует пол.

— А диван не существует?

— На диван с ногами тоже нельзя.

— Где же я ноги оставляю? На ковре?

— С тобой трудно говорить. Ты делаешься просто невыносимой! В садик ходишь, а за ум все еще не взялась.

— Покажи, мамочка, как за ум ручками браться. Я никогда не видела.

— Ум берут из книжек. Не ручками, а глазами.

— Фи, как неинтересно! В твоей книжке ни одной картинки. Брать нечего.— Подпрыгивая и напевая, Наташа побежала к двери:—Трума-трума, трума-трум, я берусь рукой за ум. Бум, бум, бум!

СЛАВНЫЙ РЕБЕНОК

— Ваша дочь—просто прелесть!—сказала моей жене мать соседки Ирочки.—Такая она послушная и смиренная, что хоть по телевизору ее показывай.

— Не может быть!—удивилась моя жена.—Вы наверное, спутали нашу Наташу с какой-нибудь другой Наташей.

— Я не могла спутать. Я хорошо знаю вашу дочь. Славный ребенок!

Каждой маме приятно слушать хорошее о своей дочери. Моя жена не стала спорить с соседкой.

Но в тот день Наташа устроила дикий рев в доме. Слезы одна за другой так и сыпались из плакучих глаз. Если бы мать не вытирала Наташиных щек платком, то на полу образовалась бы целая лужа. Можно было бы свободно пускать бумажные кораблики.

Жена моя делала все возможное, чтобы успокоить ее. Но Наташа укала пуще прежнего. Тогда мать не выдержала и сказала:

— Глаза бы мои на тебя не смотрели! Уйду от тебя. А ты оставайся здесь.

— Здесь не останусь. У-у-у,—завыла Наташа.— Отведи меня к Ирочке. У-у-у...

— Хорошо, отведу тебя к Ирочке. Но только без плача.

— Веди меня без плача. И я не буду плакать.

Жена отвела примолкшую Наташу к Ирочке и снова вернулась домой. Взяла в руки газету. Но читать не могла. Мешала Наташа. Хотя ее и не было рядом, жена все время думала о ней. «Зачем только я отвела плаксу к соседям,— ругала она себя.— Наташа и там не даст людям спокойно отдохнуть. Нет, такую капризулю нельзя отпускать в гости. Пойду и сейчас же заберу ее обратно».

Она заглянула в комнату соседки. Наташа играла с Ирочкой.

Ирочка плакала, а Наташа ее утешала:

— Не плачь, Ирочка. Я тебе отдам свою Лялю. И крокодила отдам навовсе. Только ты не плачь, маме мешаешь заниматься.

Потом Наташа подошла к Ирочкиной матери и сказала:

— Какая плаксуша Ирочка! Глаза бы мои на нее не смотрели.

— Ты умница, Наташа,— ответила Ирочкина мать.— Приходи к нам почаще и воспитывай мою дочь.

— Хорошо, я буду приходить и воспитывать.

Тут моя жена вышла из-за перегородки и сказала, что ее дочери пора домой.

— Такая жалость! — вздохнула Ирочкина мать.— Наташа — славный ребенок. Она хорошо влияет на мою дочь.— И достала Наташе самую большую конфетку из коробки: — Угощайся. Если бы моя Ирочка была такой же послушницей...

Дома Наташа неожиданно заявила:

— Почему ты, мамочка, не в новом платье? С таким платьем я не вожусь.— И захныкала.

— Не пойму я тебя, Наташка. Ты только что Ирочку воспитывала, а сама настоящая ревушка.

— Я же в гостях была!

— По-твоему, выходит — только в гостях нужно быть хорошей? Ну что ж! Завтра мы с папой переселяемся в Ирочкину квартиру, а ты оставайся здесь. С Ирочкиной мамой. К нам будешь приходить в гости. Когда ты в гостях, то ты славный ребенок.

— Не-е-ет, — плаксиво простонала Наташа. — Переселяться не хочу. Как же можно к своей маме в гости ходить? Так не бывает. Я лучше дома буду как в гостях.

БАБОЧКА ИГРАЕТ В КОШКИ-МЫШКИ

В город пришла весна — с цветами и с дождями, с жуками, букашками и с зелеными листьями на деревьях.

Солнышко старалось угодить весне, грело изо всех сил.

Наташа сразу подружилась с весной. Надела самое красивое платье и стала гоняться за самой нарядной бабочкой.

Бабочка беспечно взмахивала крылышками и не поддавалась. Сядет на ветку высоко-высоко — попробуй достань! Поднимется Наташа на цыпочки, а бабочка — раз! — и вспорхнула. Ей не хочется попасться в руки, ей хочется поиграть с Наташей.

С озорной бабочкой можно во что угодно играть: и в прятки, и в догонялочку, и в гуси-лебеди.

Но лучше всего она играет в кошки-мышки.

Бабочка ведет себя, как настоящий мышонок. Кошке — Наташе за ней не угнаться. Она бегаёт по лужайке взад-вперед, машет руками, взвизгивает:

— Ах ты какая прыгучая мышка! Тебе что — ты с крылышками! Мне бы твои крылья! Я бы выше неба подпрыгнула и на тучку села.

Бабочка-мышонок затаилась в кустах. Сложила крылышки-ладошки и ждет, когда к ней приблизятся.

Наташа подкрадывается тихо-тихо. Не дышит. Прищуренные глаза смотрят зорко, настороженно. Вот так, наверное, настоящая кошка подкарауливает настоящего мышонка.

«Держись, мышонок! — грозно думает она. — Сейчас ты будешь в моих лапах. Уж я тебе задам, хитруля!»

Бабочка совсем рядом. Протяни руку — и она твоя. Наташа вся сжалась в комок. Она подходит до того близко, что видит, как шевелятся усы у бабочки, как вздрагивают крылья с легкой красивой каймой по краям, как тонкие ножки цепко хватаются за травку. Даже маленькие пятна-родинки на крылышках сумела разглядеть.

Травка под бабочкой чуть согнулась, как под тяжестью цветка. Бабочка и есть цветок! Такая же нежная и красивая! Разве глупые мышата бывают цветами? Никогда!

Цветок шевелится, суетится, переползает с одного стебля на другой. И каждая зеленая травинка, на которую он садится, вдруг оживает, становится сказочно нарядной.

Наташа глаз не может оторвать от удивительного цветка с ножками и усиками. Ей жалко рвать такой красивый цветок.

Она убирает руку за спину и во весь голос кричит:

— Нет, ты не мышонок! Лети на другую травку. Пусть везде будет красиво!

ИСПОРЧЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Наташа проснулась чуть свет, вместе с матерью. Села на край кровати и, болтая ногами, стала думать, какое у нее сегодня настроение — плохое или хорошее? Если плохое — надо реветь, если хорошее — смеяться. Долго думала. Потом решила, что настроение у нее никудышное. Значит, нужны слезы. Она хныкнула раз, другой — плача не получилось. Такая досада!

В тихой комнате задребезжал звонок. Это Ната из соседней квартиры пришла, чтобы вместе идти в детский садик. Но Наташе сегодня идти никуда не хочется. К ней в гости вчера приехала бабушка Таня, и можно весь день играть с ней вдвоем. Бабушка добрая — она будет петь Наташе детские песни.

— Наташенька! — зовет мать. — За тобой подружка пришла. Пора в садик собираться.

— У меня больная голова, — говорит Наташа. — Я в садик не пойду.

Мать потрогала холодной ладонью холодную Наташину голову:

— Странно. Голова не больная, а вид кислый, как после клюквы. Тебе действительно нездоровится. Я поведу в садик одну Нату.

Вскоре Наташа расслышала, как щелкнул замок и стукнула дверь в коридоре. Значит, мама и вправду пошла в садик без нее.

Испорченное настроение стало вдруг самым превеселым. Наташа прыгнула с кровати и забралась на колени к бабушке:

— Спой, бабуся, песенку про зайку...

Бабушка спела про зайку-зазнайку. Потом запела «В лесу родилась елочка...» и «Идет бычок, качается...». Вначале Наташа подпевала ей, потом петь расхотелось.

Она стала думать о маме, которая ведет соседскую Нату в садик.

— Они сейчас идут по улице мимо кинотеатра «Космос»,— сообщила Наташа бабушке.— Там висят на доме большие-пребольшие картинки про кино. Знаешь, какие интересные!

Проходит еще некоторое время. Бабушка пропела Наташе все детские песни и затянула взрослую— «Догорай, гори, моя лучинушка...».

Наташа продолжает думать о своем.

— Мама с Натой переходят улицу,— говорит она.— Кругом машины. Самые разные. И все спешат. Ты, бабушка, таких машин никогда не видела!

Бабушка все поет и поет: то про ямщика, которому запрещают гнать лошадей, то про грустную рябину, то про белую черемуху в саду.

Наташе от таких песен одна тоска. Она сползает с бабушкиных колен и смотрит в окно.

— Теперь Ната садится за стол вместе со всеми,— догадывается Наташа.— Детский сад кушает кашу с маслом и пьет компот с вишнями. Компот вкусный-превкусный...— Наташа сразу оживилась. Смотрит на бабушку хитрыми глазами:— Голова у меня больше не болит. Она совсем-совсем здоровая. Пойдем, бабуся, в садик. Я еще успею к компоту.

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

В воскресенье нас двоих — жену и меня — позвали в гости к дяде Ване.

— Остаешься вместо меня,— сказала мать Наташе.— Будешь весь день домашней хозяйкой. Следи, чтобы в квартире был порядок и тишина. Смотри, вернемся, у бабушки спрошу.

— Ладно,— согласилась Наташа,— буду домашней хозяйкой. Только папа, чур, пусть не приходит домой в грязных ботинках.

— Хорошо,— смутился я,— буду шагать по сухому месту и перепрыгивать через все лужи на дороге.

— По дороге тоже не ходи! — строго посмотрела на меня Наташа.— Автобус тебя задавит. Ходи по тротуару. И за гулями не бегай. А то ты хуже маленького. Так мама говорит.

После нашего ухода Наташа сообщила бабушке новость:

— Ты, бабуся, больше не бабуся. Ты моя дочка Таня. Слушайся меня и не плачь. Я тебе манную кашу сварю.

Бабушка с великим трудом уговорила внучку варить кашу вдвоем.

Они варили вместе. Но есть кашу «домашняя хозяйка» заставила одну бабушку.

— Я для тебя, дочка,— сказала Наташа,— сварила кашу. Ты и кушай. Не капризничай. А то я тебя в угол посажу и на улицу не выпущу.

Пришлось бабушке питаться одной манной кашей и пить молоко.

Наташа для себя налила щей погуще и посыпала их перцем, как всегда делала мама.

Она храбро хлебала горькие щи и приговаривала:

— Какая невкусная жизнь у домашней хозяйки! Морщиться хочется. Фу!

После обеда приказала бабушке:

— Спать! Пришел твой мертвый час, дочка!

Бабушка заупрямилась:

— Не хочу я спать, Наташенька! Это тебе нужен мертвый час. Мне вовсе не нужен. Я старенькая.

— Ты вчера была старенькой, сегодня ты моя дочка. Забыла? Мама лучше знает, что нужно дочке. Раз сказано — спать, значит, спать.

— Уволь от такого наказания,— взмолилась бабушка.— Я лучше тебе песню спою. Про зайку-зазнайку.

— Нет, это я тебе буду петь. Колыбельную. А ты закрой глаза и потихонечку засыпай. Все дети так делают. Не спят только шалуны. Ты шалунишка?

Бабушка поворчала-поворчала и легла в постель.

Наташа протяжно запела:

В доме погасли огни,
Спи, моя детка, усни...

Бабушка ворочалась, вздыхала, сморкалась в платок. Сон к ней долго не шел.

— Какая же ты у меня шалунишка! — рассердилась Наташа. — Все нормальные дети давно спят. Одна ты ворочаешься. Может, тебе сказку рассказать? Тогда слушай. Жила-была Красная Шапочка. Только ты не думай, дочка, что это просто шапочка. Так девочку звали. Жил-был еще волк. Только ты не думай, дочка, что он игрушечный. Волк был настоящий и жил в темном лесу, а не у меня в чемодане. Пошла Красная Ша-

почка в лес по грибы с корзинкой... Я тоже в лес ходила. Только без корзинки. С маминой авоськой. С корзинкой лучше... Так вот, пошла Красная Шапочка в лес по грибы... Шла, шла... Что же дальше?.. Совсем спуталась... Ты мне подсказывай...

— Видит, значит,— продолжила бабушка,— перед собой избушку на курьих ножках...

— Зачем ты мне подсказываешь! — перебила Наташа.

— Ты же сама просила...

— Я больше просить не буду. Ты спи просто так. Сказку тебе завтра доскажу. Спи! А я пока займусь хозяйством...

Наташа стала мыть посуду. Бабушка то и дело вскакивала с постели. И не напрасно: из кухни раздался звон разбитого стакана.

Потом Наташа принялась за стирку белья для куклы. Бабушка три раза заглядывала в ванную: чего доброго, внучка зальет всю квартиру водой из крана.

После стирки у Наташи нашлось новое занятие — соскабливать ножом собственный рисунок на стенке.

Бумажные обои трескали, лохматились. Страшно было посмотреть на них. Бабушка охала и ахала.

— Почему, дочка, не спишь? — гневно топала на нее Наташа. — Немедленно спать! Какая ты нехорошая дочка — всю стенку карандашом разрисовала...

— Я? Разрисовала стенку? — у бабушки от удивления глаза стали круглыми...

Когда мы вернулись из гостей, то не узнали родной квартиры: стены облуплены, на полу лужи и битое стекло, весь телевизор обвешан мокрыми платьями и штанишками куклы Ляли.

Наташа сидела возле бабушки Тани и клала ей на голову мокрую тряпку. Заметив нас, она обрадовалась и как ни в чем не бывало подбежала к матери:

— Вот хорошо, что пришла! А то моя дочка Таня никак не хочет слушаться домашнюю хозяйку. Поругай ее, мама!

МЕТИ, МЕТЛА, ЧИЩЕ!

Нет, пожалуй, занятия веселее, чем подметать пол. Наташа старается изо всех сил. Из-под веника к самому потолку взлетают пылинки. Мама чихает. Папа чихает. Сама Наташа чихает. Всем весело.

— Чихайте на здоровье! — смеется Наташа. — Скорее пыль вычихается.

— Ты бы поосторожнее, Наташенька, — советует мать, сжимая нос пальцами, — задохнуться можно. Отвезут нас всех в больницу.

— В больницу не отвезут, — успокаивает Наташа. — У нас самих будет чистенько, как в больнице. Я подмету, и мы все будем болеть в чистом доме.

Наташа бойко выметает пыль из всех углов. Лезет под стол и под диван. И там вспутывает пыль своим жестким веником.

Пыль от нее — врассыпную. Но Наташу не перехитришь. Она строго следит, чтобы пылинки не отдыхали долго ни на подоконнике, ни на стульях. Гонит их отовсюду, как вредных мух. Гонит веником и тряпкой, чтобы и следа от них не осталось.

— Мети, метла, чище! Мети, метла, чище! — напевает Наташа и взмахивает веником в такт своей песне.

И вот комната прибрана. Пол сверкает чистотой. Стулья сверкают чистотой. Подоконник сверкает чистотой. Ни пылинки, ни соринки — одна чистота!

Любо посмотреть на такой порядок. Мать смотрит и радуется. Я смотрю и радуюсь. Наташа тоже радуется.

ся. Не кто-нибудь, сама подметала — вот такая она чистюля!

— Теперь и ужин можно на стол ставить. Пельмени уже готовы,— говорит жена и щелкает выключателем.

От электрического света комната обновляется, делается еще чище, светлее.

Теперь не только мы с женой, но и всё вокруг не нарадуется чистой Наташиной работой. Лампочка смот-

рит с потолка на Наташу и сияет, как солнышко. Тетенька с картины на стенке улыбается Наташе. Стаканы в шкафу тоже подмигивают Наташе мерцающими огоньками. А блюда, которые жена расставляет на столе, приветствуют Наташу певучими голосами: дзинь-дзинь... тиньк-тиньк!

Под мелодичный перезвон тарелок Наташа ловко поддевает кучу подметенного мусора железным совком и выносит на кухню. Потом возвращается обратно без совка, с одним веником в руке.

— Теперь, мамочка, все готово,— говорит Наташа, щурясь от удовольствия.— Вот я какая!— И кладет грязный веник на стол, где на блюдечках дымятся вкусные пельмени.

СЛОЖИМ ПОПУГАЙЧИКА С АРБУЗОМ...

Ни один праздник у Наташи не обходится без бабушкиного подарка. Вместе с раскрашенными открытками бабушка Таня присылает ей куклы и коробки с конфетами.

Получать посылку на почту мы ходим вместе с Наташей. Пока возвращаемся обратно, от конфет ничего не остается. Приносим домой куклу и пустую коробку. Потом и коробки не остается— Наташа отдирает от нее картинку, а коробку бросает куда попало.

— Я на картинке письмо напишу,— сообщает Наташа.— Получится открытка. Я ее бабусе Тане пошлю. Пусть и у нее будет мой праздник.

Наташа берет цветные карандаши и начинает писать письмо бабушке. Сопит, мусолит кончик карандаша языком. Старательно выводит на бумаге каракули.

— Папа, прочти мое письмо,— просит Наташа.

Я верчу письмо и так и эдак — ничего не могу понять! Надеваю очки. Но и в очках не разбираю.

— Здесь написано на каком-то непонятном языке, — говорю ей.

— Ты, папочка, просто не умеешь читать. Вот послушай. — Она берет свое письмо и читает: — «Милая бабуся Таня! Конфетки твои сладкие. Куклу я назвала Таней. Я ее поцеловала три раза и уложила спать. Она не плачет. На небе светит солнышко. Приезжай ко мне в гости. Целую тебя три раза. Наташа».

— Складное письмо! — хвалю я. — Давай перепишем его. А то бабушка твоего языка, наверное, тоже не разберет. Я буду писать на своем языке. Ладно?

— Ладно, пиши на своем. А то мой язык весь грязный. Пойду помою его водичкой.

Она убегает мыть язык. Я сажусь за Наташино письмо. Ну вот оно и готово! Заклеиваю его в конверт. Теперь нужно написать адрес.

— Дай, я сама, — просит Наташа, вернувшись из кухни.

— Ты букв еще не знаешь.

Я достаю кубики, которые в прошлое воскресенье купил для Наташи, и говорю:

— Давай изучать буквы, чтобы самой писать бабушке письма.

На боках у кубиков нарисованы разные картинки и буквы. Там, где стоит буква Ц, нарисована цапля, где З — зайчик, где П — попугай, где А — арбуз. Если кубики сложить в один ряд, то из букв сложится целое слово. Я беру кубики с попугаем и арбузом, кладу их рядышком. Потом нахожу еще одного попугая и один арбуз. Вплотную сближаю их. Объясняю Наташе:

— Попугай начинается с буквы П, арбуз — с буквы — А. Соединим эти буквы. Получается ПА. К ним присоединим еще одно ПА — попугая с арбузом. Полу-

чается слово ПАПА. А ну прочти сама, что здесь написано!

— Попугая сложим с арбузом, и получится папа.

— Правильно! — радуюсь я. — Только не попугая с арбузом сложим, а начальные буквы этих слов — П и А. А то мне обидно слышать, что я будто бы состою, как ты говоришь, из арбуза и попугайчика. Я не такой.

— Конечно, не такой! Я сама удивляюсь. На тебе еще волосы есть, очки и костюм, а в кармане — спички.

Я долго рассказываю Наташе, как правильно надо читать. Потом прошу еще раз произнести слово «папа» по кубикам.

— Попугай — арбуз, попугай — арбуз, — твердит Наташа. — Попугай — арбуз, попугай — арбуз.

— Нет, видимо, грамотного человека из тебя не получится, — огорчаюсь я. — Придется мне самому писать бабушкин адрес.

Я пишу. Наташа берет письмо и бежит к двери.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Письмо бабусе в ящик опустить. Почтальон всегда опускает вот в эту щелочку. И я опущу. Письмо полетит к бабусе.

Наташа пододвигает к двери стул, взбирается на него и опускает конверт в ящик. Потом снова садится за стол. Берется за карандаш. Я слышу, как она сочиняет свое новое письмо бабушке.

— Приезжай ко мне, бабуся, — бубнит она. — Приезжай. Будем собирать из двух попугайчиков и двух арбузиков папу. Когда ты приедешь, то и тебя будем складывать из кубиков. Папа научит. Только ты приезжай скорее, пока еще живы кубики.

...Вместе со свежими газетами мама вынула утром из ящика на двери два письма и отдала их Наташе.

— Это мои письма! — удивленно воскликнула Наташа. — Почему же они не улетели к бабусе?

РОЗОВЫЙ НОГОТОК

— Какая ж ты у меня косматая! Как баба-яга! — воскликнула мать. — Надо немедленно подстричься.

— Не хочу стричься! — запротестовала Наташа. — Возьму твой гребешок, причешусь и не буду бабой-ягой.

— Летом твои волосы ни один гребешок не расчесет. Нет, мы сейчас же идем в парикмахерскую!

И они пошли.

Вначале шли быстро. Потом все медленней и медленней. Когда приблизились к высокому крыльцу парикмахерской, Наташа совсем остановилась.

— Устала?

— Нет, мама, меня ноги не слушаются. Они не хотят идти.

— Давай я их подтолкну ладонью.

— Не надо подталкивать. Тихие ноги пойдут сами. Я их уже заставила.

И Наташины ноги действительно заработали. Правда, они спотыкались о каждую ступеньку, подолгу топтались на одном месте, но все же медленно продвигались к креслу, возле которого стояла тетя-парикмахерша.

Когда Наташа увидела у тети в руке ножницы, то у нее ноги совсем остановились, а голова, наоборот, закружилась.

— Косы не хотят, чтобы ножницы подстригали, — заявила Наташа. — Они хотят расти дальше.

Наташу силой усадили в кресло. Тетя взялась одной рукой за ножницы, а другой — за Наташину голову. Но голова вывернулась из-под ее ладони и стала качаться в разные стороны, как маятник у часов.

— Подожди. Не вертись вьюном. Посиди хоть минутку по-человечески, — твердила тетя.

Но голова не слушалась.

— Нет, я больше не могу! — отчаялась тетя.

Мать ссадила Наташу со стула и сердито сказала:

— Не хочешь подстригаться, ходи лохматой. Только в таком виде стыдно с тобой на улице показаться.

Она отвела дочь в коридор, где сидели небритые дяди:

— Сиди здесь и жди меня. Только смирно сиди. Я скоро вернусь. — И ушла, попросив одного из клиентов последить за Наташей.

«Интересно, куда ушла мама?» — Наташа спрыгнула со стула и заглянула в дверь.

Мать смирно сидела за столиком, положив перед собой руки. Тетя в белом халате красила ей ногти. Так вот почему, оказывается, у мамы всегда такие чистые и такие розовые ногти! Наташа раньше думала, что они сами вырастают у мамы такими раскрашенными. А тут вон в чем дело...

Наташа не вытерпела, подошла к тете:

— И мне надо такой ноготок...

— Ноготки, девочка, мы красим только мамам.

Мать недовольно заметила:

— Нужно прежде всего голову иметь красивую, а не лохматую. В садике все смеются над твоей косматой головой.

— Я дам стричь голову, — согласилась Наташа. — Но только тетя пусть ноготок мне покрасит.

Женщина в белом халате заулыбалась:

— Ладно. Сделаю тебе розовый ноготок.

За все время, пока стригли волосы, Наташа ни разу не пискнула. Сидела смирно, высоко подняв острые плечи. Обе ладошки она от страха прижала к груди, боялась: а вдруг будет больно?

Но больно не было. Только щекотно немножко. Наташа даже хихикнула от щекотки.

Она не отрывала глаз от большого зеркала, которое стояло перед ней. В зеркале отражалась сама Наташа с волосами, которые постепенно уменьшались, и тетя-парикмахерша с гудящей машинкой в руках. Темные Наташины волосы, с таким трудом выросшие за зиму, теперь клочьями падали на плечи, скатывались на пол. Только спереди, надо лбом, оставалась ровная густая челка.

Раньше голова была круглой, как лохматый шар, теперь вдруг вытягивалась, становилась продолговатой. И все лицо делалось каким-то не таким, мальчишечьим. Глаза и нос — те же, губы и щеки — те же, а вот лицо — не то. А все потому, что волос мало. Они теперь не то-

порщились во все стороны, а лежали на голове смирно и красиво.

Когда волосы были приведены в порядок и аккуратно расчесаны, тетя выполнила обещанное. Она помазала кисточкой самый маленький Наташин ноготок. Он сразу стал розовым и блестящим, как у мамы.

Из парикмахерской Наташа шагала весело и с гордостью поглядывала на свой удивительный ноготок.

Но на другой день, придя из садика, Наташа вдруг потребовала:

— Мама, отмой мне ноготок.

— Что случилось?

— В садике все смеются надо мной и зовут «Розовый ноготок». Я не хочу, чтобы так звали. Меня ведь Наташей зовут, да?

КАРАСИК С ХИТРОГО ОЗЕРА

Весной мы с Наташей ходили на озеро удить рыбу. Забрасывали удочки то в одно место, то в другое. Рыбки почти всех червяков у нас съели, а на крючок не попались.

— Вот какие они хитрые, рыбки! — говорила Наташа.

Мы уже решили смаывать удочки. И тут вдруг — дерг-дерг! — поплавок запрыгал на воде. Клонуло! Я сам чуть не заплясал от счастья. Но плясать было некогда. Я потянул удочку и вытянул рыбку — маленького карасика.

Наташа обрадовалась карасику, проворно схватила стеклянную банку, в которой раньше ползали червяки, зачерпнула воды и пустила его туда. Карасик завилял куцым хвостиком и стал тыкаться ртом в стекло.

— Рыбка на улицу просится,— сказала Наташа.— Она хочет поиграть со мной.

— Карасику на улицу нельзя,— предупредил я.— Он умрет без воды. И кошку близко подпускать нельзя. Кошка съест его.

Мы несли банку с карасиком по улице, и все прохожие спрашивали:

— Где вы поймали такого хорошего карасика?

— На озере, где водятся хитрые рыбки,— отвечала Наташа.

Когда мы пришли домой и поставили банку на стол, карасик начал метаться — то всплывал вверх, то падал на самое дно.

— Не бойся,— успокаивала Наташа карасика.— Я тебя не обижу. Я не кошка. Мы будем дружить, да?

Вечером я увидел в воде рядом с карасиком рисовую кашу и два сухарика. На дне банки лежали яблоко и полкотлеты — все, что осталось от Наташиного ужина. Рыбка, высунув губы из воды, тяжело дышала, глотая воздух.

— Что ты наделала! — заругал я Наташу.— Ведь рыбка задохнется. Быстро смени воду. Это не рыбкина еда. Ей нужны червяки, мухи и мошки.

Теперь Наташа прыгала по комнате и ловила мух. И нас с мамой заставила ловить.

В этот вечер мы все очень устали — гонялись за мухами для карасика.

Наташа звала карасика, как цыпленка:

— Цып-цып, рыбка... Цып-цып, рыбка...

Карасик цыплячьего языка не понимал и потому равнодушно проплывал мимо.

Но стоило Наташе спрятаться, как рыбка сразу же набрасывалась на корм. Тогда Наташа посадила возле банки свою куклу:

— Смотри, Ляля, как карасик будет есть. А то он меня стесняется.

Перед сном Наташа долго рылась в игрушках. Вытащила всех своих котов — черного деревянного, с загнутым, как крючок, хвостом, тряпичного серого, без одного глаза, и белую, самую смирную кошку — из ваты. Завернула их в простынку и понесла в другую комнату.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я.

— Чтобы кошки не съели моего карасика, — ответила Наташа.

МИШКА-ПОДЛИЗА

— А мы сегодня в зоопарк идем! — похвасталась Наташа своей подружке Ире. — Будем зверушек кормить. У меня полные карманы леденцов. Во какие пузатые карманы! Поцупай.

— Я тоже хочу в зоопарк. Но мама не пускает. Я плакала-плакала. Она все равно не пускает.

— Ты плакса, вот тебя и не пускают. Я сегодня не ревела вовсе. С самого утра терплю. Вот меня и пустили.

В зоопарк Наташа пошла с матерью.

Хорошо в зверином городке! Там в клетках живут лисы и волки, зайчики и белки, обезьяны и птички. Слоны машут хоботами из-за высокой ограды. Морские львы ныряют в бассейне.

Эх, вот здесь бы построить домик и жить зимой и летом вместе со зверушками. Никогда бы не было скучно!

Захотела на бегемота взглянуть — пожалуйста!

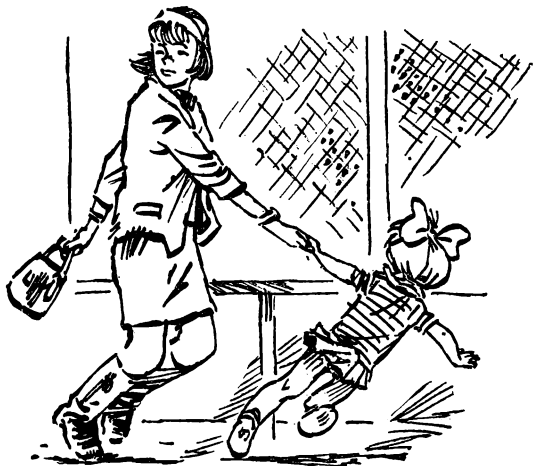

Захотела на пони покататься — пожалуйста!

Захотела белым лебедям хлеба покрошить — пожалуйста, кроши сколько угодно! Никто не заругается!

А лучше всего построить дом возле клеток с медвежатами. С ними можно играть. На них можно ездить верхом. Их можно кормить молоком из соски. Они все могут: и плясать, и подавать лапу, и даже шапку носить умеют. Наташа была в цирке и все это видела своими глазами.

Здесь, в зоопарке, медвежонок совсем маленький.

Бегаёт медленно, вперевалочку, как клубок катится. И все время посматривает на ребят, которые облепили решётку. И на Наташу тоже посматривает своими добрыми глазами-пуговками. И лапу ей протягивает: здравствуй, мол, Наташенька, есть ли у тебя конфетка?

У Наташи есть леденцы. Она бросает за решётку один, другой...

Мишка подбегает к леденцам. Пододвигает их лапой к себе поближе, обнюхивает, слизывает языком. Потом подкатывается к самой решётке и встает перед Ната-

шей на задние лапы. Смотрит внимательно-внимательно и ждет еще лакомства.

В карманах у Наташи пусто — последний леденец медвежонку отдала.

— Потерпи, мишенька, я тебе завтра еще принесу! — обещает Наташа.

Она хочет рассказать ему о своих плюшевых медвежатах, которых она каждое утро кормит и поит, и о доме, который нужно построить в зоопарке, и о цирке, где медведи пляшут, как настоящие артисты.

Но он слушать не хочет. Раз нет леденцов — Наташа ему не нужна.

Фыркнув, мишка неторопливо ковыляет на другой край клетки. Там толстощекий мальчик протягивает ему кусочек сахара. Мишка с радостью принимает подачку и облизывается.

У мальчика на ладони белеет еще один сладкий комочек. Мишка ждет не дождется, когда ему бросят сахар. Он поднимается на задние лапы, мотает головой. Глаза у него просящие, жалобные.

Наташа зовет его к себе. Но он даже не оборачивается. Мишка видит лишь толстощекого мальчика и его сахар.

Наташа обиженно надувает губы и тянет мать за рукав:

— Пойдем отсюда, мамочка. Этот мишка нехороший. Он подлиза. Только за конфетки служит. Пойдем лучше к обезьянам — они прыгают просто так.

СЕМИЛЕТКА

Сегодня Наташе исполняется ровно семь лет. Мать сказала, что это круглая дата и что Наташа скоро пойдет в школу.

— Цифра семь вовсе и не круглая,— не согласилась Наташа.— Круглым бывает только ноль.

— Да, круглым бывает только ноль,— поддакнула мама.— Но я не о цифре говорю. Я о твоих годах. Семь лет — это много, целая семилетка! У каждого человека своя семилетка. Проживешь семь годиков и начинаешь думать, хорошо прожил их или так себе. Это для того, чтобы в следующую семилетку ничего плохого не делать, а жить только хорошо.

— А я как прожила? Так себе?

— Нормально. Как все дети живут. Только часто плакала и озорничала. Это плохо.

— Школьники и то плачут. А у них семилеток больше, чем у меня. Я сама видела — взрослому мальчику придверило пальчик, и он ревел.

— Он плакал потому, что ему было больно. Ты же плачешь даже тогда, когда тебе совсем не больно.

— В новую семилетку я буду плакать, только когда больно.

На день рождения пришли три Наташи и соседка Ирочка. Ирочка была вся в бантиках — два на голове и один на платье.

Три Наташи сели рядом: Наташа с косичками, Наташа с веснушками и без косичек, Наташа в очках и с одной косичкой.

Именинница Наташа удобно устроилась за столом на самом видном месте. Поскольку у нее не было ни бантиков, ни косичек, она хвасталась своим новым платьем, на котором цветов больше, чем на клумбе.

— Я сегодня семилетка и потому такая цветистая! — объявила Наташа.— Мне еще платье подарят, когда новая семилетка будет. Я должна о ней сейчас думать, чтобы она была хорошая.

— Мы все шестилетки и семилетки,— серьезно сказала Наташа в очках, пододвигая к себе поближе блюд-

це с самым большим куском торта.— Мы все должны думать. Думать и думать, пока голова не устанет. А то скоро в школу пойдем — думать будет некогда.

— В школе еще больше думают,— тряхнула косичками сидевшая по соседству другая Наташа.— Мне сестренка говорила: кто в школе у них не думает, тому учитель двойку ставит. За двойку мама сестренку ругает.

Маленькая Наташа с веснушками измазала сладким тортом свой курносый нос. Веснушек не стало видно. Ей хотелось тоже что-то сказать. Но мешал торт. Он застревал в горле. Кое-как проглотила. Теперь говорить стало свободнее.

— Вот, вот. Ругается. Моя мама всегда ругается. Вот, вот,—затараторила она.—Спать не ложишься—ругается. Окно разобьешь—ругается. Лягушонка принесешь домой—и то ругается. Весь день ходишь обруганная. Вот, вот.

— Тебя правильно ругают,—сказала Ирочка, поглаживая бант на груди.—А меня мама ругает за слезы.

— Не плачь—вот и не будут ругать!—вставила Наташа-именинница.—Одну семилетку проплакала, и хватит. Другую семилетку проживем без слез.

— Как же, проживешь! Слезы сами так и лезут из меня. Мама даже сказала, что принесет ведро, чтобы копить мои слезы. А еще сказала, что мои слезы беспо-

левные и соленые. Будто бы ими даже цветы нельзя поливать.

— Плакать нужно, только когда больно,— повторила именинница мамины слова.— Просто так плакать неинтересно.

За окном почернело. Пришла пора расходиться. От громадного торта на блюдечках остались одни крошки да отпечатки детских пальцев.

Наташа проводила гостей до двери.

— Ну вот и началась твоя новая семилетка,— сказала мать.— Семилетка без слез. Не так ли?

— Так,— ответила Наташа.

Без гостей в доме скучно. С куклой Лялей играть не хотелось. Спать тоже не хотелось. Чем бы заняться? Наташа решила, что сейчас самое время покрасить полы. Мама еще в прошлое воскресенье купила желтую краску в банках. Наташа потихонечку проскользнула на кухню, схватила кисть с банкой и побежала в спальню. Но в дверях столкнулась с матерью.

— Почему у тебя краска?

— Пол красить, чтоб красивее был.

— Не твое это дело. Положи банку на место. И ложись спать.

Слезы сами подкатывались к глазам. Но Наташа сдерживала их. Ведь плакать нужно лишь тогда, когда больно. А ей совсем не больно.

Наташа прижала к груди банку и хотела проскочить в спальню. Невзначай ударилась головой о дверь. Чуть-чуть ударилась, совсем не больно, чтобы плакать.

Тогда она стукнулась еще раз, посильнее. Стало больно. Наташа заревела.

Мать горестно посмотрела на свою дочь:

— Так начинается твоя новая семилетка. Что-то будет дальше?

ВОЛШЕБНИК БЕЗ БОРОДЫ

ПРАВДИВАЯ ПОВЕСТЬ
ОБ ОЛЕГЕ, ОЛЕ
И ДОБРОМ ЧАРОДЕЕ
СТЕПАНЕ КУДЕСНИКОВЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗНАКОМИТ С ОЛЕГОМ, КОТОРЫЙ ГОВОРИТ «ДА», И ОЛЕЙ, КОТОРАЯ ГОВОРИТ «НЕТ»

Все братья и сестры очень похожи друг на друга. Возможно, похожи они потому, что живут вместе, едят одну и ту же кашу и хлебают один и тот же суп. Возможно, и почему-то по-другому все это происходит. Кто знает!

Мальчик и девочка, с которыми я хочу вас познакомить, носят одну и ту же фамилию: он — Олег Булкин, она — Оля Булкина. Вы, наверное, уже догадались, что они брат и сестра. А раз так, то между ними много схожего.

Если, допустим, взять глаза и нос у Олега и переставить их на место глаз и носа Оли, то, убежден, никто из живущих на земле людей, даже родные мама с папой, не заметят никакой перемены на их лицах. У всех Булкиных глаза большие и одного цвета — карие, с желтизной в глубине. Носы у Булкиных курносые, так что их можно сколько угодно перемещать с одного лица на другое — ничего не изменится.

Но меня назвали бы бессовестным обманщиком, если бы я сказал, что у Олега с Олей сходится буквально все. Я этого и не скажу.

Во-первых, у них не сходятся года — ему пять лет, а ей только четыре. Большая разница! Во-вторых, волосы у них, хотя и одинакового цвета — русые, но у Олега торчат ежиком, а у Оли — длинные и мягкие, как бархатные ниточки, и перевязаны они розовой лентой. Если бы у Олега и выросли такие длинные волосы, он все равно ни за какие коврижки не стал бы вплетать в них девчачьи ленты — вот еще!

И говорят они совершенно по-разному. Если Олег скажет «да», то Оля обязательно скажет «нет».

— Дети, налить вам суп с лапшой? — спрашивает за обедом мама.

— Да, — отвечает Олег.

— Нет, — качает головой Оля. — Хочу суп без лапши.

— Без лапши будет завтра.

— Нет, хочу без лапши сегодня! А завтра хочу с лапшой.

— Чай с чем будете пить — с сахаром?

— Да, с сахаром, — отвечает Олег.

— Нет, с конфеткой. Она слаще, — возражает Оля.

И так с утра до вечера.

Живут они в квартире под номером 31, на третьем этаже, и спят в одной комнате: Олег — в кровати у левой стенки, Оля — у правой. Спать ложатся они ровно в девять, встают в восемь.

Если кто-то проснется раньше, то прищуривает глаза и поджидает, когда проснется другой. С кроватей вскакивают вместе и бегут умываться.

Умываться им тоже почему-то хочется в одно и то же время. Но это очень трудно — в ванной всего один умывальник. До конца умыться не удастся ни тому, ни другому. Если, скажем, Олег сумеет поработать зубной щеткой, то Оля успевает смочить под краном лишь кончик носа да щеки, на зубы времени не остается. Так и

ходят весь день — Олег с белоснежными зубами, а Оля — с чистыми щеками.

Но в то утро все случилось как раз наоборот: Оля зубы почистила, а Олег вымыл щеки. Он шмыгал носом, куда каким-то непонятным образом попала вода.

Было воскресенье, и инженер Михаил Васильевич Булкин не пошел на службу, потому что в выходной день все люди отдыхают. Он взял детей за руки и повел гулять.

Когда они подошли к реке, папа вдруг вспомнил, что оставил дома зонтик.

Надо сказать, что папа всегда чего-нибудь забывал. В позапрошлом воскресенье он забыл в тумбочке очки, и пришлось возвращаться. В прошлый выходной вышел гулять без шляпы, и его, как сказал папа, «могло испечь солнышко». Чтобы солнышко не испекло, как картошку, папину голову, они втроем побрели к своему дому за шляпой. Пока ее искали в шкафу, солнышко скрылось. Шляпа так и не пригодилась.

Вот и теперь, остановившись с детьми на берегу, папа сказал:

— Зонтик нам крайне необходим. Видите — в небе гуляет темная туча. Пойдет дождь, и мы вымокнем до нитки, как мыши.

— Мыши не вымокнут, — сказала Оля, прижимая к груди игрушечного тигренка. — Они убегут. А еще — они маленькие. Маленьких быстро не вымочишь.

— Много ты понимаешь! — Олег шмыгнул носом. — Это взрослых не вымочишь — они большие. А маленьких одной каплей вымочишь. Сухого места не останется. Пошли домой за зонтиком.

— Правильно, — согласился папа.

— Нет. Не пойду домой, — заупрямилась Оля.

— Пойдешь! — грозно насупил брови Олег. — Одну не оставим. Тебя волки съедят.

— Правильно,— снова согласился папа.— Одну оставлять опасно. Ты еще ребенок. Мало ли что может случиться!

— Со мной тигр. Волки испугаются.

— Глупый ты ребенок,— сказал папа.— Твоим тигренком даже мышь не испугаешь. Пошли!

— Не пойду!

— Ну и не ходи! — сказал Олег.— Мы пойдем с папой одни. А тебя волки загрызут. Останутся одни косточки и бантик на песке.

— Ну и пусть загрызут!

— Вот упрямая! — всплеснул руками папа.— Придется тебе, Олег, с ней остаться. Покарауль, пока я из дому вернусь. Ты же как-никак у нас старший. К воде, смотри, не подпускай близко.

— Ладно, не подпущу. Возвращайся скорее. А то она убежит на все четыре стороны.

Оставшись наедине с Олей, Олег положил палку, поднятую с земли, на плечо, как боец винтовку.

— Не смей шевелиться,— предупредил он, по-солдатски вышагивая вокруг сестренки,— не то плохо будет.

— Палка не стреляет! — показала язык Оля.— Вот возьму и убегу!

— От караульного не скроешься...

— Нет скроюсь!

И Оля со всех ног припустилась к реке. Брат едва догнал ее.

Туча надвигалась все ближе и ближе.

— Будет дождь,— сказал Олег.— К воде не подходи!

— Нет пойду, нет пойду! — вырывалась Оля.

— Заладила: нет да нет... Все знают, что ты некалка.

— А ты — дакалка.

— Лучше быть дакалкой, чем некалкой.

Брат с сестрой, пожалуй, разругались бы на всю

жизнь, если бы в разгар их спора из черной тучки, которая мрачно распласталась на небе, не упали им на головы холодные дождинки.

Первой вздрогнула Оля. Затем вздрогнул Олег. Потом они оба, ежась, посмотрели на небо и разом смолкли: тут не до спора!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК СТЕПАН КУДЕСНИКОВ И ОДНИМ ВЗМАХОМ РУКИ ПРОГОНЯЕТ ТУЧКУ С НЕБА

— Эй, люди! Где вы там? — донесся откуда-то сверху громкий голос.

— Слышишь? Нас спрашивают, — сказал Олег, смахивая с носа прозрачную капельку.

Они огляделись по сторонам и увидели, что к берегу спускается высокий человек. Одной рукой он опирался на ручку черного зонта, а другой придерживал перекинутую через плечо брезентовую куртку. Дяденька кого-то искал глазами, то и дело поворачивая свою огромную взлохмаченную голову вправо и влево. Дети, прячась от дождя, забрались под зеленую скамейку на берегу, примолкли.

— Куда же вы запропастились? — снова крикнул человек. — А ну подайте голос!

— Будем подавать голос или не будем? — шепотом спросил Олег.

— Нет, не будем. Дяденька в милицию ответит. Скажет — заблудились...

— Не скажет. Мало ли чего нам здесь надо? Может, мы просто отдыхаем под скамейкой?

— Как же отдыхаем, если у нас нет папы?

— Откуда он знает нашего папу? Он ничего не знает.— Олег вылез из-под скамейки и встал в полный рост.— Вы нас зовете?

Человек с зонтом обрадовался и проворно спрыгнул с крутояра на песок:

— Конечно, вас, кого же еще! За версту чую— здесь спрячутся люди, которым нужна моя помощь.

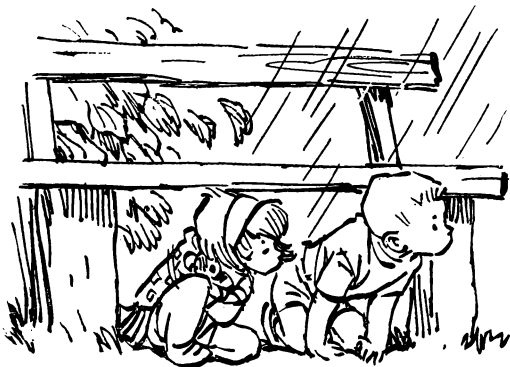
Он подошел ближе, раскрыл зонт и подал его Олегу:

— Держи крепче!

Оля встала под черный купол зонта рядом с братишкой. Теперь дождик не страшен.

Олег спросил незнакомца:

— А как вы нас разыскали?

— Для меня это пара пустяков! Найду кого угодно. А еще могу сделать то, чего другие не могут.

— Сделайте, чего другие не могут,— попросил Олег.

— Пожалуйста...

Дяденька взглянул на реку. Волга, покрытая мелкой студеной рябью, выглядела неприветливо. По реке навстречу друг другу плыли два больших парохода.

— Хотите — сейчас буду говорить с пароходами? — Незнакомец сложил ладони рупором и во весь голос крикнул: — Пароход-пароходище, скажи, как зовут эту курносую девочку?

Белый пароход замедлил ход, выпустил из трубы густые черные клубы дыма и басовито пропел:

— О-о-ой-я-я...

Эхо протяжного гудка пробежало по берегу и смолкло где-то далеко-далеко, за лесом.

— Интересно, а какое имя у твоего братца? А ну-ка спрошу у встречного судна...

И второй пароход, поравнявшись с тем, который шел ему навстречу, неожиданно ответил двумя вздохами, гулками и глубокими:

— О-о-лг... О-о-лг-г...

— Ну вот, мои юные друзья, таким образом мы с вами и познакомились — Олег и Оля, брат и сестра... И оба — Булкины. Не так ли? А меня, между прочим, зовут дядей Степаном — Степаном Кудесниковым. Прощу любить и жаловать!

— Откуда вы знаете, что мы Булкины? — удивилась Оля. — Пароход подсказал?

— Чайка помогла. Слышали, как она, блеснув крыльями над моей головой, что-то выкрикнула? Это она вашу фамилию назвала.

— Вы волшебник? — спросила Оля.

— Разве не видишь? — вмешался Олег. — Запросто с пароходами разговаривает. Ты бы так смогла? И фа-

милию угадать никто бы не смог. Только волшебники. Так ведь, дядя Степан?

— Раз ты так считаешь, то, должно быть, так оно и есть. Сам-то я над этим, признаться, не задумывался. Живу — в ус не дую. Но чувствую: все у меня как-то по-чуждому получается. Сам удивляюсь.

— Ничего удивительного, — сказал Олег. — В вас волшебная сила сидит. А вы и не знаете...

Рассуждая так, Олег с завистью поглядывал на волшебника Степана Кудесникова. Повезло же человеку! Живет и не знает, что ему волшебная сила помогает.

С таинственной силой не пропадешь, в любой момент выручит: ни в воде не утонешь, ни в огне не сгоришь, в лесу не заблудишься и под дождем не вымокнешь.

Хорошо бы подружиться с дядей Степаном! Вот бы жизнь была! Одно чудо сменялось бы другим. Допустим, захотел Олег в солнце превратиться. Раз — и превратился. Сияло бы над землей сразу два солнца — мальчишки вдвое быстрее загорать бы стали, ходили бы черные, как негры. И ночи бы тогда вовсе не было — пока настоящее солнце за горизонтом дремало бы, он, Олег, все собой освещал. Вот радости людям! Или еще — задумал бы Олю в лягушку превратить. Раз — и превратил! Прыгала бы эта лягушка по траве и квакала, но квакала не те слова, которые ей хочется: «Нет, не-е-т», а те, которые Олег прикажет: «Да, да, да!» Скажи волшебнику, чего хочешь, — и он все сделает! А ты лежи в постели и смотри в потолок. Смотришь так себе, вроде бы и безразлично, а в этот миг по твоему хотению-велению разные чудеса происходят...

Оля тоже думает о незнакомом дяденьке. Кто он такой? Разговаривает с пароходами и птицами, как с людьми, и — вот что удивительно! — они отвечают ему, как люди.

Вполне возможно, что дядя Степан — волшебник. Только какой-то странный, непохожий волшебник. Таких в книжках не рисуют. Нет ни бороды, ни усов, ни длинного золотого платья, ни чалмы на голове, ни волшебной палочки в руках.

Оля вспомнила папину сказку про злого волшебника, который в любую минуту мог притвориться ласковым и добрым. Люди не знали хитрости волшебника и шли за ним. А он уводил их в подземелье, держал, как собак, на цепи и заставлял прислуживать одноглазому страшилищу. Страшная сказка. А что, если и дядя Степан такой? Кто знает! Жаль, нет папы рядом. Он сразу бы угадал, какой это волшебник — злой или добрый.

Оля шепнула Олегу на ухо:

— Он обманщик... Злой волшебник...

— Хы,— ухмыльнулся Олег,— меня не проведешь! Злые веселыми не бывают.

— Нет, бывают!

— Много ты понимаешь...

— Что папа рассказывал? Забыл?

— То сказка! А тут настоящий волшебник. Взаправдашний! Не пугай...

— Я ему не верю. Вот скоро придет папа...

Дядя Степан стоял в сторонке и, конечно, не слышал их шепота. Но на то он и волшебник, чтобы все знать. Он сказал Оле:

— Ваш папа не придет. Он меня к вам прислал. Подумай, мог ли отец к своим детям прислать злого волшебника?

— Папа сам обещал вернуться,— ответила Оля.

— У него нашлось какое-то срочное дело. И он попросил меня погулять с вами. Не возражаете?

— С волшебниками гулять интересно,— сразу согласился Олег.

Оля по-прежнему смотрела на дяденьку подозрительно:

— Нет, вас не папа прислал. Вы обманщик...

— Не знаю, как и убедить тебя,— пожал плечами Степан Кудесников и, подумав немного, сказал: — Этот зонт тебе знаком? Узнаешь?

Оля подняла глаза кверху, увидела малюсенькую дырку на зонте и обрадовалась:

— Папин! А дырка на зонтике — моя. Ножницами проткнула...

— Вот видишь! Разве мог папа незнакомому человеку такой зонт доверить?

— Нет, не мог,— согласилась Оля.— Он пошел за зонтом для нас.

— А я принес его вам. Теперь веришь?

— Верю,— ответила Оля и, хитровато сощутив глаза, зябко поежилась.— В дырку капает. Дядя Степан, если вы волшебник, прикажите дождю не капать.

— Чего ж раньше об этом не сказала? — удивился Степан Кудесников.— Я-то думал, что вы здесь дождиком наслаждаетесь. Есть люди, которым дождик даже очень нравится, они песни ему поют: «Иди, дождик, пуще, будет в поле гуще...» Слышали? Но если вам такая песня не по душе, так и дождя не будет...

Он из-под ладони глянул вверх.

— Потерпите, мои юные друзья, несколько минут, и я заставлю солнце сиять.

Дядя Степан вскинул руки высоко над головой и проговорил какое-то заклинание.

И — странное дело! — дождевая тучка постепенно сползла с солнца, и оно вдруг засияло ярко, ослепительно.

С неба на лицо Оли не упало больше ни одной капельки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,

КОТОРУЮ СОВЕТУЕМ ПРОЧЕСТЬ КАЖДОМУ, КТО ЛЮБИТ ТИГРОВ И СЛИВОЧНОЕ МОРОЖЕНОЕ И НЕ ЛЮБИТ КОМАРОВ И МАННУЮ КАШУ

Дядя Степан умел угадывать. Он мог раскрыть тайну любого человека. Мог угадать даже то, чего сам человек о себе не знал.

— По глазам вижу — вы, Булкины, народ разный, — сказал он, посмотрев в глаза Оли и Олега. — Ты — некалка, а он — дакалка. Оля любит тигров и сливочное мороженое. А ты, Олег, не любишь комаров и манную кашу. Не так ли?

— Так, — изумился Олег. — А еще чего в глазах видно?

— В твоих глазах, как в зеркале, многое видно. В них отражается голубая Волга, в которой тебе очень хочется искупаться, отражается лучистое солнце, которому ты рад и мечтаешь, чтобы оно светило не только днем, но и ночью. А еще в глазах видна дорога в мир чудес, дорога длиной в целый день. Дорога, по которой мы сейчас зашагаем все вместе, взявшись за руки. Ну как — зашагаем?

— Зашагаем! — радостно подхватил Олег.

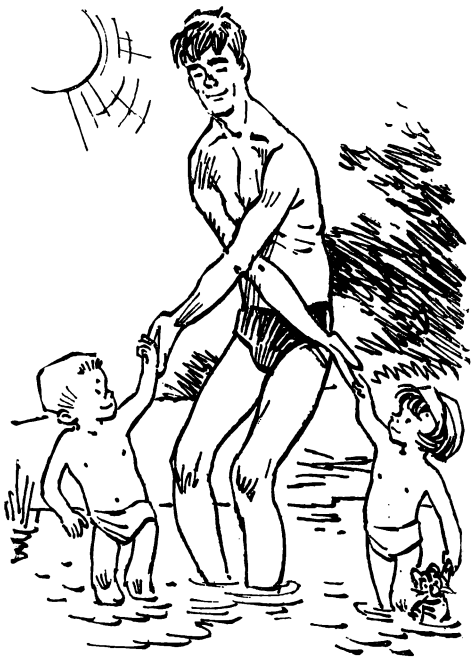
— Взявшись за руки! — вскочила с места Оля.

— Итак, согласие получено. Перед дальней дорогой рекомендую принять свежий волжский душ. Река, смирись и потеплей! Сейчас в тебя шагнет веселый народ.

Дядя Степан положил на песок зонт и куртку, стянул с плеч полосатую рубашку, остался в трусах, выпрямился, широко расставил ноги и руки:

— Хватайтесь, юные друзья! Каждому — по руке.

Олег с Олей, в трусиках, подбежали к дяде Степану

и вцепились в правую руку, на которой выше локтя был нарисован красивый морской якорь.

— Чур, мол! — сказал Олег.

— Нет, моя! — сказала Оля.

— Вот чудак! — засмеялся дядя Степан. — Руки — что та, что другая, — у меня совершенно одинаковые.

— Там якорь, — показал Олег. — Она волшебнее левой руки.

— Не может правая быть волшебнее левой. Я работаю обеими руками. Честно скажу, мне за правую руку бывает стыдно перед народом. В детстве выколол себе якорь. Тушью. А вот теперь никакой волшебной силой

стереть не могу. Так и хожу по пляжу, как книжка с картинками. Все оборачиваются, смотрят и смеются.

— А я на одном дяденьке видела чернильную змею,— вспомнила Оля.— Дяденька шел купаться и махал рукой. Змея шевелилась. Как в зверинце.

— Чего же хорошего — чувствовать себя, как в зверинце? — грустно вздохнул дядя Степан.— Так что, юные друзья, бросайте свой спор из-за якоря. Левая рука ничуть не хуже.

Теперь Олег и Оля потянулись к левой руке.

— Чур, моя! — сказал Олег.

— Нет, моя! — сказала Оля.

Пришлось Степану Кудесникову самому взять детей за руки и повести их к реке.

Они бултыхались возле самого берега, где мелко. Ни Оля, ни Олег плавать не умели и поэтому ползали на животах по песчаному дну и болтали ногами, как лягушата. Степан Кудесников, набрав полный рот воды, дунул вверх изо всех сил, и вода, раскрошившись на множество мельчайших капелек, облаком повисла над рекой.

Оля заметила, что облако это не совсем обычное. В нем вспыхивало и гасло разноцветное сияние.

— Что это такое?

— Угадай сама.— Дядя Степан снова выдохнул из себя сияющее облако, в котором переливчато мерцали радужные струйки.

— Да это же солнышко отражается! — первым догадался Олег.

— Нет, это маленькая радуга! — захлопала в ладоши Оля.— Дядя Степан, подарите мне чудо-радугу!

— Хватай на лету! — крикнул он смеясь.

В воздухе зажглась новая маленькая радуга. Она, проплыв над водой, растаяла в детских ладонях.

— Ой как интересно! — восторженно пищала Оля.

— Я сам могу сделать радугу,— сказал Олег.

Но как он ни надувал щеки, пуская выше головы фонтанчики воды, радужного облака не получилось.

Оля махнула на Олега рукой, выбежала на берег и взяла бархатного тигренка. Ему тоже, наверное, хочется купаться. Оля обмакнула тигренка в реку раз, другой и помыла ему уши. С полосатых боков и с хвоста струилась вода.

Из грозного зверя тигренок сразу превратился в мокрое, жалкое существо. Даже плавать разучился. Сначала он еще кое-как держался на воде. А потом, отяжелев, камнем пошел ко дну. Вот безобразник! Оля

учила его плавать и на боку и на спинке — не слушается. Тогда она ухватила тигренка за лапу и стала учить нырять.

Тигренок нырнул и... не вынырнул.

Тигренка забрала река и утащила в самую глубину, туда, где плавают хищные щуки.

— Утонул,— захныкала Оля.— Как же я буду жить без тигренка?

— Не плачь, Оленька. Я не таких тигров спасал. Вытащу и этого! — И Степан Кудесников бросился в реку, скрылся под водой.

Оля, всхлипывая, ждала, когда покажется из воды голова волшебника.

Голова не появлялась.

Человек не может так долго находиться под водой. Что-то случилось.

Может быть, спасая тигренка, дядя Степан утонул сам?

Оля разревелась пуще прежнего.

— Утри слезы,— покосился на нее Олег.— Волшебники в воде не тонут. Вытащит он твоего тигренка.

Из реки, словно поплавок, вынырнула голова Степана Кудесникова.

Голова смеялась. Голова отфыркивалась. Голова весело подмигивала Оле:

— Все в порядке! Тигренок спасен!

Степан Кудесников вышел на берег, прижимая к груди тигренка.

Он вручил утопленника Оле.

— Ну вот — зверь снова с тобой. Можешь продолжать его любить и купать, как куклу, в речке. Не простудится.

— Нет, купать не буду. Он тонет. Пойдемте по берегу гулять. Там не утонешь.

И они втроем побрели вдоль реки в сторону леса.

Попискивали комары. Один комар сел на Олин нос, другой запутался в тигровых усах, а третий, самый большой, больно укусил Олега. Олег стукнул по лбу. От комара осталось мокрое место. Тут слетелись новые комары и стали мстить Олегу. Он размахивал руками, топал ногами, бодался головой — ничего не помогало. Комары жалили со всех сторон.

— Неужели волшебники не могут испугать этих кусак? — устав бороться с комарами, спросил Олег.

— Волшебники все могут! Одну минуточку!

Степан Кудесников подобрал на дороге березовую кору, свернул ее трубочкой и чиркнул спичкой. Когда кора задымилась, он произнес волшебные слова:

— Комары-комарищи, расступитесь! Сгиньте с глаз, не кусайте нас!

Мошкара пожужжала-пожужжала и разлетелась в разные стороны от горящей палочки.

Олег и Оля теперь могли быть спокойны за свои носы и уши — комары больше к ним не приставали.

Степан Кудесников, довольный своим волшебством, улыбнулся и, оставив Олега с Олей на дороге, запрыгал, как маленький, на одной ноге к домику, что стоял на краю пляжа и был похож на терем-теремок.

— Спрячу там свою березовую палочку. А вы здесь ждите от меня нового чуда.

Дядя Степан вернулся с двумя кулками в руках:

— Кто в правый кулек заглянет, тот любимое достанет, кто в левый забредет — ничего не найдет!

Конечно, Олег и Оля сразу же сунули руки в правый.

Каждая рука вынула оттуда по холодной плитке сливочного мороженого. Такого сладкого чуда даже от волшебника не всегда дождешься!

— В левый кулек заглядывала манная каша,— сообщил добрый волшебник.— Но она вспомнила, что Олег Булкин ее не любит, и сразу же сбежала к другим детям.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**ПРИВЕДЕТ В НЕОБЫЧНЫЙ МИР,
ГДЕ ВСЕ ЛЮДИ ПОЮТ ПЕСНИ,
УМЫВАЮТСЯ И ЧИСТЯТ ЗУБЫ ПО УТРАМ,
ГДЕ НЕТ ЛЕЖЕВОК И КАПРИЗУЛЬ,
ПРОКАЗНИКОВ И НЕРЯХ, А ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ЕСТЬ**

Они вошли в лес.

Ноги до колен окунулись в мягкую росную траву. Шагать по такой траве — благодать!

А бежать еще приятнее — брызги во все стороны! Если поскользнешься и упадешь в траву, лицо и руки, трусы и майка — все станет мокрым. Умываться не надо!

Все птицы и все звери купаются в травяной росе. И потом летают и бегают целый день по лесу, чистенькие и бодрые, веселые и довольные. Соловьи и кукушки, синички и ласточки, воробьи и зяблики пьют чистую росу своими маленькими клювами. Клюнут раз-другой и поднимут голову к солнышку, чтобы серебристая росинка в горло проскочила. От этого голоса у птиц делаются звонче, радостнее. Могут с утра до вечера без усталости петь и щебетать — заслушаешься!

Сколько разных голосов у леса! Он поет по-соловьиному, каркает по-вороньи, о чем-то шепчется над головой и потрескивает под ногами, стонет и вздыхает, когда ветер клонит деревья.

Лес всегда живой, всегда разговорчивый.

— Минуточку внимания, мои юные друзья! — Степан Кудесников поднял зонт. — Сейчас я заставлю лес заговорить по-детски. Раз, два, три — лес, заговори!

В кустах что-то пискнуло, засмеялось, застучало и запело множеством тонких-тонких ребячьих голосов:

Мы встаем, мы встаем,
Песню солнышку поем!
Нет у нас лентяев,
Нет у нас засонь:
Песенку затынем
И прогоним сон!
Мы поем, мы поем —
Рядом с солнышком живем!

— Песенку эту сочинили маленькие хозяева леса, — сказал Степан Кудесников. — Она волшебная. С ней каждое дело — чудо.

— Я вчера пел «В лесу родилась елочка...». Целый день пел, с утра до вечера, — сообщил Олег. — Охрип, а ничего волшебного не получилось.

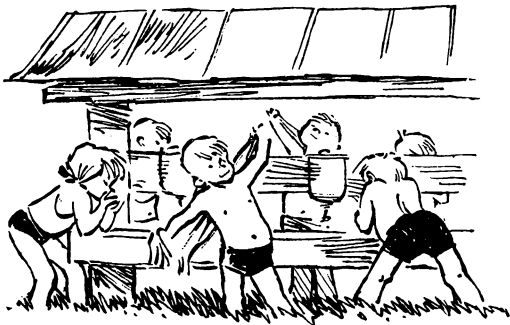
— Вот чудак! Твоей песней можно вызвать волшебного Деда Мороза лишь на Новый год. Какой же Дед Мороз принесет тебе чудо в разгар лета?! У маленьких хозяев леса разные песни. Одной песней они приветствуют утро, чтобы оно развеяло ночь и принесло радость, другой — зовут к себе птиц и отпугивают волков, третьей — веселят самих себя. Скучно им никогда не бывает. Потому-то и нет у них леженок и капризуль, проказников и нерях, а все остальное есть.

Дядя Степан раздвинул густые ветви боярышника, и дети увидели солнечную поляну. В центре поляны стоял двухэтажный каменный дом с балкончиками и террасой.

Дом был пуст. Зато под навесом, где висели медные умывальники, все пело и смеялось. Мальчики и девоч-

ки. Стриженные и с косичками. И все — голые по пояс, в одних трусиках. Одни чистили зубы и умывались, подставив шоколадные от загара плечи под соски умывальников, другие, поджидая, напевали забавную песенку.

— Поучись, как надо умываться, — сказала Оля брату.

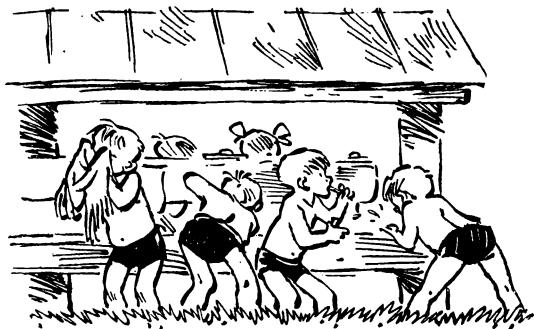
— Это ты поучись. Всегда суешь свой нос под кран раньше меня.

— Нет, это ты суешь свой нос...

— Да с тобой сунешь! Такой рев поднимаешь — кран захлебывается и голова трещит.

Степану Кудесникову не понравился их разговор. Он поморщился и сказал:

— Как нехорошо! Попали к волшебным людям, а ведете себя как последние капризули. Вот они услышат, и вам больше не видать маленьких чародеев — не лю-

бят они злых братьев и сестер, не любят крикливых спорщиков и драчунов. Так что лучше помолчите.

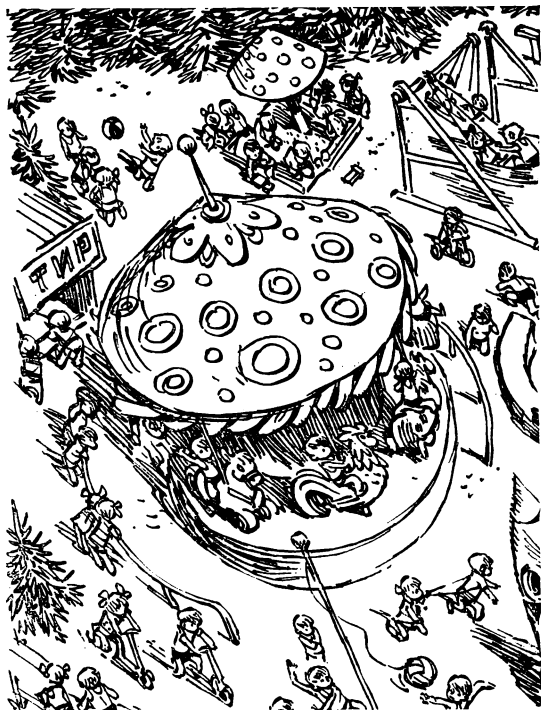
Маленькие хозяева леса, умывшись и натянув на себя белые майки, разбежались по солнечной поляне.

Каждая группа делала свое дело и пела свою песенку.

Малыши, стоявшие возле куста, за которым прятались Олег и Оля, взяли за руки, сдвинулись в кружок, затеяли хоровод:

Песнями и смехом
Белку просим в гости.
Угостим орехом,
Каждый даст по горсти.

С высокой ели прямо в круг ребят спрыгнула белка — шустроглазая, рыжая, с пушистым хвостом и торчащими ушами. Точь-в-точь как в книжке с картинками. Только живая, настоящая.

У Оли загорелись глаза: ей очень захотелось в этот необычный хоровод. Олег в изумлении раскрыл рот: таких послушных белок он еще не встречал. Белка подходила то к одному малышу, то к другому. Кланялась, принюхивалась и принимала подарки. Орехи она разгрызала бойко и умело и, похрустывая, отбрасывала скорлупку в сторону. Набралась целая горка ореховых костяшек.

Но самые удивительные дела творились на другом краю поляны. Там гремел барабан и играли дудки. Там из зеленых леек в цветники струилась светлая вода и проворные грабли отгоняли от дома мусор. Там суетились малые цыплята и важно ходили по траве большие индюки. Там пели птицы и пели дети. У птиц были свои песни, у детей — свои.

Малыши, ударяя палочками по барабану, маршировали по тропинке с задорным припевом:

В лес идем, в лес идем —
Много ягод наберем!

Дети, бросавшие пушистым цыплятам золотые зерна, пели другую песню — звонкую и бойкую:

Цып-цып-цы,
Будьте умницы!
Клюньте раз, клюньте два —
Очень вкусная еда!
Цып-цып-цы,
Ах какие молодцы!

Зубастые грабли и длинноносые лейки тоже работали под песню:

Ой ля-ля, ой ля-ля,
Мы одна семья.
Тру-ту-ту, тра-та-та,
Друг без друга —
                                никуда!

А вокруг в тени деревьев щебетали, прыгая с ветки на ветку, неутомимые пичужки. Иногда они спускались на землю и подбирали маленькие соринки и палочки, уносили их в своих клювах в лес. Они помогали малышам. Они хотели, чтобы на детской поляне было чисто. Они, как дети, работали и пели, пели и работали.

Все ликовало на солнечной поляне: цветы и трава, птицы и дети. И лес, слушая веселые песни, тоже ликовавал, приветствуя и тех, кто трудился возле клумб, и тех, кто, оседлав деревянных лошадей, петухов и слонов, с визгом и гиканьем катался на карусели, кто взлетал к самому небу на юрких качелях, кто с важным видом сидел в люльках ракет, и огромное волшебное колесо бросало их, как настоящих космонавтов, то вверх, то вниз, то вверх, то вниз... И тут, в самом шумном уголке поляны, наполненном ребячьими играми и смехом, тоже звенела песня:

Мы летим, мы летим —
Нас попробуй догони!
Мы хотим, мы хотим
Долететь до Луны!

Олег и Оля долго наблюдали из-за кустов за веселой жизнью волшебной поляны, где, как правильно сказал Степан Кудесников, нет лежек и капризуль, проказников и нерях.

— Хочу туда,— указала Оля на поляну и потянула Степана Кудесникова за рукав.

— Ты же, Оля, капризуля. Таких туда не берут.

— Мне можно!— сказал Олег.— Я не капризуля. Меня пустят.

— А кто обижает сестренку?

— Они же не узнают. Я им ничего не скажу.

— Обманщиков там вовсе не терпят.

Олег отчаянно шмыгнул носом:

— Вот и пой после этого веселые песни...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ,

САМАЯ НЕПРИЯТНАЯ ДЛЯ ОЛИ, САМАЯ ПРИЯТНАЯ ДЛЯ ОЛЕГА И САМАЯ НЕПОНЯТНАЯ ДЛЯ ВОЛШЕБНИКА СТЕПАНА КУДЕСНИКОВА

Они шагали по тропинке, и вместе с ними шагала чудо-песенка. Ее мелодия сливалась с щебетом птиц.

Оля мурлыкала волшебные слова о солнце и белке, о цыплятах и полете на Луну...

— Мурлычь не мурлычь — все равно по-твоему ничего не получится, — сказал Олег. — Если бы ты была волшебницей...

— Нет, получится! Вот выучу как следует и запою громко. Тогда все будет делаться, как я захочу.

— А что ты захочешь?

— Мало ли чего... Ну, целую гору конфеток «Золотой ключик».

— Фи! Волшебную силу тратить на такую ерунду — больно надо! Если целую гору сладкого съесть, то у тебя ни одного зуба не останется. Все выпадут.

— Я же не одна буду конфетки сосать. Я в детский сад понесу. И каждому на улице подарю.

— Тогда весь город останется без зубов.

— А что бы ты сделал?

— Я бы... Я бы превратил тебя в лягушку!

— Какой хитрый! Сам — волшебником, а меня лягушкой.

— Я же понарошке. Всего на один день. Потом превращу лягушку во что угодно. Во что ты хочешь?

— В космонавта.

— Космонавтом и я хочу... Эх, сделаться бы волшебником!.. Дядя Степан, из меня волшебник получится?

— Из тебя? — Степан Кудесников потрепал Олегу вихор. — Волосы такие, пожалуй, и у волшебников бывают. А вот глаза... Есть ли в них волшебство? Проверить надо. Волшебники видят то, чего другие не замечают, видят так, как другие не могут видеть.

— Проверьте, дядя Степан, мои глаза.

— Видишь полянку между березами?.. Не туда смотришь. Там лес густой. Налево голову поверни. Вот так... Знаешь, что на той полянке спрятано? Лесные часы, витамины всех сортов и лекарства от разных болячек. Попробуйте вдвоем с Олей все это разыскать.

— И тогда мы будем волшебниками?

— Не сразу.

Дети выбежали на полянку. Олег, пригнувшись, пошарил в траве руками — то в одном месте, то в другом. Никаких часов! Никаких витаминов! Никаких пузырьков с лекарствами!

Оля проползла на корточках через всю лужайку. Обожгла крапивой колени, колючкой палец порезала — ничего не нашла!

— Часы в землю зарыты, — предположил Олег. — Разве их найдешь!

— Витамины, наверное, птицы склевали, — огорчилась Оля. — Ни одной горошины не оставили.

Дядя Степан засмеялся:

— Под ногами у вас целая аптека, а вы не замечаете. Вот это что?

Он сорвал с колючего кустарника продолговатый красный шарик, положил его на ладонь и показал детям.

— Шиповник, — ответил Олег.

— Эта ягодка из красного цветочка получилась, — добавила Оля.

— Правильно. Так вот запомните: красный шиповник — витамин С. На лужайке растет много различных

трав и цветков, из которых на заводах лекарства и витамины изготавливают. Приложи попробуй листик подорожника к ране — мигом заживет. А жгучая крапива, которую так ругает Оля, помогает остановить кровь, если палец порезан. А вы говорите — никаких здесь лекарств нет. Есть. Да еще сколько! И от зубной боли, и от простуды, и от царапин. Только знать нужно, какой цветок от какой болезни выручает.

— А где же часы? — спросил Олег. — Часов-то нет!

— Как же можно лесу без часов! Тогда бы и птицы опаздывали на работу, просыпали свое певчее время, а лисы с ежами день-деньской сидели бы у себя в норах и не знали, когда им умываться, когда детишек кормить. Полнейшая неразбериха вышла бы!

— Часы, наверное, птички у себя в гнездах прячут, — догадалась Оля. — Птички просыпаются раньше всех и песнями лес будят.

— Нет, Оленька. Часы в лесу никто не прячет. Они всегда на виду. Каждый может в них заглянуть и узнать, который сейчас час.

— А я могу заглянуть? — спросил Олег.

— Нет, мне покажите! — сказала Оля.

— Ты же цифр не знаешь.

— Успокойтесь, друзья мои. Лесные часы без цифр. Птицы и звери в школу не ходят. Вот почему все они, кроме кукушки, считать не умеют. Вроде няней Оли. Природа устроила для них часы с секретом, без всяких чисел. Идемте, я вам покажу...

Они шли по полянке, усыпанной цветами. Дядя Степан внимательно смотрел по сторонам. Олег и Оля тоже смотрели по сторонам. Им очень хотелось найти часы с секретом. Дядя Степан остановился и воскликнул:

— Ба! Время-то как летит! Уже три часа.

Олег с Олей подбежали и заглянули туда, куда смотрел дядя Степан. Но никаких часов там не увидели.

Дядя Степан указал на цветок с желтой головкой и тонким высоким стеблем, от которого у самой земли стелились продолговатые зубчатые листочки:

— Вот вам лесные часы...

— Часов без стрелок не бывает!

— Это только у людей часы с усиками-стрелками. Лесные часы показывают время по-другому. Посмотри, Олег, хорошенько. Желтые лепестки у цветка, который называется кульбаба, видишь, сомкнулись в клубочек — значит, уже три часа. Пора птицам и зверям обед кончать. А вон рядом голубой цветок. Он распускает и свертывает лепестки в другую пору. Хозяевам леса и это известно... Слышите, как они оповещают друг друга о времени?

Дети прислушались.

Шушукались верхушки деревьев: «Шу-шу-шу».

В чаще дятел отбивал: «Тук-тук-тук».

Кукушка трижды прокуковала свое: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

Может, это дядя Степан приказал лесу устроить перекличку? Может, у цветочных часов есть волшебный звонок, который слышат только птицы?

Оля склонилась над голубыми часами, потрогала пальцем лепестки, которые точно так же, как и у желтого цветка, были свернуты бутончиком.

Неподалеку зашелестела трава. Оля в испуге отпрянула назад. Трава больше не шевелилась. Любопытно, что там было? Может быть, ежик? Оля набралась храбрости и на цыпочках пошла посмотреть.

Она увидела ящерицу, маленькую, тонкую, с бурыми точками и полосками по всему телу. Шея у нее была короткая, а хвост длинный, изогнутый. Ящерица прижалась к земле, выставив по бокам маленькие ноги, и водила во все стороны мордочкой, словно кого-то искала. Но как она могла кого-то искать, если глаза у нее

прикрыты кожей? Непонятно! Оказывается, ящерица и с прикрытыми глазами хорошо видит. Не успела Оля приблизиться, как ящерица — шмыг в траву. Бойко семеня ногами и волоча хвост по земле, она убежала.

Оле понравилась маленькая проворная ящерица. Нет, Оля не даст ей убежать! Она поймает ящерицу, принесет домой. Ни у кого из подруг нет такой живой игрушки. Железные и резиновые есть, а вот живых нет! Весь двор сбежится посмотреть на Олину ящерицу, которая сама бегаёт, сама виляет хвостом и сама будет локать молоко на кухне — вместе с лохматым Шариком.

Оля прищурила глаза, чтобы разглядеть в траве ящерицу. Вон она! Застыла, словно игрушечная, возле камня. Ее не сразу и увидишь, потому что она одного цвета с камнем. Оля подкралась тихонечко, затаив дыхание, и схватила ящерицу за хвост.

Что за чудо? Свой живой хвост ящерица отцепила, а сама ускользнула в кусты.

Оля держала бурый хвостик на ладони, и ей стало жаль бедную ящерицу. Как же она будет жить без хвостика? Над ней все вокруг будут смеяться, потому что она стала куцей и непохожей сама на себя. А все из-за нее, Оли.

Она представила горькую жизнь бесхвостой ящерицы и заплакала.

— Да, происшествие грустное, — вздохнул дядя Степан. — Ящерицы не любят, когда их хватают за хвост. Они убегают и оставляют людям в наказание свой хвост... Неприятно, конечно. Но плакать, Оленька, не надо. Хвост теперь все равно не воротишь...

— Отдай мне, Оля, хвост, — сказал Олег. — Я его к ящерице приделаю.

Он взял хвост и пошел в кусты искать ящерицу.

Дядя Степан посмеялся над Олегом:

— Бесполезное занятие! Даже столярным клеем живой хвост нельзя приклеить. Это тебе не игрушка.

Как же был удивлен волшебник Степан Кудесников, когда Олег вышел из кустов и показал ему ящерицу. Она вертела головой и... виляла хвостом!

Дядя Степан и Оля внимательно осмотрели хвост, ощупали его со всех сторон и не обнаружили ни одного рубчика, ни одного шва — до того искусно и прочно он был приделан.

— Странные дела, — покачал головой дядя Степан. — Такого никогда с ящерицами не случалось. Не волшебник ли ты, Олег?

Олег молчал. В глазах его прыгали хитринки.

А дядя Степан переворачивал ящерицу и так и этак. Он никак не мог понять: каким образом появился у нее хвост?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ,

КОТОРОЙ НЕ БЫЛО БЫ В ЭТОЙ КНИЖКЕ, ЕСЛИ БЫ ЧЕРНАЯ КОШКА НЕ ПЕРЕБЕЖАЛА ДЕТЯМ ДОРОГУ

Олег осторожно сжимал в ладонях ящерицу. Чтобы она не задохнулась, он слегка раздвинул пальцы. Высунув голову, ящерица дышала свежим воздухом. Оля смотрела на ее острую мордочку, а своего тряпичного тигренка прятала за спину.

— Твой тигр трус, — сказал Олег. — Он ящерицы боится.

— Нет, он не трус. Тигр не хочет, чтобы его увидели. Ящерица испугается, и у нее снова отвалится хвостик.

— Хи-хи, — смеялся Олег.

Дядя Степан несколько раз недоуменно спрашивал:

— Признайся, Олег, чем пришивал хвост?

— Хи-хи... Угадайте сами!

Тут из кустов выскочила на дорогу черная кошка. Завидев ребят, она остановилась, сверкнула круглыми глазами и пугливо прижалась к земле.

— Оленька, посмотри, что она нашла,— указал на кошку дядя Степан,— хвост твоей ящерицы!

Олег перестал хихикать. Нос у него стал краснее морковки и все время хлюпал.

— Разве хвост снова отлепился? — не поняла Оля и взглянула на брата.— Покажи ящерицу!

Боясь поднять глаза на дядю Степана, Олег нехотя раздвинул ладони.

Ящерица по-прежнему сидела там. Хвост у нее был целехонек. Оля пожалала плечами:

— Олег крепко приделал. Хвостик не отвалится.

— Эх, Оленька, Оленька, неужели не видишь, что твой хитрый братец обманул нас? Он бросил хвост в кусты, а сам поймал другую ящерицу, хвостатую. Тут много ящериц, и все они похожие... Черная кошка подобрала брошенный хвост. Наверное, подумала, что это мышонок.

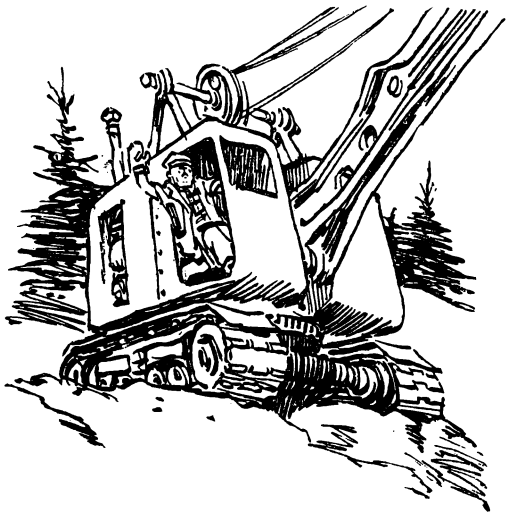
Оля направилась к кошке. Сделала шаг, другой. Совсем близко подошла. Позвала: «Кис-кис». Но разве дикая кошка может понять ласковые слова?! Она злобно мурлыкнула себе под нос, оцетинила черную шерсть, сжала зубами хвостик и прыгнула в кусты.

Оля припустилась за ней в лес.

За кошкой угнаться трудно. Ей ничего не стоит прощмыгнуть сквозь дремучий кустарник и взобраться на дерево. И жгучая крапива ей нипочем. Если бы Оля была кошкой, то и она бегала бы где попало.

Оля остановилась перед крапивой, куда спряталась кошка, и дальше идти не посмела.

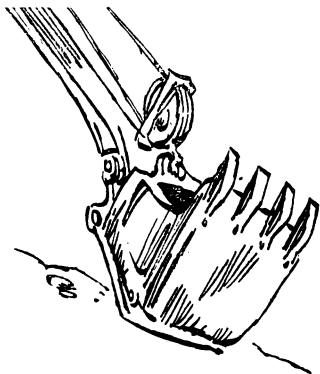
— Выбегай сейчас же! Я на тебя тигра натравлю!

Оля сунула полосатую игрушку в крапиву и страшным голосом зарычала.

Кошка испугалась, выбежала на тропинку и без оглядки побежала в лес.

Дети вместе с дядей Степаном бросились преследовать беглянку. Тропинка, извиваясь между деревьями, то круто падала на дно оврага, где росла высокая трава, то взбиралась на холм, увитый зелеными кудрями кустарника, то ныряла в бурую копну душистого сена на

лужайке и на какое-то время пряталась там. Но вот тропинка, как ручеек в реку, влилась в большую дорогу и совершенно пропала.

Кошка по дороге не побежала, а, перепрыгнув канаву на обочине, шмыгнула в кусты.

Оля и Олег решили оставить непослушную кошку в покое. Только они так решили, как вдруг из кустов донеслось урчание:

«У-р-рх, ур-ху-х... Эрх... эрх...»

Дети замерли. Ящерица у Олега выскользнула из рук и скрылась. Даже хвостика не оставила.

На пустыре, изрытом вдоль и поперек глубокими траншеями, стоял экскаватор. Он вертел своей длинной стальной шеей в разные стороны, потом пригнулся к траве, раскрыл металлическую пасть. Острые зубья впились в землю. Вздвигнув всем корпусом, экскаватор резко отвернулся от вырытой им же самой ямы и изрыгнул вниз лавину черной земли. На пустыре сразу вырос новый холмик.

— Машина всю землю искушает,— сказала Оля,— будут вокруг одни ямы.

Дядя Степан успокоил:

— Она зря кусать не будет. Как ей прикажут — так и поступит.

— Кто ей прикажет?

— А вон посмотри...

В зеленой кабине сидел человек. Из-под козырька фуражки у него выбивались на лоб рыжие пряди. Он был невысокого роста, курносый и худой, с родинками на щеке.

— Он тоже волшебник? — спросила Оля.

— Точно. Волшебника не так-то просто отличить от всех прочих. Обыкновенный человек.

— Обыкновенным столько гор не сделать! У-ух! Мне бы так!

— Дай срок — научишься волшебные горы из земли поднимать. А если и этого будет мало — придумаешь что-нибудь посложнее. Например, лекарство такое, чтобы старенькую тетеньку превратить в девочку. Такую же, как ты.

— Нет,— возразила Оля.— Лучше пусть лекарство помогает расти маленьким. А то растешь-растешь. Долго-долго. С лекарством я бы выросла быстрее.

Дядя Степан что-то сказал машинисту, и тот вы-

прыгнул из кабины на землю. Чудо-машина смолкла, уткнула в землю свою стальную голову. Без человека она не могла даже пошевелиться.

Звали машиниста Кириллом Изюмовым. Оказывается, он еще совсем недавно был школьником, потом научился управлять экскаватором. С помощью своего стального друга он соорудил в лесу городок, где летом отдыхают малыши. Олег с Олей своими глазами видели ребячье волшебное царство и знают, какая распрекрасная там жизнь.

— Теперь вот новый дворец строю,— сказал Кирилл Изюмов.— Поселятся тут малые дети. Вроде вас... Признайтесь—вы голодные? А у меня как раз обед...

Он достал из кабины огромный сверток с едой. Чего только там не было: хлеб и колбаса, лук и картошка, огурцы и редиска!.. Кирилл расстелил на траве газету и разложил еду:

— Чем богаты, тем и рады. Угощайтесь!

Олег и Оля никогда прежде не обедали с таким аппетитом. Посмотрели бы сейчас на них папа с мамой—родных бы детей не узнали! Подумали бы, наверное, что детей подменили. С таким наслаждением жевать колбасу, макать лук в соль, чистить печеную картошку, есть все, что подадут,—нет, такого с ними еще не случалось!

— Поблагодарим гостеприимного хозяина за угощение и пойдем дальше,—сказал Степан Кудесников, когда на газете остались одни лишь крошки.

Дети сказали спасибо и поднялись.

Олег спросил:

— А скоро, дядя Кирилл, вы волшебный дворец постройте?

— Будущей весной, когда птицы запоют еще звонче и лес наденет новый зеленый наряд.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

**СОСТОИТ ИЗ РАЗНЫХ ЗАГАДОК,
ЧЕРНОЙ ЧЕРНИКИ,
КРАСНОЙ ЗЕМЛЯНИКИ И БЕЛЫХ РОМАШЕК**

Дядя Степан загадал малышам веселую загадку:

— Много окон и дверей, полна горница детей. Что такое?

Оля вспомнила, что подобную загадку как-то раз она слышала от папы, и поэтому, не задумываясь, ответила:

— Огурец! А еще — тыква...

— Сама ты огурец, а еще — тыква, — передразнил Олег. — Где ты видела у огурца окна? Он гладкий и без щелочек, не разглядишь, что внутри. С окнами и дверями бывает избушка на курьих ножках. Я правильно угадал?

— Нет, не правильно! — запрыгала Оля. — В избушке на курьих ножках дети не живут. Там Баба-Яга.

— Оля права, — сказал дядя Степан. — Кирилл Изюмов строит для вас красивый дворец в лесу. Вот его-то я и имел в виду, когда говорил про горницу, полную детей. Простая загадка!

— Загадайте новую загадку, я отгадаю, — попросила Оля.

— По земле пройдет — сад зацветет, а как встанет — до Луны достанет. Он всех смелее и всех добрее. Кто он такой? Отгадай скорее!

— Великан, — сказал Олег.

— Нет, солнышко, оно всех выше, — возразила Оля. — А еще — Дедушка Мороз. Он с Луны к нам прилетает, и самый добрый.

— Ни то и ни другое, — дядя Степан взяв детей за руки и повел дальше в лес. — Поищем там отгадку на нашу загадку.

В траве, у самых ног, пламенели ярко-красные шарики. Они росли на длинных стебельках. Оля наклонилась и сорвала один. Шарик оказался сладким. И она сорвала еще и еще.

— Это земляника,— объяснил дядя Степан.— И про нее есть загадка: стоит Гришка в красном пальтишке, кто ни пройдет, всяк поклон отдает.

— Я буду кланяться каждой яголке,— сказала Оля.

— Низкого поклона заслуживает не одна земляника. Вот там, в низине — видите? — рассыпаны по кустам черные горошины. Снаружи — черна, внутри — сладка, что за ягодка?

— Черника. Я знаю,— ответил Олег.— Она на волчью ягоду похожа.

— Похожа, да не очень. Черника человека исцеляет от болезней. Непроста ее в аптеке продают.

Дети набросились на куст, и каждый нарвал по пригоршне черники. И все это — сразу в рот.

— Папе таких бы ягодок! — сказала Оля, облизываясь.

— Давай нарвем целую кучу ягод,— предложил Олег.— Подарим папе с мамой.

— Правильно! — похвалил дядя Степан.— А про загадку не забыли? Так кто же всех смелее и всех добрее на земле, кто может сделать все, что захочет?

— Волшебник! — сказала Оля.

— Нет, ему до Луны не достать.

— Космонавт,— вспомнил Олег.

— А кто сады сажает?

— Садовник!

— Школьники,— дополнила Оля.— А еще дяденьки с лопатами.

— Каждый из вас прав. Космонавты, садовники, школьники и дяденьки с лопатками — все они, конечно,

имеют самое прямое отношение к нашей загадке. Но как бы об этом сказать одним словом? Кто они такие?

И тут Олег ударил себя ладонью по лбу.

— Человек! Он и самый добрый, и самый смелый. До Луны достанет и сады посадит! Как только я сразу не додумался! Вот голова — два уха!

— Ну что же, — заулыбался дядя Степан, — на этот раз твоя «голова — два уха» правильно сработала...

Прежде чем покинуть лужайку, Олег и Оля поклонились каждой ягодке. Олег срывал чернику, а Оля — землянику.

Корзинки у детей не было, и они не знали, во что им переложить ягоды. Тогда дядя Степан сорвал два огромных лопуха, которые росли возле дороги.

— Волшебники носят подарки вот в таких тарелках...

Дети последовали примеру волшебников.

Они шагали по тропинке и осторожно, словно несли зеленые блюдца, держали на ладонях лопухи с ягодами.

— Ответь мне, Олег,—спросил дядя Степан,— что ты собираешься делать, когда вырастешь большим?

— Стану космонавтом и полечу на Луну. Потом на Марс. Потом полечу еще дальше, куда глаза глядят.

— А ты, Оля?

— Я тоже полечу на ракете куда глаза глядят. А еще буду волшебным доктором. Придумаю цветы, которые понюхаешь и никогда не заболеешь. Тогда дети не будут глотать горькие пилюли.

— И, конечно, вы оба мечтаете стать самыми смелыми и самыми добрыми? Не так ли?

— Да,—сказал Олег.

И некалка Оля тоже сказала:

— Да!

— Вот и выходит, что эта загадка и про вас, Олег Булкин и Оля Булкина. Про то, какими вы станете через несколько лет, когда научитесь все понимать и все делать.

Дядя Степан нагнулся и сорвал две ромашки. Одну прицепил на грудь Олегу, другую — Оле.

— Что за подружка живет на опушке — белый воротник на желтой макушке?

— Ромашка!

— Правильно, Оленька! На свете существует много разных загадок и тайн. Нужно уметь разгадать каждую. Тогда вам легче будет стать волшебниками.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ГОВОРIT «ДА»
И ОЛЯ ГОВОРIT «ДА»,
А ВОЛШЕВНИК СТЕПАН КУДЕСНИКОВ
НЕ ГОВОРIT НИ «ДА», НИ «НЕТ»,
ТОЛЬКО С ПТИЦАМИ ПЕРЕСВИСТЫВАЕТСЯ

Выбираясь из лесу, Олег и Оля думали об одном — о том, как они подарят ягоды папе и маме. Этих ягод хватит на завтрак, и на обед, и на ужин. Попробует папа, попробует мама, и даже Шарик останется. Только придется ли они собаке по вкусу, неизвестно. Папе с мамой определенно понравятся, а вот Шарик подавай кости и колбасу. Но разве можно сравнить колбасные обрезки и обглоданные кости с ягодой, которую собирали они сами?!

Оля подносит землянику на ладонях к самому носу. До чего ж вкусно пахнет! Но она ягодок не трогает. Для мамы и папы бережет.

— Олег, давай больше никогда не ссориться!

— Давай!

— И за косички меня не будешь дергать?

— Больно надо!

— А я тебя буду всегда слушаться.

— Я старше, ты и должна слушаться. Я больше тебя умею и больше тебя знаю!

— А откуда берутся волшебники, знаешь?

— Скажешь — из бутылок? Ха!

— Знаю, что не из бутылок. Волшебники берутся из разных людей.

— Это как же? Голову берут у одного, руки — у другого, а бороду — у третьего?.. И волшебник готов! Так? Смешно.

— И вовсе не так. На свете много-много людей.

И каждый знает какое-нибудь чудо. Дядя Степан такой человек. Он нам помог много разгадать. Потом встретим еще кого-нибудь, потом еще и еще... Когда мы все тайны на свете раз узнаем, из нас получатся волшебники...

— Если мы станем волшебниками, то, значит, и другие станут. Что ж тогда? Всю страну заселят одни волшебники? Так?

— Нам в садике читали книжку про волшебное царство. Вот и у нас будет волшебное царство.

— В сказках мало ли что бывает! Что придумаешь, то и случается: печка скачет по дороге, ковры летают, как птицы, а кот ходит в сапогах...

Слушая сестренку, Олег на миг представил себя в будущем царстве.

Вот он, Олег Булкин, напевая волшебную песенку, идет по улице. Что ни шаг — то новое чудо.

Разноцветные листья сидят на липах, как бабочки, хлопают крыльями и нашептывают прохожим: «Сорвешь лист зеленый — будешь веселый, сорвешь голубой — станешь молодой, сорвешь желтый, как медь, — век тебе не болеть!»

Из подъездов выходят ученые коты, снимают перед Олегом шляпы и любезно раскланиваются.

Лохматый пес Шарик пляшет на площади матросский танец под веселую музыку воробьев и скворцов.

Голуби вместо почтальонов залетают в форточки домов, держа в клювах письма и газеты.

Добрая Баба-Яга в нарядном платье сидит на скамейке, вяжет волшебную варежку и рассказывает девочкам в красных шапочках сказку о забавныхключениях Серого Волка.

А чуть подальше, за углом, открывается самое удивительное: в один ряд выстроились чудо-машины. Одна похожа на космическую ракету, другая — на стального

кита, третья — на крылатый автомобиль... Поблизости стоит черный рояль с длинным рядом клавиш. Нажмешь средний клавиш — мгновенно очутишься в кабине кита, который понесет тебя по морям-океанам, далеко-далеко от дома. Нажмешь клавиш слева — окажешься еще дальше: звездный корабль доставит тебя без пересадки прямо на Луну, и ты будешь летать там, в безвоздушном пространстве, как пушинка, — вверх ногами, вниз головой. Хорошо! Но стоит задеть клавиш справа — быстрокрылый автомобиль сорвется с места и с небывалой скоростью помчит тебя в любой край земли: хочешь — в джунгли, где живут обезьяны и крокодилы; на Северный полюс, в гости к белым медведям; хочешь — куда хочешь...

— Скорее бы наступила сказочная жизнь! — мечтает Олег.

— Да, скорее бы, — Оля довольна, что брат перестал спорить с ней.

Дядя Степан шагает впереди и, посвистывая, размахивает зонтиком. Он не говорит ни «да», ни «нет». Он слушает птиц, которые на разные голоса перекликаются в чаще.

На ветку березы опускается зяблик. Голову — набок, вздергивает клюв, показывает свой красный зоб и смотрит на детей, идущих мимо.

Дядя Степан издали подмигивает ему как старому знакомому и, сложив губы бантиком, радостно свистит:

— Пинк-пинк...

Зяблик настороженно глазами водит, подергивает желтоватыми крыльями, шевелит темным хвостом. И вдруг по лесу рассыпается звонкая трель.

Дядя Степан, подождав, пока он замолкнет, снова повторяет птичью песню — свистит точь-в-точь, как зяблик, ничуть не хуже.

Несколько минут продолжаются веселые переговоры между дядей Степаном и зябликом.

— О чем вы его спросили? — хочется знать Олегу.

— Попросил зяблика немедленно лететь в город и сказать вашим родителям, что вы скоро будете дома. Пусть не беспокоятся.

— А зяблик что ответил?

— Зяблик ответил, что он готов выполнить любое мое поручение...

Неугомонный птичий гам несется со всех сторон. Лесным жильцам не терпится поделиться с дядей Степаном своими радостями. Щебечут, курлыкают, каркают, чирикают, попискивают и щелкают — у каждого свой голос.

Птичий язык Олегу и Оле непонятен, а дядя Степан на любой манер может разговаривать с птицами.

— Ки-ки-ки-ки... — громко, отрывисто бросает он в придорожные кусты, где мечутся, перепрыгивая с ветки на ветку, пугливые дрозды.

— Тиу, тиу-ты-тээ... — задорно подпевает стайке маленьких чижей, которые хвастаются друг перед другом своими черными шапочками.

— Футь-футь, футь-футь... — свистит в заросли осоки, где прячутся неуловимые водяные курочки.

«Чью-чью-ю-ю», «Цин-цин-цин», «Свирь-свирь-

свирь», «Уии! Уии!..» — на разные лады отзывается лес.

— Слушайте внимательно, мои юные друзья, — дядя Степан поднимает над головой зонт. — Лесные обитатели будут петь в вашу честь.

Он размахивает зонтом, как дирижер палочкой. Птицы заливаются пуще прежнего: одни — переливчато и нежно, словно играют на свирели, другие звучно и пронзительно подражают флейте, третьи барабанной скороговоркой рассыпают песню по лесным дебрям...

Вот это концерт! Такого ни в одном театре не услышишь. Оля от удивления перестала глазами моргать.

— Заколдуют, чего доброго, вас птичьи солисты, — дядя Степан перестает махать зонтом. — Концерт окончен! Сомкнем дружно ряды и двинемся дальше... Трам-та-там, трам-та-там... Фью-фью-фью... Чик-чирик...

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

**САЖАЕТ СОЛНЦЕ ЗА ГОРИЗОНТ,
А ДЕТЕЙ — В АВТОБУС И ОТВОЗИТ ИХ...
КУДА! ПОТОМ УЗНАЕТЕ!**

Солнце играло в прятки. Оно то выглядывало из-за кустов, сияло в просветах деревьев, то скрывалось за лесистой грядой, и его совсем не было видно.

Но вот деревья поредели. Дядя Степан, Олег и Оля вышли из тенистой чащи на степной простор, где было много солнца.

— Нам пора домой, — сказал дядя Степан. — Охотно довез бы вас на ковре-самолете, но я, к сожалению, позабыл его дома на полу.

На дорогу выскочил голубой автобус. Он промчался мимо до того быстро, что невозможно было разглядеть в окнах лица людей.

Возле деревянного домика в отдалении автобус остановился.

— Направимся туда,—предложил дядя Степан.— Повезу вас в автобусе. Это не хуже, чем на ковре-самолете.

Пока добрались до остановки, от голубого автобуса и след простыл. Он пылил уже где-то далеко-далеко.

— Ну вот, опоздали,—вздыхнул Олег.— Невезучие мы.

— Ноги совсем отказались слушаться,—пожаловалась Оля.

— Не вешайте носы преждевременно, друзья мои. Пусть они у вас на веки-вечные остаются курносыми,—сказал дядя Степан.— Через десять минут для вас будет подан другой автобус. По щучьему велению, по вашему хотению — и мы скоро будем дома!

Как и предсказывал Степан Кудесников, автобус показался ровно через десять минут. Дети заняли самые удобные места у окошка, держа у себя на коленях лопухи с ягодами.

Пассажиры с завистью поглядывали на красную землянику и черную чернику.

— Где вы столько ягод насобирали? — спрашивали они.

— В волшебном лесу,—отвечал Олег.— Там есть часы без стрелок и без цифр, а на полянке, как в аптеке, растут лекарства. А еще мы слушали птичий концерт!

— А еще там живут маленькие волшебники,—вспомнила Оля.— Они поют песни, и все у них получается, как в сказке.

Пассажирам очень хотелось подробнее узнать об удивительном лесном царстве. Олег и Оля с радостью бы рассказали обо всех своих приключениях и встречах в лесу, в который привел их волшебник Степан Кудесников, но за окном уже показалась знакомая улица. Нужно было выходить. Папа с мамой ждут...

Удивительная сказка, которая длилась с самого утра, подходила к концу. Детям не хотелось расставаться со сказкой, не хотелось расставаться с добрым волшебником без бороды...

Дома их встретил Шарик. Запрыгал на задних лапах, завилял хвостом и поцеловал Олю в нос. Оля взяла из красной горки на лопухе три ягодки и протянула Шарику. Пес — вот чудо! — слизнул языком землянику, облизнулся и заскулил, требуя добавки.

— Потерпи, милый Шарик. А то мама с папой обидятся, если ты один все съешь.

Папа вышел из комнаты навстречу детям и воскликнул:

— Ура! Наши вернулись! А я-то, Степан, думал, что их в лесу серый волк проглотил. Давайте посмотрю на вас хорошенько... Ничего не вижу. Почему бы это? Ах да — очки на столе забыл! Сейчас найду очки и разгляжу как следует...

Потом появилась мама. Она и без очков разглядела, как за один день изменились ее дети. Мама сказала, что они посвежели и подзагорели, и что лесной воздух им пошел на пользу, и что маленькая Оля будто даже повзрослела.

Олег понимал, что мама ошиблась — не сестренка, а он стал выше ростом. Но Оля тут же поднялась на цыпочки и этим доказала правоту маминых слов. Хорошо, что вошел папа и восстановил справедливость.

— Да ты, Олег, гляжу, возмужал,— сказал он, поправляя очки на носу.— Богатырь!

Мама очень разволновалась, когда Оля поднесла ей свою землянику. Папа тоже обрадовался, принимая от Олега подарок.

— Вы изменились в лучшую сторону,— сказала мама.— Даже не верится, что вы стали такие хорошие...

Потом мама, папа, дядя Степан, Олег и Оля сидели за столом, пили чай со сладкой ягодой и разговаривали.

И тут дети узнали, что расставания с волшебником не будет! С сегодняшнего дня Степан Кудесников поселится в их квартире. Ему уже и койку поставили в детской комнате.

Оля захлопала в ладоши, а у Олега губы расплылись в улыбке так широко, что он не мог больше ни пить чай, ни есть ягоды.

— Степан — ваш родной дядя. Он окончил институт и будет работать учителем в школе.— Сообщив такую важную новость, папа вдруг спохватился: — А где мой зонт? Что-то не вижу моего зонта. Не подарили ли вы его лесным зверям?

— Нет, зверей в лесу мы не встретили,— успокоил дядя Степан.— Зонт вернулся домой. Сейчас он отдыхает под вешалкой в коридоре, потому что весь день много работал.

Когда стало темнеть, дети пошли умываться. Сначала умылся и почистил зубы Олег, потом Оля. Они не толкались, не шумели и не спорили перед умывальником, как прежде, и поэтому у обоих на этот раз были чистыми и руки, и щеки, и зубы, и носы.

Потом, лежа в постели, они смотрели на пустую кровать, стоявшую рядом, и ждали, когда дядя Степан придет к ним ночевать.

В соседней комнате долго не смолкали голоса. Дети так и не дождались доброго волшебника, заснули.

И снились им сказочные сны. Но они не были похожи на сказки в книжках с волшебными картинками. Сны были похожи на настоящую жизнь, которая так неожиданно раскрылась перед ними сегодня и которая завтра сулит принести новое чудо.

**ПАРОЛЬ
„СТРЕКОЗА“**

ПОВЕСТЬ

РОМКА МЫСЛИТ ИНДУКТИВНЫМ МЕТОДОМ

Мальчишки могут плавать, как им вздумается: на спине или на животе, на боку или вниз головой. Могут нырять, ползать по дну, словно подводная лодка, а если и это надоест — поднимутся на поверхность и поплывут по-матросски, ладонями рассекая перед собой волны.

Девчонки плавают совсем иначе: по-смешному дрыгают ногами, визжат и мутят воду.

Федя Малявка и Ромка Мослов не любят купаться с девчонками. Велика радость бултыхаться вместе с ними на мелком месте! Друзья идут туда, где поглубже, где можно кубарем, со всего разбега, плюхнуться с обрывистого берега в реку. Нырнешь, всей грудью вдохнув в себя воздух, и долго-долго скользишь под водой, вяло шевеля ногами, как рыба хвостом. Одно удовольствие! Аж голова звенит от этого, а в зажмуренных глазах начинают прыгать нахальные чертики. Когда от их дикой пляски делается совсем черно — спеши всплыть на поверхность, иначе голова закружится и тебя, чего доброго, затянет в речную пучину, не выкарабкаешься!

После головокружительного ныряния тело наполняется удивительной резвостью. Командуй им сколько вздумается — оно поплывет и так, и эдак, и вот так! То, как карусель, завертится на месте, то стремительно понесется сквозь гряды волн, то буйно заплещется, вздымая над рекой веселые взрывы брызг.

— Федька! — кричит уплывший далеко вперед Ромка. — Рыбы, оказывается, тоже могут по-нашему, на спинке, плавать.

— Не выдумывай!

— Посмотри сам, если мне не веришь...

Федя подплывает и видит невероятное: выставив из воды белое брюхо, медленно движется огромная рыбина. Она словно оцепенела, не шевелит ни хвостом, ни плавниками.

— Поймать бы, — вздыхает Ромка. — Боюсь, испугнем. Давай лучше проследим, что она будет дальше делать.

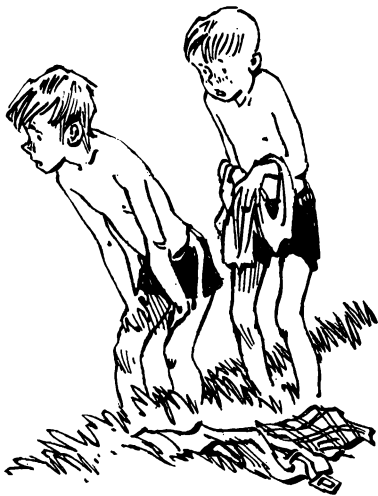
Рыбина ничего не хочет делать — как плыла, так и плывет по течению.

— Смотри-ка, еще одна, — кивает Ромка. — А вот еще... И еще...

Друзья бесшумно приближаются к белогрудой рыбине. Ромка проворно хватается за хвост. Это осетр. По хребту и на боках — четкий ряд костяных жучков. Пасть широко раскрыта, а брюхо...

Ромка бросает осетра обратно в воду:

— Фу! Дохлятина.

Друзья возвращаются на берег.

— Столько рыбы, и хоть бы одна живая! — удивляется, натягивая на себя майку, Ромка. — Почему бы это?

— Таинственная смерть...

— Хочешь, я тайну разгадаю? Индуктивным методом. Это такой способ, когда все время шевелишь мозгами, все на свете сопоставляешь и угадываешь пре-

ступника по различным, даже самым ерундовым, предметам: оторванной пуговице, стоптанным башмакам, брошенному окурку...

— Какие же у рыб могут быть окурки, пуговицы и башмаки? Вот загнул!

— Не смейся,— настаивает на своем Ромка.— Что мы хотим разузнать? Почему рыба сдохла? Так? Давай мыслить индуктивно. Выясним главное—своей смертью она погибла или насильственной? Своей смертью рыбы умирают от старости. Но ведь погибли не только большие, но и маленькие рыбешки. Пошевелим мозгами еще раз. Вспомним все, что мы успели заметить. Во-первых, рыба протухла. А во-вторых, у осетра раскрыта пасть. Он что-то вдохнул в себя, а выдохнуть не смог. Умер, не успев сжать зубы. Сразу видно—отравился. Чем? На прошлой неделе прохудилась баржа с нефтью. Горючее попало в воду. Могла рыба заглотнуть нефть? Сколько угодно! Вот тебе и отравы!

Ромка рассуждает, как заправский следователь. Говорит серьезно, по-научному. Не подкопаешься. Убедительно говорит!

Федя проникается доверием к индуктивному методу.

— Скажи, Ромка, военные разведчики таким же методом работают?

— А то как же! Разведчик без индуктивного метода—ноль без палочки. Меня в разведчики запросто возьмут, даже биографию не спросят.

Феде тоже хочется в разведчики. Но мыслить индуктивно он не умеет: то ли мозги для этого не приспособлены, то ли просто книжку про знаменитого Шерлока Холмса недостаточно усвоил—прочитал всего один раз, да и то на уроках, а Ромка перечитывает чуть ли не каждый день и даже кладет ее под подуш-

ку, когда спать ложится. Трудно с ним тягаться. А надо! Иначе какой же ты разведчик?..

Настроив свою мысль на индуктивный метод, Федя пытается самостоятельно докопаться до причин гибели осетра. Ромка утверждает, что рыба отравилась нефтью. Вполне возможно, если бы не одно «но» — баржа с нефтью потерпела аварию в нескольких километрах от поселка, ниже по течению. А мертвая рыба плывет с верховья. Значит, не баржа виновата. Нужно искать другую причину.

Он морщит лоб. Строит разные догадки. Может, рыбацкую лодку опрокинуло волной и улов унесло течением? Нет, рыбакам никакой шторм не страшен! Может, чей-то кукан разметало по реке? Но разве на один кукан нанижешь столько рыбы! А что, если она попала в воду с парохода? Протужла рыба в плавучем буфете, ее взяли да и вышвырнули за борт...

Федя думает и думает. И ничего толкового придумать не может.

Да, плохо человеку, когда он не владеет, как Шерлок Холмс или Ромка Мослов, индуктивным методом!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЕЛОЧКА НА ПОДОШВЕ

Они открывают калитку и входят во двор Фединаго дома. Ромка останавливается:

— Смотри — елочка на подошве...

Федя нагибается и не видит на земле никакой подошвы, никакой елочки. Должно быть, Ромка, так нанырялся в реке, что ему мерещится всякая дребедень. Друг не унимается:

— Подойди поближе, взглядишь хорошенько. Новый человек в поселке объявился!

— Как ты узнал?

— По отпечаткам. Рубчатые следы. Таких я еще не видел. Ведут прямо к вашему крыльцу. Рубцы елочкой. Глубокие, во всю подошву. Судя по всему, человек он смелый, решительный. Видишь, как твердо шагал...

— Может, ты еще скажешь, какого он роста, этот незнакомец?

— Высокий.

— По следам определил, да?

— Точно. Раз шагает широко, значит, и рост подходящий. Проще пареной репы угадать. Индуктивный способ.

— А волосы какого цвета?

— Эх, о волосах-то я и не подумал! Давай проверим следы еще раз. В отпечатках иногда волосы обнаруживаются.

— Во сказанул! Взрослые на головах не ходят...

— И без тебя знаю, что не ходят. Волосы на землю из расчесок выпадают.

— Что же, по-твоему, он шел и всю дорогу расчесывался? Во сказанул!

— Эх, я бы тебе доказал! Но я домой спешу...

Расставшись с другом, Ромка Мослов нос к носу сталкивается на улице с рыжеволосой девчонкой. В руках у нее газетный сверток. Из свертка высунулся осетр. Голова по-крокодильи огромная и длинная, с раскрытой пастью. Точь-в-точь такого осетра Ромка совсем недавно вытаскивал из воды. Неужели девчонка намерена варить уху из дохлой рыбы? Вот глупая! А вдруг это совсем другой осетр, браконьерский? Все осетры словно братья-близнецы. Различить можно разве лишь по запаху.

— Разверни газету! — говорит он ей.

— Вот еще!

Ромка засучивает рукава рубахи и, подбоченившись, грозно наступает на девчонку. Она пятится.

— Испугалась?

— Вот еще! Только тронь моего осетра...

- «Моего»... Ты его сама ловила?
- А хотя бы и сама!
- Осетров ловить законом заказано.
- Ишь законник объявился!

Ромка без лишних слов хватает рыбу за жабры и тянет к себе. Рыжая упирается, отчаянно топает ногами. Осетр выскальзывает из свертка и зубчатым хребтом, словно наждаком, царапает Ромкину руку. Кровавый след вздувается на ладони. Больно.

- Признайся, где взяла рыбину?
- Где взяла, там уже нет.
- За осетра штрафуют. Пятьдесят рубликов за каждого. Слышала?
- Что ты ко мне пристал?!

Ромка с кулаками насаждает на девчонку. Она, увидевшая от удара, пригибается и, словно бодливая корова, бьет ему головой прямо в живот. Ромка не ожидал, что противник прибегнет к запрещенному приему борьбы, и кубарем летит на мостовую. Голова стучается о булыжник и на миг лишается способности соображать индуктивным методом.

Этот миг спасает девчонку. Пока Ромка приходит в себя, она успевает юркнуть в переулочек и скрыться из виду вместе со своим таинственным осетром.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОДСТВЕННИК ПО БОКОВОЙ ЛИНИИ

К Феде Малявке приехал гость. Капитан. На нем морские брюки клеш, темно-синий китель с блестящими пуговицами, а на фуражке кокарда с якорем.

Папа сказал, что гость доводится Феде дядей и что он родственник по боковой линии.

Оказывается, все люди на свете — так объяснил отец — обязательно придутся кому-нибудь родственниками. Есть родня по прямой линии, а есть еще и по боковой. Родственников по боковой линии — братишек, племянников, сестер и дядей — наберется большой отряд. Одних братьев у человека может быть сколько угодно: сводный брат, двоюродный, троюродный... А разных дядей? Они по всему свету разбросаны. Собери их — в поселке прохода не будет от дядей. Запрудят все улицы и всю площадь, как во время демонстрации.

Встречаются всякие родственники. Но дяди почти всегда бывают добрые. Иногда даже добрее, чем родня по прямой линии. Хорошо бы издать такой приказ: считать дядей главными, прямыми родственниками и чаще приглашать их в гости. Тогда бы мальчишкам жилось вольготнее. В гостинцах не знали бы перебора. Всяческих рассказов наслушались бы до умопомрачения! Было бы с кем играть в футбол, ходить на рыбалку, свистеть в три пальца и нырять с моста солдатиком, а не заползать в воду на животе, как делают младшие родственники по прямой линии. Веселые дяди всему научат!

Константин Иванович Шубин оказался именно таким дядей. Иначе и не могло быть — ведь он же капитан!

Прежде Федя Малявка видел своего дядю без рук и без макушки — на фотокарточке не уместились. Дядя на снимке понравился Феде: большой лоб и на подбородке ямочка, как у Феди. Брови у него гуще, чем у военных героев на знаменитых картинах, — правая черная бровь круто уходит вверх, а левая нависает над самым веком. Прижатый бровью, левый глаз веселый-превеселый, с хитринкой. Посмотришь — и самому веселее делается. Федя раньше думал, что дядя самого

обыкновенного роста. На фотокарточке не разберешь. А он вон какой великан! С таким ростом волейболист обыграет кого угодно. На цыпочки вставать не надо — знай глуши мяч, и никто с тобой не сладит. Бац-бац — и готово! Сплошные голы! Когда дядя Костя увидел племянника в дверях и поднялся ему навстречу, то ударился головой о косяк. Больно стукнулся. Потер лоб ладонью и шутливо спросил:

— Слышишь, как голова приветствует тебя? Звонит во все колокола...

Конечно, никакого звона Федя не расслышал, но сразу понял — дядя очень веселый человек. Он обхватил племянника огромными ручищами, поднял над полом и поцеловал где-то между губами и носом. Потом поставил его перед собой на табуретку и кончиками длинных пальцев притронулся к стриженной Фединой голове. Повертел ее и так и эдак. Как арбуз. Удивленно вскинул бровь:

— Племянник-то во взрослую величину вымахал! Не предполагал. Дошкольную игрушку ему купил. Думал, еще под стол ходит.

— Стол — давно пройденный этап, — сказал папа. — Федя теперь по деревьям да заборам лазает.

— Больно надо — по заборам лазить! — обиделся Федя. — Мы гусениц на деревьях уничтожаем, лес охраняем. Про «зеленый патруль» слышали? И мы в школе такой создали. Все члены нашего звена — следопыты да разведчики! А я — главный. Вот! — И Федя похвастался красной нашивкой на рукаве рубахи.

— Отважный, погляжу, вы народ, следопыты-разведчики!

— Жаль, в армию нас не берут. А то бы притащили с собой барабан и горн и — прямо в отряд юных разведчиков!

— Разведчики разве с барабанами ходят? Что-то не встречал таких.

— Мы в барабан стучать не будем. Мы тихие разведчики. Можем замаскироваться — век не отыскать!

— Военная хитрость, ты прав, верная помощница в борьбе с врагами.

— Врагов-то в нашем поселке нет. Воевать не с кем, — пожаловался Федя. — Разве что с браконьерами...

— С браконьерами, говоришь? — заинтересованно спросил дядя. — Довелось мне одного встретить. На реке рыбу толовой шашкой глушил, зверюга. Попытался было догнать его. Да где там! Улизнул...

У Федя перехватило дыхание. Так вот, значит, почему погибла рыба — ее взрывом оглушили. А они с Ромкой думали... Э-э, да разве с ним чего-нибудь разумеешь толком! Помешался на своем индуктивном методе и все на свете путает!

Федя выжидающе смотрел на Константина Ивановича и ерзал на стуле. Но дядя молчал. Мял пальцами сигарету, по карманам шарил, отыскивая спички. Неужели больше ничего не скажет? Федя дернул дядю за рукав:

— А где вы браконьера встретили? За мостом, да? Там протухшая рыба плавает. Много-много. Видели, да? Ромка говорит — нефтью отравилась. Так я и поверил! Столько рыбы... Засаду бы устроить. Всем звеном! От следопытов браконьеру не уйти! Мы бы его... А где искать? Вы знаете? А?

— Сразу сто вопросов. На какой отвечать? — засмеялся дядя. — Браконьера, правда, я в лицо не видел, но кое-что удалось разузнать...

— Э-эх! Расскажите...

— Да будет тебе, Федюшка, к человеку приставать! Как репей, право!

Отец поставил на стол дымящийся самовар и с укоризной посмотрел на сына:

— Нам потолковать дай... Садись, Константин, к столу. Почаевничаем. Лет десять поди не наведывался. Каким же ветром в родные края занесло?

Дядя подмигнул Феде — подожди, мол, наш разговор потом продолжим — и пододвинул стул поближе к столу, поставил перед собой чашку с блюдцем. Размешивая сахар ложечкой, сообщил:

— А приехал я сюда по служебному делу. Буду плотогонам помогать. Должность у меня такая — наставник речных капитанов.

— На одной реке живем, а в наши края не заглядываешь...

— Я ж верховье обслуживаю. На вашем участке другой капитан-наставник. Меня прислали потому, что заболел он. А тут плот идет. Большегрузный. Без наставника не обойтись. Места здесь, под речным мостом, очень каверзные. Придется караван расчаливать на несколько частей. Сегодня всю ночь на реке провозился — дно измерял, лоцманскую карту составлял. Плот-то завтра на зорьке прибует, надо подготовиться к встрече. Заглянул вот к тебе, а на душе кошки скребут — меня поди уж на пристани поджидают...

— Хлопотливая, погляжу, у тебя служба. И часто отлучаться приходится?

— Не без этого...

Федя с завистью глядел на капитана, слушал, о чем он говорил отцу, и вздыхал:

— Меня бы с собой взяли... Следопытами называемся, а на плотках не плавали... С берега только и видим. Вот если бы...

Отец не дал договорить:

— Опять ты за свое! Завсегда суешь нос, куда не просят.— И, обернувшись к Шубину, спросил: — А к нам, Константин, надолго ли?

— Проведу плот — и обратно!

— Так скоро? Мог бы, чай, погостить денек-другой.

— На денек, пожалуй, останусь. У меня тут одно дельце наметилось. На Соколиной горе надо кое-что разведать...

— А я как раз завтра после работы туда собираюсь. Уже и удочку припас. Может, вместе и порыбачим? Не забыл еще, каких мы лещей, бывало, вытягивали? Во каких! — отец широко развел руки. — Право слово, не меньше...

Федин отец — заядлый рыбак. О своих речных приключениях может говорить с утра до вечера. Каких только историй не вспомнит! Если бы отцовские рассказы записать в толстую тетрадь и пустить ее по классу — мальчишки бы до самых петухов взахлеб читали этот приключенческий роман. Что ни рыбалка — то новая невероятность.

— Перестала рыба на крючок браться, — вздохнул отец. — Распугали ее браконьеры. Лютуют почему зря. С сетями да с острогами. Совсем озверели, оканные.

— Это точно, — согласился дядя Костя. — Вчера со мной вот какой случай произошел. Выезжаю я, значит, ночью на моторке...

Федя вытянул шею, приготовился слушать. Тут в сенях — трах-тарарах! — что-то гроыхнуло.

— Кого это к нам угораздило? — недовольно поко-

сился на дверь отец и приказал Феде: — А ну поди проверь...

Феде уходить не хочется.

— Кому сказано?!

Приходится подчиниться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОНВЕРТ С ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Ромка провел ладонью по лбу и нащупал шишку: «Ну и ну! Словил на орехи!»

Голова гудела, как разбуженный улей. Мысли роились, по-пчелиному жалили сознание. Шишка окончательно убедила Ромку, что между бодливой девчонкой и дохлой рыбой на реке существует необъяснимая взаимосвязь.

Чем шумливее делалось в голове, тем глубже укоренялась в ней эта мысль.

«Побегу-ка к Феде,— решил Ромка.— Вместе мы быстрее разыщем рыжую, заставим ее заговорить. Не отвертится! Выложит как миленькая все свои секреты!»

Ромка повернул назад от своего дома.

Он так спешил, что налетел на корыто в темных сенях Федино дома. Со всего разбега ударился. Аж искры посыпались из глаз.

— Понавешают на гвозди всякую дребедень, а ты натыкайся! — проворчал Ромка, когда друг выскочил ему навстречу.— Маленькая была шишка, а теперь поди увеличилась...

— Что случилось-то?

— Новая улика: рыжую встретил. В руках — осетр...

— Дохлый?

— Стал бы я о дохлом говорить! Как он к ней попал? Пойдем разыщем рыжую, пока не поздно...

— Не могу. У нас дядя Костя в гостях. Родственник по боковой линии!

— Высокий? Елочка на подошве?

— Ты правильно угадал. Дядя Костя — капитан, он видел, как браконьер ночью рыбу глушил...

— Ту самую?

— Ага.

— Так что ж ты молчишь? Выкладывай!

— Он только начал рассказывать. Пойдем в избу. Сам услышишь.

— С шишкой-то на лбу? Что он подумает?

— Подумает, что перед ним однорог...

— Тебе шуточки. А мне каково?.. Надо срочно примочку шишке делать. Знаешь что — пойдем к нам. Смочим лоб — и обратно... По рукам?

— Ладно. Только, чур, безо всяких задержек! А то провороним самое интересное...

— Минутное дело!

Они сделали примочку и прибежали обратно.

Возле самого крыльца Фединога дома Ромка приказал другу отойти подальше, а сам стал ползать по земле.

— Нашел время пыль нюхать! — не выдержал Федя. — Нас дядя Костя ждет.

— Нет в доме родственника!

— Как нет? Был же!

— Был да сплыл. Не видишь разве — следы перевернулись...

— Следы не переворачиваются.

— А это что? Рубцы елочкой. Только елочка повернута в обратную сторону. Ушел...

Ромка тыкал пальцем в землю. Федя нагнулся. Отпечаток елочки действительно повернут совсем не так, как у такого же следа рядом.

— У твоего дяди срочное дело. Видишь — чем ближе к плетню, тем торопливее шаг. Спешил — каблучных отпечатков почти незаметно. Зато оттиск передней части подошвы можно разглядеть во всех подробностях...

Но Федя уже не слушал его. Он взбежал на крыльцо, распахнул дверь.

В избе хозяйничал один отец — убирал чашки со стола.

— Где дядя Костя?

— Честь отдал. Ушел, — сказал отец. — А ты поди пришел к нему на плот проситься? Так мы с ним уже договорились: Константин разрешил. Можешь придти вместе с друзьями. Если, конечно, родители не против. Только боюсь — проспите. Чуть свет надо подниматься...

— Не проспим! Не маленькие!

— Прощаясь, Константин Иванович оставил записку. Просил передать тебе лично. Вот она. Видишь, на конверте гриф — «секретно». Даже мне запретил распечатывать...

Записка похожа на боевой приказ:

Вожаку пионерского звена разведчику Феде Малявке.

Команда нашего судна готова принять к себе на борт группу отважных следопытов для выполнения ответственного задания.

Приказываю: завтра в 6 часов 00 минут быть на пристани.

Члены звена, проспавшие условленное время, могут отсыпаться в своих постелях впредь до особых указаний.

Всем явиться при полном снаряжении и в бодром духе. Без барабана. Предстоит высадка на берег в районе Соколиной горы.

Пропуском на судно будет служить пароль «Стрекоза». Лица, незнакомые с паролем, на судно не допускаются. Пароль хранить в строгой тайне.

Данную записку сжечь по получении.

Капитан-наставник К. И. Шубин.

ТАЙНЫЙ СОВЕТ СЛЕДОПЫТОВ

Четыре следопыта сидят в одной комнате — Федя Малявка, Ромка Мослов, Андрейка Полдник и Слава Кубышкин.

Четыре головы с горящими ушами склоняются над секретным посланием капитана Шубина.

Каждому хочется потрогать записку. В ней что ни фраза — то тайна. Можно рехнуться от такого счастья!

— «Записку сжечь по получении...» — читает вслух Ромка и пожимает плечами. — Несправедливо! Это же вещественное доказательство! Превратим документ в пепел. А потом? Кто поверит, что нас сам капитан приглашает? Записку сохраним для школы, чтобы о ней все узнали.

— Пусть лучше узнают о твоём индуктивном методе, — издевается Федя. — Браконьеры взрывчаткой оглушили рыбу, а он придумал — «нефтью отравилась...»

— Что придумывалось, то и придумал. Откуда я знал, что такие злодеи на свете водятся! Индуктивный метод здесь ни при чем. Спасибо Шубину — открыл нам глаза. — Ромка вертит перед собой бумажку, рассматривает ее на свет: — Листок вырван из полевого блокнота. Запах табака доказывает, что капитан — человек курящий.

Мальчишки по очереди подносят записку к носу. Тоже хотят понюхать.

Носы у следопытов разные.

У Феди нос веселенький, маленький, пуговкой. Таким носом много не вынюхаешь. Он даже не может различить сорт табака.

Зато у Ромки нос настоящего сыщика. Тонкий облупившийся кончик вздернут вверх. Чуткие ноздри вздрагивают и глубоко вбирают в себя воздух. С таким носом не пропадешь!

Андрейкин нос, хотя и длинный, совершенно бесполезный, потому что Андрейка тощ и долговяз, его нос всегда находится на почтительном расстоянии от пола и земли и ничего не сможет вынюхать.

У низкорослого Славы Кубышкина жирный нос к земле ближе. А что толку?! Он лишь посапывает дырочками, и не поймешь, различает ли что-нибудь, кроме запахов вкусной пищи. Толстый у Славы не только нос, но и щеки, и уши, и руки. И голова огромная: кепка лишь на макушку налезает, дальше — ни в какую, хоть тресни!

Федя Малявка достает из печурки спички. Чиркает о коробок. Подносит горящую спичку к записке.

Бумажка дрожит в его руке и, обугливаясь, скручивается как живая. Огонек неторопливо ползет вверх, дотягивается до Фединых пальцев.

Ромка морщится, словно от зубной боли. Эх, такую записку жгут! Первый в жизни боевой приказ и тот — в пепел!

— Теперь к столу, — приглашает Федя. — Продолжим тайный совет.

— Чего совещаться! — отмахивается Ромка. — Рыжие осетров ловят! А мы тут говорильню устроили. Пора переходить на боевое положение: вставить раньше петухов, и всем звеном — на корабль! А потом, когда высадимся на берег, будем искать браконьера. В протоке у Соколиной горы уйма всякой рыбы. И места глухие. Где ж еще ловить браконьера, как не там? Яснее ясного!

— Законно! — вставляет Андрейка свое любимое слово. — Искать браконьерский след поручим Носику.

— Обойдемся без Носика! — возражает Слава Кубышкин. — Он ищет только за мясо. Где мы мяса напасемся?

— Молчал бы лучше! Это для тебя надо еду запасть — вечно на уроках жуешь. А мой Носик сам себе пищу находит. В мусорных ямах.

— Я — за Носика, — поддерживает Ромка. — Собака — лучший друг разведчика. Кто первым в космос проник? Лайка. Без кого охотнику в лесу не везет? Без гончих. На Севере кого запрягают в упряжку? Опять же собак. Лошади там ни тпру ни ну, а собаки туда и сюда. Только погоняй как следует. А на войне? Донесения в ошейниках прятали — раз. Из боя раненых оттаскивали — два. Патроны на себе носили, следы вынюживали — три. Вот тебе и «обойдемся без Носика»! Без собаки мог только Шерлок Холмс обходиться. Тогда еще не умели псов дрессировать. На одной индукции выезжали.

Андрейка приходит в дикий восторг от Ромкиных слов. Вот кто понимает собачьи заслуги перед человечеством! Лучший следопыт звена, который сам быстрее любой ищейки умеет след находить, так красочно расписал Носика, словно это его собственная собака. Даже завидки берут. Правда, Андрейка ни за что не стал бы хвалить чужого пса. Чужие собаки всегда хуже Носика. Законно!

Но и после убедительной Ромкиной речи упрямый Кубышкин стоит на своем:

— По-вашему выходит, вся жизнь на одних собаках держится...

— Почему «по-вашему»? — настораживается Андрейка. — Да ты знаешь, какой у меня Носик?! Вчера на бахчах растерзал коршуна. В пух и прах!

Мальчишки вспоминают, кого еще растерзал Носик. Насчитывают шесть жертв: цыпленка, штаны Славы

Кубышкина, Андрейкину тетрадь по рисованию, кулан с рыбой, пустую кошелку, чучело в огороде...

— Вполне достаточно,— останавливает Федя Малавка.— Берем Носика с собой!

— Долой Носика! За порванные штаны меня в угол ставили...

— Свое мнение, Кубышкин, оставь при себе. А нам надо решить еще один вопрос. Что брать в разведку?

— Сухари! — оживает помрачневший было Слава Кубышкин.— И буханку хлеба!

— Мяса для моего Носика...

— Ага! Что я говорил! Носик без мяса не может. Вон Носика из разведки!

— Не мути воду, Кубышкин! С Носиком все ясно. Распределим лучше свои обязанности. Вношу конкретное предложение...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДВЕРЬ ОТКРЫВАЕТ НОСИК

Внести конкретное предложение Феде мешает Носик. Он скребется в дверь с улицы, ворчит и рывкает: «Рррав! Рррав!»

Мальчишки вскакивают с мест.

На пороге — Носик. Во всей своей красе. Красный язык высунут. Маленькие темно-коричневые глаза влюбленно смотрят на Андрейку.

Толстолапый пес весь покрыт длинной шерстью. Пепельного цвета, она свисает у него спереди и сзади, на животе и по бокам. Сразу не поймешь, где уши, шея и лапы, а где хвост и морда. Живой ворох нерасчесанных волос, из которого одиноко выглядывает, приносясь, блестящий нос. На массивной, заостренной

морде нос торчит гордо и заносчиво. Не потому ли и получил пес забавную кличку Носик?

Стоя на пороге, собака водит влажным носом вправо и влево. Затем ставит широкие лапы на половицу и бредет к своему хозяину, Андреюке.

Андрейка сияет от удовольствия:

— Вот это Носик — сам дверь открыл! Чистокровная южнорусская овчарка. Шестнадцать тысяч лет служит человеку!

— Не бреши, — уличает Кубышкин. — Носику и двух лет нету.

— Много ты понимаешь! В первобытной пещере рядом с черепом древнего человека нашли скелет собаки.

— Скелет Носика?

— Не Носика — не мели чепухи! Его пра-пра-прадедушки. А может, и пра-пра-прабабушки. Точно не помню. Один ученый сказал, что эта первобытная собака произошла от шакала и волка.

— А твоего Носика свалили из шерсти.

Носик не участвует в споре. Но всякий раз, когда в разговоре упоминается его имя, настороженно приподнимает правое ухо, прислушивается.

Пес явно на стороне своего хозяина. Андрейка взмахнет рукой — и он пошевелит хвостом. Андрейка сядет на свое место — и он садится. Андрейка забегает по комнате — собака за ним.

Рассердившись, Андрейка начинает кричать на Кубышкина. Носик тоже подает голос, рычит и скалит зубы.

В пылу спора Слава ничего не замечает. Шумит, машет руками. И тут — о ужас! — нечаянно наступают Носику на лапу.

Мальчишки замирают в тревожном предчувствии — озлобленный Носик готов растерзать Кубышкина...

— Фу! Фу! — грозно говорит псу Андрейка и указывает рукой в угол. — Место!

Хорошо, что Носику с младенческих лет знакома и понятна команда «фу». На языке всех дрессировщиков мира она означает, что псу нужно немедленно прекратить агрессивные действия и отпустить виновника подобра-поздорову.

Носик недоволен этой командой. Из темного угла еще долго доносится его злобное урчание.

Кубышкин только теперь начинает соображать, какая грозная опасность поджидала его. Боясь пошевелиться, он косит глаз на низ своих брюк. Штанина на этот раз уцелела. Ни одной дырочки.

Кубышкин что-то бурчит себе под нос и усаживается в конец стола, подальше от собаки.

— Итак, — спрашивает Федя, — кому поручим отвечать за продовольствие? Я предлагаю: Кубышкину.

— Мне одному на всех вас еду запасать? Нашли дурачка!

— Каждый принесет, что может. А ты хранить будешь.

— Охранять — сколько угодно, а запасать — ну ее!

— У меня есть охотничий нож, судейский свисток и пугач из олова. Брать? — спрашивает Андрейка.

— Пугач отставить, — категорически запрещает Федя. — А ты, Ромка, что возьмешь?

— Топорик, острый как бритва, — раз... Веревку — связывать браконьера, чтобы не убежал, — два. Еще что? Да, рюкзак! Три. В него мы сложим аппаратуру для расследования: воск — делать слепки вещественных улик, увеличительное стекло — изучать отпечатки пальцев, чернильницу с бумагой — заносить следственные показания...

— Может, еще и стол? — язвит Кубышкин.

— И без стола обойдусь. А вот тебе не мешало бы холодильник прихватить — продукты испортятся...

— Отставить спор! — кричит на них Федя. — Есть вопрос поважнее. Давайте решать — возьмем с собой девочек или нет?

Женский вопрос — самый сложный в звене. Две девочки затесались в следопытские ряды — Юлия Зуброва и Лена Портнова. Ну что о них скажешь? Девочки как девочки — с длинными волосами и в школьных фартучках. Разве так выглядят настоящие разведчики? Несерьезный народ. Мужчины — мальчишки заняты большими государственными делами: находят таинственные следы и разоблачают браконьеров на реке, отважно воюют с хищниками леса, стругают из досок сабли и ракеты, играют в Чапаева и космонавтов... А они что? Со всего леса, как муравьи, тащат в школьный уголок букашек и бабочек. Смех и грех. Если бы не было в звене мужчин, то так бы и колдовали они

всю жизнь над своей букашечьей коллекцией. От мальчишек Юля и Лена уже набрались кое-какой храбрости, научились справляться с ползучими жирными гусеницами на коре деревьев и выгонять рогатых коз из парка культуры и отдыха. Но действуют они при этом смехотворно — визжат и закрывают глаза от страха.

— Этим куклам нельзя доверять секретный пароль «Стрекоза». Разболтают,— заявляет Слава Кубышкин.

— Пойти с девочками в разведку? — спрашивает Ромка. И добавляет: — Один визг от них, а вот индуктивно мыслить не могут.

— Законно, обойдемся без девчонок,— бросает Андрейка.

— Ну что ж, так и решим,— соглашается Федя.— Еще вопросы есть? Тогда врассыпную. В шесть ноль-ноль встречаемся на пристани. Не забудьте пароль — «Стрекоза»!

Слава первым идет к двери. Носик вскакивает, преграждает ему путь.

— Фу! — орет Андрейка.— Не смей!

Собака щурит глаза, равнодушно зевает, широко раскрыв пасть, и, возвратившись на прежнее место, начинает невозмутимо чесать лапой под обвисшим лохматым ухом.

— Держись, Кубышкин! — смеется Ромка.— Оставит тебя Носик в рваных штанах. Мать тогда в поход не пустит.

— В поход я и в одних трусиках пойду...

Кубышкин важно выпячивает живот и перешагивает через порог.

Носик, перестав чесаться, поднимается, вытягивает шею, дважды неохотно тявкает ему вдогонку.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Ветер вздыбил на реке волны. Они шумным валом обрушивались на берег, гулко ударялись о пристань. Она вздрагивала, и колокол, висевший у пассажирского причала, начинал звонить без нужды и надобности, сам по себе.

Река дразнила Шубина белыми языками пены, грозила стихийными раскатами волн, которые с каждым новым набегом становились нахальнее, злее. Он хмурил брови, отворачивался от ветра, придерживая рукой козырек форменной фуражки.

Константин Иванович поджидал большегрузный плот. С минуты на минуту он должен был показаться в излучине реки. Его нужно расчалить на несколько частей и провести под мостом, между бетонными быками. Наставнику речных капитанов поручено встретить деревянный караван у самого опасного переката.

Хитрая, тонкая эта работа — водить плоты. Допусти капитан промашку — беды не миновать: либо буксир сядет брюхом на мель, либо караван прибьет течением к берегу, либо плот всей своей громадой ударится о сваю моста. Разбросает река во все стороны тяжелые, неуклюжие бревна, и будут они носиться по водной пучине как неприкаянные. Собери их тогда в один пучок, ничего не выйдет! Мало того, что плот погибнет, пароходам по реке плавать станет опасно — впотьмах ненароком налетишь на бревно, считай — пропало... Говорят, новый караван до того широк, что загородил всю реку — ни пройти ни проехать. Ох как сложно будет расчалить и разместить его под мостом!

Капитан услышал отрывистый собачий лай и обернулся. С горы, резво перепрыгивая через кусты, бежал лохматый пес. За ним вдогонку неслась сломя голову

ребячья ватага. «Следопыты», — сразу догадался Константин Иванович.

Их было четверо. Впереди «следопытский бог» Федя Малявка. Остальных Шубин видел впервые. Рядом с Федей бежал какой-то взлохмаченный мальчуган. Иногда он нагибался, закидывая рюкзак на спину, и что-то выискивал у себя под ногами. Чуть подальше маячили еще две фигуры: одна — длинная и тонкая, другая — короткая и толстая, с охотничьим ножом в руке, как мячик, — махала во все стороны раздутой продовольственной сумкой.

Встречая ребят, капитан-наставник у каждого спрашивал пароль. И следопыты, как заговорщики, шепотом отвечали: «Стрекоза». Лишь у Носика капитан не потребовал пароля.

— Собаку, пожалуй, мы и так пропустим. Ей пароля не выговорить.

Затем капитан стал знакомиться с Федиными друзьями.

Пожимая руку Ромке, Шубин удивленно посмотрел на его лохматые волосы:

— Ну и прическа! Словно клоунский парик.

— Это у меня со сна,— смущенно сказал Ромка, приглаживая волосы.— Вот искупаюсь, и будет другая прическа. Гладкая.

— Как только тебя люди узнают— в один день столько перемен!

— Его узнают не по прическе,— просунулся со своим объяснением Слава Кубышкин,— а по ушам. Они у него огромные и все слышат.

— А тебя, интересно, по каким признакам узнают?

— Меня— по толщине, а вот Андрейку— по высоте.

— Теперь у меня полная ясность,— засмеялся Шубин.— Знакомство, можно сказать, состоялось.

Ромка толкнул Федю в бок:

— Спрашивай у капитана про браконьера!

— Неловко как-то...

— Он же тебе обещал. Вот пусть и расскажет.

— Если бы не твоя шишка...

— Заладил — шишка, шишка... Что, я ее нарочно на лоб поставил? Не хочешь спрашивать, так я сам пойду.

Ромка отозвал капитана-наставника в сторону, к билетной кассе. Шубин удивленно пожал плечами:

— К чему такая таинственность?

— Секретный разговор. Могут подслушать...

Оглядевшись вокруг, нет ли поблизости подозрительной личности, Ромка привстал на цыпочки и шепотом спросил:

— Говорят, вы кое-что знаете о рыбьем хищнике. Я собираю сведения.

— И много собрал?

— Есть кое-что. В реке гниет рыба, загубленная им,— это раз. Обнаружена таинственная личность с осетром в руках — это два.

— Неплохо для начала,— похвалил капитан.— И что дальше намерены делать?

— Ловить.

— Кого ловить?

— Браконьера. Только вот сведений маловато. Помогите.

Капитан неожиданно рассмеялся:

— До чего ж вы странный народ, мальчишки! Я-то вас зачем к себе позвал? Чтобы вы мне помогали! И не только плот вести, но и браконьера разыскивать. Для того и поднял всех вас по приказу. А теперь, оказывается, не вы мне, а я вам помогать должен. Ну и ну!

— В приказе про браконьера — ни слова...

— Зачем раньше времени разглашать задуманное?! Вот сплавим плот, высадимся у Соколиной горы и начнем совместными усилиями искать следы преступника.

— У Соколиной? Значит, и вы решили, что браконьер там? — обрадовался Ромка.

— Точно сказать затрудняюсь. Но достоверно известно — браконьер рыбу глушил в протоке. И еще одна новость. Милиционер задержал машину с браконьерской рыбой. Шофер купил ее у неизвестного старика, который вынес рыбу к машине где-то в районе избушки лесника на Соколиной горе. Милиционер попросил меня проверить — не прячет ли браконьер свою добычу там, в лесу. Места эти мне с детских лет хорошо знакомы. Захотелось еще раз пройтись по тропинкам детства. Заодно и вас пригласил. Без следопытов — я так решил — удачного поиска не получится.

— Спасибо, Константин Иванович! — Ромка взглянул на капитана с благодарностью. — Вот жаль только, вещественных улик у нас нет.

— Есть одна. Погляди, — капитан извлек из кармана темно-бурый, продырявленный насквозь деревянный шарик величиной с куриное яйцо. — Поплавок от сети. Подобрал на месте взрыва. Рядом с оглушенной рыбой плавал.

— Можно, я возьму?

— Сделай милость. А то карман оттопыривается. Некрасиво... Будут еще вопросы?

— Нет. Все ясно!

— Появятся неясности — ко мне обращайся. Вместе обсудим.

Ромка сунул поплавок в рюкзак, где хранилось разное следопытское оборудование, и погрозил кулаком неизвестно кому:

— Держись, голубчик! От нас теперь не увильнешь!

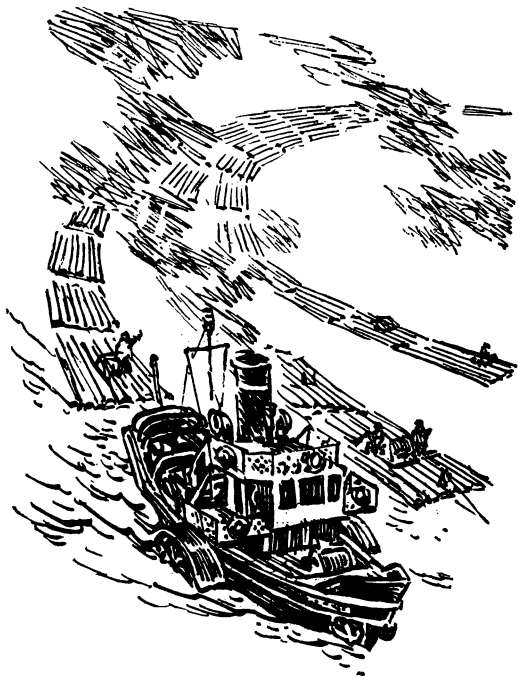
ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МОСТ НАД ГОЛОВОЙ

Пароход «Жар-птица» со следопытами на борту отчалил от пристани.

За бортом в вихре водяных струй заплясали буруны пены. Судно резало волны и спешило навстречу сумрачному мареву.

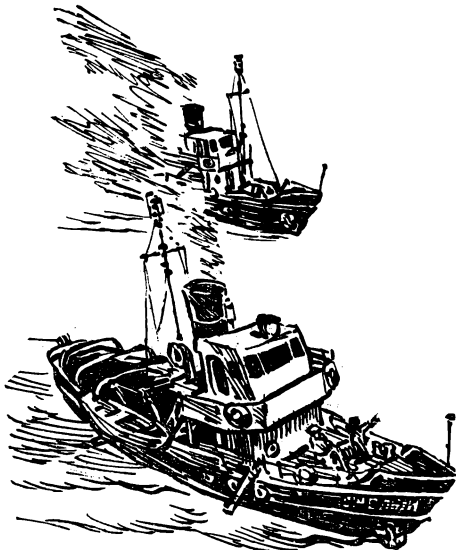
И тут все заметили в речной излуине громоздкое плавучее сооружение. Оно приближалось. Отчетливо стал виден черный буксир с густым тягучим облаком над высокой трубой. На его борту было написано «Смелый». За буксиром — длинное и широкое сплетение сосновых бревен.

— Деревя-то! Ух! — пораженный Федя Малявка тарасил глаза. — Целую деревню можно построить.

— На дрова бы, — подсказал Слава Кубышкин. — Всю жизнь топи печку, и еще останется...

— Печку топить — ишь чего сказанул! — неодобрительно покосился Шубин. — Строевым-то лесом! Гидро-

узел на реке строят — для него плот предназначен... Давайте поприветствуем «Смелого»!

Константин Иванович потянул ручку гудка, и «Жар-птица» оглушительно забасила. Гулкое эхо понеслось по реке. Взметнулись и закружили над пеной волн испуганные чайки. «Смелый» ответил на приветствие тоненьким, визгливым голоском.

Пароходы пошли на сближение, стали бок о бок. Между бортами кипела вода. Шубин сунул в планшет лоцманскую карту и перебрался на соседнее судно. Мальчишки последовали за ним.

В рубке «Смелого» у огромного штурвального колеса стоял горбоносый человек. Волосы, брови, глаза, ки-

тель, брюки и даже лицо, покрытое густым загаром,— все у штурмана черное, как у африканца. Он поздоровался с Шубиным и указал на штурвал:

— Принимайте, товарищ капитан, бразды правления.

Шубин вынул из планшета лоцманскую карту и тетрадку, где во всех подробностях был расписан маршрут следования плота.

— Разъединим караван на три части. Самую большую поведет «Смелый». Расчалку произведем на ходу... Итак, приступим!

Из рубки, если посмотреть назад, видно, как бревенчатый караван, выходя на середину фарватера, постепенно выпрямляется, оттягивая свой хвост от опасного скалистого берега. Сплавщики, стоя на плоту, крутят гигантское деревянное колесо. И вот поперечные счалы, связавшие части каравана, разъединены. Вода клином врывается в прораны и разбивает древесину на три ленты. Разлучившись друг с другом, каждая из них образует самостоятельный плот. И у каждого впереди свой хозяин — буксир. Самая массивная лента плота поползла за «Смелым». Трос, соединявший их, натянулся, задрожал от напряжения.

Впереди, выплывая из тумана, выросал гигантский мост. Стальные балки грузно висели над рекой. Ромка Мослов разглядел даже шляпки болтов, скрепивших металлическую арматуру. По шпалам, гроыхая, побежал между небом и водой паровоз, замелькали в ажурных просветах зеленые вагоны.

Потом все стихло. Слышно только, как натужно дышит машина внизу, шлепаются волны о борт.

Константин Иванович поднес к губам конусообразную трубу и зычно крикнул плотогонам:

— Выходить якоря!

— Дайте я тоже крикну,— попросил Федя Малявка.

— И я,— Слава Кубышкин приблизился к капитанскому рупору.

— Кричите оба,— засмеялся Шубин и отдал им свою трубу.

Каждому хотелось командовать первым. Выкрикнули сразу в два голоса:

— Выходить якоря!

На плоту забежали. Две девушки в цветастых косынках и лысый мужчина в рубахе, подпоясанной шнурком, заспешили к якорному сбросу. Налегли всей грудью на колесо. Колесо скрипнуло и завертелось, вытягивая на поверхность звонкую цепь. Показалась причудливо изогнутая, рогатая лапа якоря.

— Ура! — закричал Федя.— Моя команда долетела!

— Нет, моя долетела! — не согласился Слава Кубышкин.

— Кто командовал первым? Я!

Шубин, смеясь, уточнил:

— Вы так старались перекричать друг дружку, что вместо слов львиный рев получился. Дуэтом только песни поют, а не командуют...

«Смелый» входил под центральный пролет моста, когда ветер сместил плоты к берегу. Константин Иванович позвал гудками вспомогательные судна. Юркий буксир, вынырнувший неведь откуда, встал перпендикулярно плоту, уперся в его бок. Он настойчиво толкал головную часть плота, загоняя его в проем между устоями моста. Второй буксир — такой же маленький и бойкий, наседал на хвост, помогал плоту удержаться на стрежне. Древесная лента, серпом изогнувшись под ветром, замедлила движение, стала неторопливо выправляться.

Густой дым валил из трубы «Смелого». Дымный хвост дотянулся до самого плота, заволакивая все вокруг непроницаемой чернотой.

Славе Кубышкину показалось: плот несется прямо на бетонные устои, возле которых бурлит и пенится вода. Он крикнул:

— Ой, сейчас о мост трахнется...

Носик ошалело метался по мостику и гавкал.

Вода под мостом дыбилась, швыряла плот из стороны в сторону. Нелегко капитану удержать караван в пролете. Приходилось то и дело братья за штурвал. Переднюю часть каравана Шубин провел в самой середине пролета и, выйдя на простор реки, вдруг круто повернул «Смелого» навстречу ветру. Капитан разрешил Феде Малявке подержаться за руль штурвала. И тут хвост плота, прибитый ветром почти к самым устоям, сдвинулся левее, встал в центре пролета. Федя закричал «ура!». Грозные металлические сплетения, повисшие над рекой, теперь не страшны.

— За такую работу Константину Ивановичу законно пятерку можно поставить. С плюсом! — оценил Андрейка.

— А я вот этими руками штурвал повернул! — хвастался Федя. — В самую решающую минуту! На всю жизнь запомню!

— Старым капитанам можно на пенсию подаваться. Есть кому вахту сдать, — сказал Константин Иванович. — Прощайтесь со «Смелым», ребята. Штурман доставит вас к Соколиной горе. А я прибуду попозже — еще два плота остались за мостом... Да, чуть не забыл — на берегу вас ждет письмо. Я его вчера вечером написал, зная, что мне задержаться придется, и спрятал возле одинокой березы у реки. В письме — новый приказ. Ищите его в десяти шагах от березы по направлению к югу. Итак, до встречи, следопыты! — И Шубин помог ребятам спуститься в шлюпку, что покачивалась на волнах за бортом «Смелого».

«БУДЕМ КАК НЕВИДИМКИ» (Из дневника Юли Зубровой)

«Сегодня мы всей семьей прибирали комнату. Мама решила выбросить на свалку ненужный хлам.

В горке рваных галош, гнилой картошки, черепков от горшка и старых газет я увидела... свой дневник! Он чуть не угодил в помойку. Ужас. Подумать страшно.

Я обиделась на маму. Как она могла свалить в одну кучу дырявые галоши и мой драгоценный дневник! Ведь в нем записаны все мои мысли и переживания начиная с первого класса.

Наверное, маму смутил неряшливый вид тетрадки. За три года дневник пожелтел, стал лохматым, как та старинная летопись, которую однажды приносила нам в класс учительница. Но ведь это и хорошо! Через много-много лет и мой дряхлый дневник могут показать в школе. Будут изучать мысли и переживания школьника.

Только мне не хочется, чтобы изучали первые страницы. Там много ошибок, а мыслей мало. Переживаний в первом классе тоже почти не было.

Настоящие переживания и мысли начались в третьем, когда я стала пионеркой и наши мальчишки приняли нас двоих, меня и Лену Портнову, в свое звено следопытов.

Вот где мы напереживались! И сейчас еще переживаем. И когда кончим переживать — не знаю. Мы узнали про мальчишек такое, что, наверное, будем переживать всю жизнь до самой старости.

Оказывается, у нашего звена есть тайна, но ребята скрывают ее от нас с Леной: они считают девочек ниже себя! Ну подождите...

Сегодня первый раз за все лето я сажусь за дневник. И вовсе не потому, что мама решила выбросить тетрадь на свалку. Нет! Я просто не могу молчать. Будущие историки должны знать чистую правду о том, как плохо иной раз вели себя мальчишки в наше хорошее время!

Тайный заговор следопытов мы раскрыли совершенно случайно. Идем с Леной мимо Фединой избы и видим — Андрейкина собака. Скулит на крыльце и просится в дом. Ее не пускают. Тогда Носик сам себе открывает дверь лапой.

— Там Андрейка,— сказала Лена.— Можешь не сомневаться.

— Ни капельки не сомневаюсь,— сказала я.— Где Носик, там и Андрейка.

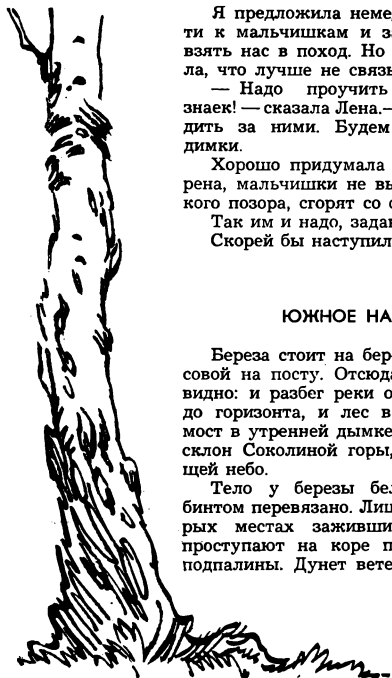
— Ромка тоже там,— сказала Лена.— Видишь, он своими башмаками истоптал весь двор. Следы изучал... На крыльце палка валяется. Час назад Слава Кубышкин гонялся с этой палкой за козой. Значит, и он здесь...

— Странно,— сказала я.— Все звено в сборе, а нас не пригласили...

Мы забрались на завалинку. Окно занавешено, и мальчишек не видно. Но слышно, как они в избе спорят. О чем? О браконьерах и первобытных собаках. Перечисляют похождения Носика и несколько раз называют пароль — не то «сто коз», не то — «стройхоз». Обсуждают, что взять завтра в поход, и наконец вспоминают о нас. Слава называет меня и Лену «куклами», Ромка — «визгушками», Андрейка — «обойдемся без девчонок». Ни одного хорошего слова. Только Федя никак не обзывает нас, но тоже голосует против.

Они договорились, что рано утром встретятся на пристани и отправятся на Соколиную гору. Без нас!

— Как гербарий делать — нас зовут,— сказала Лена.— Как боевая разведка — мы им не нужны. Бессовестные люди! Ни капельки мужского благородства!

Я предложила немедленно пойти к мальчишкам и заставить их взять нас в поход. Но Лена сказала, что лучше не связываться.

— Надо проучить этих зазнаек! — сказала Лена. — Давай следить за ними. Будем как невидимки.

Хорошо придумала Лена! Уверена, мальчишки не выдержат такого позора, сторят со стыда.

Так им и надо, задавакам!

Скорей бы наступило утро...»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЮЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Береза стоит на берегу, как часовая на посту. Отсюда ей далеко видно: и разбег реки от горизонта до горизонта, и лес в заречье, и мост в утренней дымке, и зеленый склон Соколиной горы, подпирающей небо.

Тело у березы белое, словно бинтом перевязано. Лишь в некоторых местах зажившими ранами проступают на коре пятнышки — подпалины. Дунет ветер, и курча-

вый лиственный малахай зашумит, затрепещет, закивает во все четыре стороны.

Слава Кубышкин прислоняется спиной к холодному стволу и затем делает несколько шагов вперед.

— Куда ты шагаешь? Вот бестолочь! — ругается Федя Малявка. — Нужно на юг. Понимаешь? А ты шагаешь куда попало.

— Откуда я знаю, где юг? Во все стороны буду шагать, раз компаса нет.

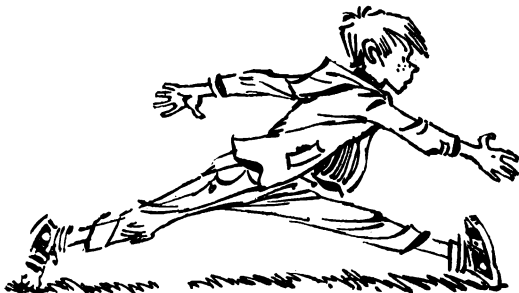
— Сначала определим южное направление, а потом отмерим десять шагов.

— А как найти юг?

— По муравьям.

— У них разве есть компас?

— А еще следопыт называется! Простейших вещей не знаешь. Муравьи возле деревьев всегда селятся с одной стороны. Только вот забыл, с какой — с северной или южной?

— С северной. Это точно,— авторитетно подсказывает Ромка Мослов.— Не будут же муравьи на солнце жариться! С северной прохладнее. Индуктивным способом можно что угодно определить.

— Ну раз индуктивным... Это законно! — Андрейка всегда был поклонником Ромкиного способа исследования.— Пойду искать муравьиную кучу. Носик, ко мне!

Андрейка увлекает собаку за собой.

Из лесу доносятся беспорядочный лай и грозные Андрейкины распоряжения: «Носик, сюда!», «Носик, нюхай!», «Носик, стой!». И вдруг ликующее, радостное: «Ура! Нашел! Вот так Носик!» Затем дикое рычание и страшный собачий визг, похожий на стон.

Носик выбегает из лесу. Он фыркает, трясет головой. Вид у него потрепанный. Зато Андрейка ликует. Он догоняет собаку и улыбается во весь рот:

— Муравьи Носику нос пощипали. Ну и нюх у собаки! Я туда-сюда, а Носик с ходу выследил... Муравьиное жильё вот с этой стороны дерева. Сам видел. Здесь север. Законно! А юг, выходит, с другого конца. Отсчитывай, Славка, десять шагов.

— Считай двадцать,— поправляет Ромка.

— В записке сказано десять,— стоит на своем Кубышкин.— Почему же двадцать?

— Ты измерял шаг Шубина?.. То-то! А я измерял. По-богатырски шагает. Ровно два твоих шага в его один поместятся.

— Я тоже могу, как он, шагать. Вот посмотри...

Слава расставляет ноги во всю ширь — дальше некуда. Так нормальные люди не ходят. Ромка вынимает из кармана металлическую рулетку, растягивает ее на траве и измеряет:

— Тютелька в тютельку. Капитанский шаг. Можешь считать до десяти.

Польщенный Слава натужился изо всех сил. Того и гляди штаны треснут.

— Раз... два... три... четыре...— ребята дружным хором отсчитывают каждый его шаг.

И вот сделаны последние усилия. Слава останавливается, тяжело отдуваясь, и по-солдатски приставляет ногу к ноге. Тычет пальцем на одуванчик возле своих ботинок:

— Уф-ф... Копайте. Я совсем выдохся.

Друзья принимаются за работу. Федя с Андрейкой ковыряют траву палками, Ромка — топориком. С одуванчика слетает весь пух. Наковыряли целую кучу земли. Бумажки нет. Тогда начинают разгребать почву на шаг вперед и на шаг назад. Но и там — никаких следов! Не помог и Носик, которого Андрейка заставил обнюхывать землю вокруг. Пес бегал взад и вперед, совал нос в траву и останавливался лишь возле самой березы, где никакой записки, конечно, быть не могло.

Уставший Носик усаживается под деревом и смотрит, как над присмирившей рекой медленно поднимается к зениту слепящий солнечный круг. Носик щурит глаза и гавкает.

— Что он так взъелся на солнце? — недоумевает Ромка. — Может, он хочет, чтобы всегда ночь была?

— Ночью он скулит еще больше. Спать мешает, — уточняет Андрейка. — Наверное, Носик что-то говорит, а мы не понимаем. Законно. Эх, если бы знать собачий язык...

— Постой, постой, — поднимает руку Федя. — А ведь твой пес умница! Он правильно гавкает.

— Ты что — разбираешь собачий язык? — ехидничает Ромка.

— Взгляни на солнце. О чем оно говорит? Понимаешь?

— Смотрите, люди добрые, он не только с собакой, но и с солнцем разговаривает!

— Я серьезно — откуда к нам солнце приходит?

— Ясно откуда — с востока!.. — Ромка ударил себя ладонью по лбу. — За муравьями, как дураки, гонялись, а про солнце забыли. Ай да Носик!

— Ну и что? — не унимается Слава. — Нам же юг нужен, а не восток.

— Вставай спиной к солнцу — увидишь запад. По бокам будет юг и север.

— А с какого боку? Ты знаешь?

— Не мели ерунды, Кубышкин. — Феде Малявке стыдно за Славкино невежество. — Даже первоклассники знают: если восток впереди, то справа — юг... Андрейка, считай десять шагов в сторону юга!

— Хороший у меня Носик. Правда? — спрашивает Андрейка, направляясь к березе. — Солнце первым заметил. Это тебе не муравьи! Законно!

— Муравьи не виноваты, — смущенно объясняет Федя. — Сами напутали. Они селятся с южной стороны, а не с северной. Я сейчас точно вспомнил.

Андрейка уже делал последний, десятый шаг. Наступил на камень в траве. Под ним — бумажка.

— Записка! Сейчас мы ее прочтем! — Ромка с торжествующим видом склоняется над камнем.

— Я звеньевой. Мне и читать. Понятно? — опережает его Федя Малявка.

И вот бумажка у него в руках. Слова на ней написаны вовсе не рукой капитана Шубина, а напечатаны типографским способом. Странные слова. Вначале жирными буквами: «Пиво жигулевское»; потом помельче: «Пивоваренный завод»; дальше совсем мелко: «Емкость 0,5 литра».

— Ну и ну! — задумался Ромка. — Какая-то шифровка. Нужно разобраться.

— Чего разбираться! — Федя бросает бумажку под ноги. — Самая обыкновенная этикетка от пивной бутылки.

— Может, на обратной стороне есть надпись? — Ромка поднимает этикетку. — Ничего нет. Только следы от клея. Иногда пишут секретными чернилами. При царе революционеров бросали в тюрьму, и они между строк в книжке писали молоком. Тайком писали, чтобы жандармы не видели. Потрешь такую записку пеплом — и буквы проявляются. Шубин оставил нам секретный приказ. Он, наверное, знает молочный способ. Потереть бы этикетку сажей...

— Законно! Возле берега следы от костра, — сообщает Андрейка. — Там пепел и головешки. Сейчас принесу.

Но и пепел не помогает. Сколько ни сыпь его на этикетку, как ни три пальцем — сплошная чернота, ни одной секретной буквы!

Ромка рассматривает бумажку через лупу, вертит ее и так и эдак. Мельчайшие пылинки под стеклом увеличиваются до невероятных размеров, а новые буквы не появляются. Получаются лишь знакомые слова: «Пиво жигулевское». Ромка сует лупу в карман:

— Давайте поищем что-нибудь другое...

Носик, обнаружив у Ромки под ногами пустую консервную банку, обнюхивает ее со всех сторон. Федя поднимает банку, отгибает зубчатую, неровно обрезанную крышку и ахает: внутри тетрадный лист, аккуратно свернутый вчетверо.

Это записка от родственника по боковой линии — дяди Кости:

Следопыты!

Поздравляю с высадкой на берег! Надеюсь, все вы сохранились в целости и готовы к новым героическим свершениям.

Даю боевое задание: двигаться строго в южном направлении.

Не галдеть, не пререкайся, соблюдать военную дисциплину, внимательно глядеть по сторонам и себе под ноги. Все подозрительное, что будет замечено в лесу, брать на учет.

Ни в какие столкновения с противником не вступать.

В километре от берега — избушка лесника. Идите туда и ждите меня.

Пароль прежний.

Вперед, юные разведчики!

Капитан-наставник К. И. Шубин.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ — ЛЕГКО В ПОХОДЕ

— Приказ получен! — Федя Малявка поднимает над головой записку. — Начинаем военную жизнь. Всем построиться в один ряд! Лицом к югу, по росту — становись!

Застывает как вкопанный долговязый Андрейка Полдник, за ним — Ромка со Славой. Носик, хотя ростом ниже всех, встает впереди. Федя не возражает: собака, что с нее возьмешь!

Командирским шагом звеньевой обходит боевой строй, приструнивает Ромку, который не умеет стоять спокойно и вертит головой, приказывает Славе Кубышкину закрыть рот, потому что с раскрытыми ртами разведчиков не бывает, и отбирает у Андрейки судейский свисток.

— Я сам свистну, когда надо... Смирно! — приказным тоном говорит Федя Малявка и во все щеки дует в свисток.

Следопытский строй содрогается от оглушительного свистка и замирает. Лица повернуты в Федину сторону. Он стоит с важным видом и, прищурившись, зорким взглядом окидывает шеренгу.

Жаль, ряды жидковаты. Для боевых операций побольше людей надо. Можно бы и девчонок из звена.

Строй стал бы тогда длиннее. Было бы кем командовать. Когда девчонки слушаются, их вполне можно терпеть. Тогда они даже чуть-чуть на мальчишек похожи. Если бы всех их подстричь под машинку и заставлять каждый день играть в разведчиков, научить стрелять из рогаток, лазить по деревьям, удить рыбу и ездить верхом на лошадях — из них со временем получились бы самые настоящие мальчишки. В будущем Федя так и поступит. Хватит Юльке и Ленке одними гербариями да букашками заниматься, пора и к мужским делам привыкать. Нужно их уговорить зимой записаться в школьную хоккейную команду, а в дни боевых учений, которые мальчишки обычно проводят в прибрежных оврагах, всех прикрепить к пулеметам. Пусть строчат не только языками, но и из пулеметов! Как это Федя раньше не занялся перевоспитанием девчонок в мальчишек? Времени не хватало...

— Юные разведчики, ложись! — командует Федя. — В южном направлении по-пластунски — ползи! Обо всем подозрительном, что заметите, докладывать мне. По-пластунски мы каждую кочку изучим.

Следопыты падают на землю.

— Здесь роса, — морщится Слава. — Ползти мокро!

— Суворов говорил, — вспоминает Федя, — тяжело в учении — легко в походе... Бери пример с Носика. Видишь, как собака лапами работает?

— Это же я его научил, — говорит Андрейка.

— Собаку научил, а сам ползаешь хуже собаки.

— Самому бы тебе так... Ой, колючка в живот впи-лась!

Доползли до кустарника.

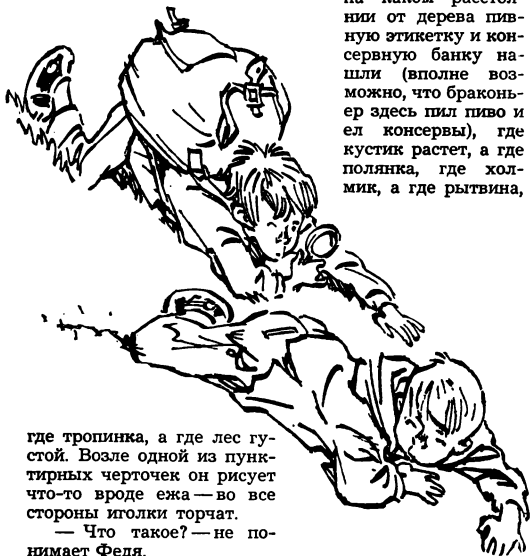
— Отставить ползки! — командует Федя. — Приступим к составлению карты. Товарищ Мослов, вынь тетрадь и изобрази местность, которую мы проползли.

— Есть изобразить!

Раскрыв тетрадь, Ромка чертит в ней начальный путь звена: условным значком изображает березу возле реки, затем ведет пунктирные черточки через лужайку к лесу. Глаз у Ромки наметанный и память завидная. Ничего не забывает: крестиками отмечает в тетрадке,

на каком расстоянии от дерева пивную этикетку и консервную банку нашли (вполне возможно, что браконьер здесь пил пиво и ел консервы), где кустик растет, а где полянка, где холмик, а где рытвина,

где тропинка, а где лес густой. Возле одной из пунктирных черточек он рисует что-то вроде ежа — во все стороны иголки торчат.

— Что такое? — не понимает Федя.

— Колючка, на которую Андрейка наскочил.

— Колючку стереть! Чертить надо лишь особо важные предметы. Укажи расстояние между ними. Кто знает, как расстояние определить? Скажи, Кубышкин, сколько метров, допустим, вон до того парохода?

— Там же вода! Шагами не измеришь.

— А я уже измерил,— неожиданно заявляет Ромка.— Ровно сто восемьдесят пять метров. Проверь, Кубышкин!

— Не полезу же я в воду! Нашел дурачка!

— Зачем в воду? Можно и без этого. Ты видишь на палубе людей? Видишь. Очертания головы и плеч замечаешь? Замечаешь. Так запомни, Кубышкин, все это можно различить на двести метров. Если бы еще разглядел и одежду, тогда сто пятьдесят метров.

— А если я глаза и нос рассмотрю?

— Значит, семьдесят метров, не больше.

— Ты так говоришь, словно у всех людей глаза и носы одинаковы. Есть большие и маленькие. Разница!

— Раз увидел маленький нос, расстояние еще ближе.

— Чудная какая-то арифметика. Ты ее сам придумал?

— Почему же сам? Мне папа показывал учебник для снайперов. Там все на картинках показано,— сказал Ромка и гордо поднял нос кверху.— Даже Шерлок Холмс не мог так определять расстояние, как я умею!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАУКА «ПУСКАТЬ ПЫЛЬ В ГЛАЗА»

Удивительные вещи знает Ромка Мослов о маскировке! Если верить ему, то выходит — все вокруг замаскировано. Почему у рыбы спинка пестрая? Чтобы

ничем не отличаться от камешка на дне и не попадаться на глаза хищной щуке. Яркая бабочка сядет на цветок, попробуй обнаружь ее — вплотную подойдешь и не увидишь. Тигр вон какой здоровенный и тот хитрит: шкуру полосатую носит, с зарослями джунглей сливается своей расцветкой. А медведи? На Северном полюсе, где кругом белый снег, они белые. В сумрачной, дремучей тайге медвежья шерсть темная. Заяц, казалось бы, глупое животное, но и у него хватает сообразительности дважды в году менять шкуру — под цвет зимы и лета. Так зайцы охотников обманывают. Гусеницы по дереву ползают как ни в чем не бывало — птицам нелегко их обнаружить, потому что они зеленые, словно листья на ветках. У наших пограничников тоже зеленые фуражки и форма защитного цвета. Когда они в засаде, то их и не заметишь в зелени кустарника. Военная хитрость. Давным-давно, когда вражеские полчища задумали завоевать русские земли, то и они пытались хитрить: привязывали пучки веток к хвостам лошадей и скакали по пыльным дорогам. За конницей серой тучей до самого неба поднималась степная пыль. Некоторые несообразительные люди в панике разбежались. Им казалось — целый легион кавалерийский скачет. Враги нарочно поднимали пыль, чтобы показать, будто их тьма-тьмушная. Но им не удалось запугать русских воинов. Русские разгадали хитрость захватчиков и сами, когда нужно было, умели пускать пыль в глаза.

— Вы постоите здесь,— говорит Ромка,— а я через пять минут появлюсь...

Он вручает Андрею веревку и все свое снаряжение, а сам скрывается в кустах. Носику тоже хочется побежать за ним. Андрейка властно указывает собаке, чтобы оставалась на месте, и пес, твякнув, смиряется.

Проходит минут пять. Ромка не показывается. Ребят охватывает беспокойство. Отправляются на поиски:

обшарили окрест все кусты, осмотрели верхушки деревьев, забрались даже в колючий репейник — пропал человек! А где-то рядом слышится: «Ку-ку, ку-ку, я тут, я тут!» Ясно, это Ромка кукует. Куда же он спрятался? Мальчишек досада берет — голос слышат, а найти не могут. Отчаявшись, Андрейка дает Носику понюхать Ромкину веревку:

— Ищи!

Собака бежит к кусту, который топорщится в не-

скольких шагах от ребят, и отчаянно лает. Куст шевелится и... поднимается в полный Ромкин рост. Следопыты ахают — вот так куст! За поясом и на голове у Ромки торчат, вздрагивая листьями, ветки, лицо прикрыто огромным мясистым лопухом с двумя дырочка-

ми, как на карнавальной маске, руки увиты папоротником и камышом. Ромка весь зеленый, словно гусеница.

— Я вас видел, а вы меня нет! — хвастается он и сбрасывает с себя лесную одежду. — Вот что значит маскировка!

— А как же голос? — недоумевает Андрейка. — Я отчетливо слышал — ты куковал совсем в другом месте.

— Хитрость. Менял голос. Могу еще и не так. Отойди подальше, смотри на меня. Смотришь?

— Смотрю.

— Теперь послушай...

Ромка стоит спокойно, с отчужденным видом на лице, сунув руки в брюки. А где-то поблизости незнакомый, приглушенный, будто идущий через нос голос говорит:

— Не разведчики вы, а мокрые курицы. Растяпы!

Пухлые Ромкины губы сомкнуты, не шевелятся. Откуда берется голос? Мальчишки заглядывают Ромке за спину — не прячется ли там кто? Никого! Волшебство, черная магия! Ну и способности у человека! В цирке может выступать. Мальчишки поражены. Мальчишкам завидно. Лишь Слава Кубышкин безразличен:

— Подумаешь, открытие — через нос говорить! Нашел дурачков! Никакой ценности для разведки.

— Как никакой ценности?! — раскрывает, наконец, рот уязвленный Ромка. — Разными голосами можно кого угодно напугать. Стою, допустим, один перед браконьером, а разговариваю сразу на несколько голосов. Браконьер остолбенеет...

— Ромка прав, — поддерживает Федя. — Надо всем нам срочно замаскироваться! Рвите лопухи и ветки...

Звено Феде Малявки, слившись с зеленью леса, трогается дальше по направлению к югу. Маршрут следопыты сверяют по солнцу, «открытому» псом Носиком.

— Шагать в ногу... Раз, два, три... Левой, левой... Товарищ Кубышкин, не сбиваться! Смотри вперед, а не на собаку... Раз, два, три... Левой, левой...

— А когда же, товарищ командир, правой? — возмущается Андрейка. — Нельзя же все время левой шагать!

— Разговорчики! Раз левой, значит, и правая движется. Одной ногой не шагают. Понятно? Отряд, бегом — шагом марш!

— Ну вот опять — «бегом» и тут же — «шагом». Попробуй разберись, бежать или шагать?

Перепрыгивая через кусты, огибая деревья, пробираясь сквозь заросли тальника, мчатся следопыты на юг, к избушке лесника. Мелькают в кустах согнутые ребячьи фигуры, белесая шерсть Носика, красная Славкина сумка, растрепанные волосы Ромки... Лопухи и листья, которыми облепили они себя, цепляются за деревья, виснут на сучьях, падают на землю. Трещит под ногами сушняк, шуршит прошлогодняя листва. Спешат как на пожар — ни минуты передышки. Даже неутомимый Носик высунул язык.

— Мчитесь, будто угорелые, — следопытский командир обтирает рукавом взмокший лоб. — А кто из вас будет по сторонам смотреть?

— Сам же приказал бежать! — бурчит Слава Кубышкин. — Если на всем скаку по сторонам смотреть, о дерево звезданешься. Нашел дурачков!

— Умные разведчики не только ногами, но еще и мозгами работают.

— Поработаешь с тобой! То «марш по-пластунски», то «марш бегом»! Все ногами да животом. Для мозгов и времени не остается.

Федя приказывает звену остановиться.

— Сколько прошли, а следов браконьера все нет и нет. Бестолковая разведка у нас получается...

— В грачиные бы гнезда заглянуть,—предлагает Слава Кубышкин.— Может, он там рыбу хранит?

— Ха! — смеется Ромка.— Еще не хватало, чтобы браконьер корм грачам припасал! Он — хитрее лисы. Свою добычу прячет там, куда никто носа не сунет.

— В муравейник,— не подумав, бухает Андрейка и тут же спохватывается: — Нет, там муравьи...

— Скорее всего, браконьер сушит в лесу рыбу, чтобы не испортилась,— строит догадки Ромка.— Заберется в чащу, подальше от людей, и на бечевке между деревьями развешивает. А потом кладет ее в мешок и везет на базар продавать.

— Так можно придумать что угодно,— скептически морщит нос Слава Кубышкин.— Никаких доказательств. Нашел дурачков!

— Прекратите спор! — приказывает Федя.— Пойдем след искать. Но только одно условие — двигаться бесшумно, а то браконьер услышит. Кто пикнет или зашуршит веткой, тот больше не разведчик. Нарушителей будем наказывать... Что бы такое придумать? А вот что — за малейший шум приговариваем человека к смерти. Скажешь хотя бы одно слово — и тебя нет! Падай на землю и лежи как убитый. Понятно?

Федя первым скрывается в кустах. Следопыты гуськом спешат за ним. Осторожно, на цыпочках, не говоря ни слова, пробираются они сквозь заросли. Вдруг — треск, треск! — под ногами Кубышкина переломилась сухая ветка. Командир Федя Малявка машет ему рукой книзу и шепотом сообщает:

— Ты убит. Падай!

— Откуда ты знаешь? Может, я не совсем убит, а только наполовину? Могут же раненые преследовать противника!

— Молчи, труп! Понятно? Пусть живые преследуют.

— А сам кричишь! Ты тоже убит! Ложись рядом. Вместе будем умирать.

Феде «умирать» не хочется. Но ничего не поделаешь, сам придумал такое наказание. Он падает у ног Кубышкина. Вскоре к нему присоединяется еще один «убитый» — Андрейка. На него вдруг ни с того ни с сего напал чих. Как он ни крепился, пришлось расчихаться, да еще как громко — на весь лес!

— Долой из разведки! — кричит ему Федя.

— Чихнуть нельзя, тоже мне командир, — обижается Андрейка. — Всех лучших людей вывел из строя. Некому браконьера искать. Прямое вредительство!

Но остается еще Ромка. Он ни на шаг не отстает от Носика.

— Ура! Есть вещественная улика!

Мальчишки вскакивают, бегут на голос. В зубах Носика белая тряпка, поднятая с земли. Собака подходит к Андрейке и отдает находку. Андрейка разворачивает тряпку, и все видят, что это носовой платок.

— Девчачий, — спешит высказать он свое предположение.

— Без тебя вижу, что девчачий, — Ромка расправляет платок на ладони. — Мужчины таких не носят — с кружевным узором по краям и розой в уголке. Объясни лучше, как платок в лес попал? Рядом совершенно свежие следы. Выходит, выростили совсем недавно...

На черноземной, влажной от росы почве четко видны отпечатки туфель. По размеру и по рисунку оттисков каблука туфли, как определил Ромка, принадлежат девчонке в возрасте от одиннадцати до тринадцати лет.

— Все ясно! — говорит Ромка. — Рыжая браконьерша! Я эту пигалицу еще тогда раскусил, когда осетра увидел. Темная личность.

На земле обнаружен новый след — легкие, едва раз-

личимые отпечатки подошв спортивных тапочек. Судя по всему, тапочки, как и туфли, принадлежат девчонке. Носками они обращены в сторону юга.

— У рыжей имеется сообщница. Действуют два браконьера в юбках,— сообщает Ромка.— Они только что прошли здесь. Мы можем их догнать.

— Вперед! — торопит Федя Малявка.— Идем по следу!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«СТРАШНЕЕ ЭКЗАМЕНА НЕ ПРИДУМАЕШЬ»

(Из дневника Юли Зубровой)

«Мы с Леной проснулись с первыми петухами. Прихватили с собой сумку с красным крестом, папку гербария, сачок, морилку для насекомых и побежали к реке. На берегу встретили бородатого рыбака. Попросились к нему в лодку-моторку.

— А гроши есть? — спросил он.

У меня было сорок копеек.

— Воробьиная порция,— сказал рыбак.— Ну да ладно, клади на бочку!

Никакой бочки рядом не было видно. Я подумала, что она прячется под брезентом в лодке. Нагнулась, чтобы заглянуть туда. Старик как закричит:

— Не тронь! Не твоего ума дело. Давай свои гроши и сиди по-хорошему. Не то высажу.

После грозного предупреждения мы сидели как сычи. За всю дорогу слова не произнесли.

У Соколиной горы, где растёт красивая береза, лодка с разлета врезалась в песок. Нас швырнуло и подбросило. Сачок упал за борт.

— Вытряхивайтесь ко всем бабочкам,— сказал бородач.— Меня рыба ждёт...

Ну и рыбак! Говорить ему спасибо расхотелось.

Мы молчком прыгнули на берег. Поймали в воде сачок и пошли в лес. Деревья еще только-только пробуждались. Листья возились и что-то бормотали споронок. Потом застрекотали сороки. Утро сразу повеселело: зазвенело и защебетало.

Вскоре мы увидели мальчишек из нашего звена. Они ходили вокруг березы и махали руками.

Мы забрались на ближайшее дерево и стали наблюдать. Едва сдерживали смех, видя, как мальчишки ищут юг — то с одной стороны березы, то с другой. Горе-следопыты!

Но смеяться долго нам не пришлось. Совсем рядом залаял Носик. Пес потрогал лапой муравейник под деревом и посмотрел вверх. Мы — ни живые ни мертвые. Лена в ужасе пискнула и чуть не грохнулась на землю. Носик зарычал на нее. У меня онемели ноги и сердце упало в самые пятки.

— Сейчас нас схватят, — сказала Лена.

Тут подбежал Андрейка, закричал «ура!». Но вовсе не потому, что увидел нас. Его обрадовал муравейник. Чтобы пес не смотрел вверх, Андрейка начал тыкать собаку носом прямо в муравьев. Носик взвизгнул от боли, поджал хвост и бросился наутек. Мы были спасены!

Потом мы слышали, как Федя Малявка, выпятив грудь, во весь голос читал записку. Мальчишки нашли ее в консервной банке под березой. Это был боевой приказ — двигаться на юг к избушке лесника.

Мы решили опередить мальчишек. Спрыгнули с дерева и пошли на юг.

У нас с Леной в санитарной сумке помимо бинтов и лекарств всегда хранится коробочка с порошком для уничтожения вредных насекомых и личинок. Когда мы бродили по лесу, то опустошили коробку до дна — по-

сыпали ядовитой белой пылью щели в коре сосен и берез, если замечали там яички бабочек. Представляю, сколько вредителей уничтожили! Мальчишки, правда, нашу работу считают пустячной, смеются над нами. Ну и пусть! Выслеживать браконьеров, готовить себя в разведчики — это, конечно, потруднее, чем выслеживать насекомых-вредителей. Но ведь и наше дело полезное и имеет, как писала школьная стенгазета, «народнохозяйственное значение». Мы с Леной вспомнили в лесу про эту заметку в газете, и нам стало безразлич-

но, что думают о нас мальчишки. Мы даже запели песню. И тут услышали в кустах голоса.

— Они здесь! Слышите — поют? Давайте окружим и разгромим! — Это Ромка.

— Чур, не убивать! Возьмем браконьеров живьем, — это Федя.

— Пусть только посмеют пикнуть! Привяжем к дереву и заткнем рот платком с розочкой, — это Слава.

— Не убегут! Носик не пустит, — это Андрейка.

«Гав, гав!» — это Носик.

Нас окружили. Бежать некуда. Грозный Федя Малавка наставил на нас палку:

— Руки вверх!

— Бросай оружие! — Ромка отобрал у нас сачок, гербарии и санитарную сумку.

— Становись к дереву, — сказал Слава Кубышкин. — Будем затыкать рот.

— Носик, караул пленных, — позвал собаку Андрейка. — Если побегут, хватай за ноги. Законно!

Такого страху нагнали, что в первую минуту мы слова не могли выговорить.

В нормальное состояние нас привел милый Носик. Он не послушался Андрейку. Запрыгал перед нами на задних лапах и даже полез целоваться. Видимо, вспомнил, как мы кормили его колбасой из школьного буфета, когда он был еще кутенком.

— Фу! Продался! — ругался Андрейка. — С браконьерами лижешься!

— Какие же мы браконьеры! — сказала я.

— Назовите пароль.

— Стройхоз, — сказала Лена.

— Сто коз, — сказала я.

— «Сто коз» — курам на смех! — захохотал Ромка. — Это же вражеский пароль. Пленных надо допросить... Вопрос первый: где вы берете толовые шашки?

— В пионерской комнате,— сказала я.

— Мы давно вернули шашки,— сказала Лена.— Вот уже целый месяц не играем. К тому же шашки эти вовсе не толовые, а деревянные.

— Ясно. Второй вопрос: чем же вы тогда глушите запретную рыбу?

Я обозлилась на Ромку:

— Ложками! Из тарелок!

— Попрошу отвечать без шуточек. Тут вам не обезьяний цирк! Вопрос третий: чей это носовой платок?.. А-а-а, Юлька, узнала?! Признавайся—кто вам сообщил про наш секретный маршрут?

Нам ничего не оставалось, как рассказать мальчишкам о подслушанном вчера разговоре.

— Вечно суют свой девчачий нос не в свои дела,— сказал Ромка.

— За такое вредительство — к стенке! — сказал Слава Кубышкин.

— Они ни в чем не виноваты. Мы сами ушами прохлопали,— сказал Федя.— Собрали тайный совет, называется! Хорошо, что только они нас подслушали, а не какой-нибудь враг. Пусть с нами шагают.

— Устроим пленникам экзамен по военному делу,— сказал Ромка.— Выдержат — возьмем с собой.

— Пусть по-пластунски взберутся на дерево,— сказал Андрейка.

— Мы уже взбирались,— сказала Лена.— На осине сидели, когда ты собаку в муравейник носом тыкал. А нас не заметил.

Андрейка покраснел до самых ушей.

— Было такое? — спросил Федя.— Молчишь? Понятно. Значит, лазить могут. А за маскировку ставим им пятерку.

— Нужно еще испытать на смелость,— сказал Слава.— Они же трусики!

Тут, как нарочно, из травы выпрыгнула жаба. Противная такая. Она смотрела на нас круглыми глазами. Ее подбородок пузырился.

— Вот! — сказал Слава. — Пусть возьмут в руки пучеглазую жабу. Тогда поверю, что не трусихи.

Страшнее экзамена не придумаешь!

Я набралась храбрости и схватила жабу обеими руками. Ладони почувствовали неприятный холодок скользкой бугристой кожи. Бр-р-р... Вытянув руки, я держала жабу подальше от лица.

Всем стало ясно, что мы не трусихи.

Нас больше не испытывали.

Федя Малявка разрешил мне и Лене присоединиться к звену. Нам завязали глаза, чтобы мы, как объяснил Ромка, не разглядели секретный маршрут звена.

Каждый из мальчишек пожертвовал на повязки свой носовой платок.

Ромка вел нас за руки, и мы спотыкались, как слепые, о каждую кочку, о каждый пенек. Один раз я даже упала и клюнула носом в Ромкин ботинок. Ромка остановился:

— Привал! Пленные валятся с ног от усталости.

Ребята о чем-то пошушукались и смолкли. Нам с завязанными глазами не видно, что делают мальчишки, но слышно, о чем они говорят.

— Товарищ командир! Товарищ Малявка! Смотри — противотанковая пушка! Откуда она здесь?.. — это воскликнул Ромка.

— Ты направо взгляни, — перебил его Федин голос. — Видишь, баллистическая ракета? Блестит как зеркало. Нацелена в самое солнце. Понимаешь? Сейчас взлетит...

И снова голос Ромки:

— Разрешите, товарищ командир, товарищ Малявка, пойти в разведку и все разузнать?

— Разрешаю. Поговори с ракетчиками. Пленных передай в руки рядового Кубышкина.

— Есть передать в руки рядового Кубышкина!

Нам до слез обидно: рядом баллистическая ракета, а мы не видим. Я попыталась было приоткрыть повязку, но Слава Кубышкин ударил меня по рукам.

— Жестокие люди! — сказала я. — Кровопийцы!

— Не волнуйся, — сказала Лена. — Они нас разыгрывают. Никакой ракеты нет!

— Правильно, — поддержал Федя, — никакой ракеты нет. Пленным этого знать не полагается. Понятно?

— Зачем же нас ракетой дразните?

— Дразнить, Юля, можно, а показывать нельзя. Конструкция секретная.

Я была склонна больше верить Лене, чем мальчишкам, но тут услышала неподалеку незнакомый голос,

приглушенный и гнусавый. Ромка задавал вопросы, а гнусавый отвечал.

— Мы — следопыты, браконьера ищем, — сказал Ромка. — Нас направил в разведку капитан Шубин. Разрешите присутствовать при запуске ракеты?

Гнусавый возразил:

— Не могу, товарищ пионер. Среди вас есть подозрительные элементы с завязанными глазами. Их присутствие нежелательно.

— Тогда, товарищ командующий, позвольте пальнуть из пушки. А? Мы только разок.

— Нет, нет. И не просите. Не могу при посторонних...

— Эх, навязались эти противные девчонки на нашу голову! Как без них было хорошо!

— Вполне возможно. Сочувствую. Но помочь не могу. Мы сейчас будем наводить ракету. Просим удалиться...

Послышался топот ног, и Ромкин голос затараторил над самым моим ухом:

— Слышала, о чем я беседовал с командующим?.. То-то! Из-за вас, девчонок, нас к ракете не подпустили, будь вы неладны! — Ромка дернул меня за руку и потащил за собой.

Под ногами зачавкала, заскользила земля.

— Перед нами водный рубеж,— сказал Федя.— Канаву обходить не будем. Понятно? Преодолеем преграду прыжком. Кто первый?

— У-ух! Глубоко. Мне не перепрыгнуть. Пусть Андрейка первый. У него собака и длинные ноги,— это говорил Слава Кубышкин.

Андрейкин голос отвечал ему:

— Я сухой, а ты штанину уже замочил. Тебе все равно.

— Ах так! — Шумно всплеснулась вода.— Ну вот теперь и ты, Андрейка, мокрый. Лезь первым!

— Ты что — брызгаться? Да я тебе... С макушкой уйдешь под воду!

— Нос не дорос, чтобы с макушкой.

— У самого не дорос, толстый слабак.

— Сам слабак — съел собак.

— Пикни еще разок — получишь щелчок.
— А ты словишь сразу два — вспухнет голова!
Спорщиков остановил Ромкин голос:
— Оставайтесь оба на берегу. Я прыгаю... Раз, два, три. Го-оп-ля!.. Есть! Кто следующий?!

Следом за Ромкой прыгал еще кто-то.
— И вы прыгайте! — донесся издали Федин голос.
— С закрытыми глазами? — спросила я. — Мы же утонем...

— Ну ладно... Развязывайте. Разрешаю.
Мы сбросили повязки и чуть не ослепли от солнца. Глазам, отвыкшим от света, оно показалось необыкновенно ярким.

Слава Кубышкин был недоволен:
— Зря пленным глаза развязали. Они же нашего пароля «Стрекоза» не знают...

Все набросились на Кубышкина.
— Зачем назвал «Стрекозу»? Наш пароль выдаешь? Кто тебя за язык тянул раньше времени? — негодовал Ромка.

— Болтун опаснее врага, — Федя Малявка строго взглянул на рядового Кубышкина. — Где твоя военная бдительность?!

Федя сказал, что раз мы узнали пароль, то можем считать себя полноправными разведчиками.

Нас тут же зачислили на полное походное довольствие звена».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВРАЖЬЕ ЛОГОВО

Приближалось обеденное время, и Федя Малявка отдал команду:

— Начхоз Кубышкин, доставай продовольствие!
— Что ты говоришь?

— Вот глухой! Бери, говорю, продукты и садись с нами обедать.

— Обедать? Так бы сразу и сказал... Я мигом!

Слава долго возился с продуктовой сумкой. То связывал ее, то снова развязывал. Голодные мальчишки торопили Славу. И он наконец выложил на траву консервные банки, кулек с печеньем, огурцы, яйца, полкруга колбасы...

— Почему половинка? — спросил Андрейка. — Я же покупал полную колбасу!

— А хлеб где? — спросил Федя. — Там же целая буханка...

— И моего сыра нет, — сказал Ромка.

Слава Кубышкин был невозмутим:

— Что ж вы думали — я всю дорогу должен тащить такую тяжесть?

— Неужели выбросил? — поразился Андрейка.

— Вот еще, нашли дурачка!..

И тут все поняли, куда делось остальное продовольствие.

— То-то он все время в кусты прятался! Мою колбасу ел, — сказал Андрейка.

— И мой голландский сыр, — сказал Ромка.

— И наш общий хлеб, — сказал Федя. — Вот тебе и начхоз! Пустили козла в огород... Предлагаю отстранить Кубышкина от продуктового хозяйства и не давать ему обеда. Кто «за»?

Следопыты дружно проголосовали «за».

Слава встал, пнул свою пустую сумку ботинком и похлопал себя по отдутому карману:

— Нашли дурачка! У меня своя провизия имеется. Колбаса! Ну что — проглотили? — И юркнул в кусты.

Пообедав, звено разбрелось по лесу. И тут послышался громкий голос Андрейки:

— Ромка! Зачем бросил вещественную улику?

Ромка выскочил из кустов, спросил недоуменно:

— Какую такую улику? Не выдумывай! Все вещи у меня вот где хранятся,— и он похлопал по рюкзаку.— Надежнее, чем наши табели в учительской! Будь спокоен.

— А это что? — Андрейка показал какой-то предмет, зажатый в ладони.— Твой поплавок! В траве нашел...

— Не может быть! — встревоженный Ромка полез в рюкзак и вынул поплавок — точно такой, как у Андрейки.— Это мой. А это чей? Подозрительно. От одной сети. Яснее ясного — поплавок браконьерский! Значит, он где-то тут проходил... Заставляй Носика землю нюхать. Немедленно!

Андрейка сунул под нос собаке найденный поплавок и приказал:

— Ищи!

Носик замахал хвостом и побежал. Вскоре из зарослей донеслось грозное рычание. Собака совала нос в ветки сушняка, сваленные под дубом, и рыла лапами землю. Вид у пса был возбужденный, и Юля сразу сообщила — унюхал что-то очень важное:

— Федя! Ромка! Скорее сюда!

После раскопок, произведенных Носиком, из-под листьев и травы показался деревянный настил. Доски были плотно подогнаны одна к другой и скреплены двумя поперечными планками.

— Это крышка от погребя,— сказал Ромка.— Под ней должна быть яма.

До чего ж проникательный человек этот Ромка! Сквозь землю видит. Юля с Леной приподняли крышку, и под ней действительно оказался погреб. Черная пасть его дохнула на ребят застоявшимся рыбьим запахом, сыростью.

— Обследуем,— сказал Ромка.— Раскроем тайну лесного погребя.

Яма была обложена изнутри камнем. Вниз вели узкие кирпичные ступеньки. Солнечные лучи едва достигали дна погреба, и там скопился густой, удушливый мрак.

Никакой рыбы Ромка там не нашел. Но стоило притронуться к стене или к любой вещи, которые хранились в тайнике,—сетям и канату, сваленным в углу, прокопченному ведерку, брезентовому рюкзаку—к пальцам приставали серебристые, совсем еще свежие чешуйки.

— Улик и без рыбы больше, чем достаточно,—Ромка потирал ладони.—Мы его, голубчика, теперь без лишних разговоров разоблачим.

— Кого «его»? —спросил Андрейка.— Это еще установить надо. Вот если бы он свой портрет к стенке приклеил или паспорт оставил...

— Ишь чего захотел! Может, тебе на блюдечке браконьера преподнести? Тогда нам, следопытам, здесь и делать нечего. Предлагаю браконьерские вещи забрать с собой. По сетям, ножу и рюкзаку установим личность преступника. Покажем рыбакам. Они сразу узнают!

— Отпереться может. Скажет: «Не мое!» И баста! —возразил Андрейка.— Законно!

— У нас во дворе валяется точно такое ведро,—вспомнил Федя.— Что же, по-твоему, Ромка, получается—я браконьер?... Нет, так не пойдет! Оставим здесь все, как было. Сами спрячемся в кусты и будем ждать преступника.

— Ха! Его можно до самой ночи прождать, а то и целый месяц. А нам приказано быть в лесничьей избушке. Военное задание!

— Ты прав, всем оставаться нельзя. А двоим можно. Кто согласен? Два шага вперед! —распорядился Федя. Первым шагнул Ромка, за ним Андрейка, потом и остальные встали рядом с ними.

— Узнаю отважных следопытов! — торжествовал Федя. — Каждый готов к любому заданию. Но часовыми будут только двое. Кого назначим? Разыграем жребий, чтобы обид не было... Андрейка, тащи сюда шесть еловых шишек!

Федя снял с головы кепку и бросил в нее шишки, принесенные Андрейкой. На двух из них он надломил кончики.

— Кому они достанутся, тот и часовой!

Он поднял кепку с шишками над головой:

— Хватайте!.. Чур, каждый по одной!

Надломанные шишки достались Андрейке Полдни-ку и Юле Зубровой. Ромка заявил:

— Я тоже останусь! Без меня им не справиться.

Федя засмеялся:

— Не ту шишку вытащил! Правда, у тебя есть еще одна. На лбу. Но она не в счет.

На прощание Федя сказал дозорным:

— Замаскируйтесь как следует и следите в оба! В столкновение с противником не вступать. Нас ждите. Будьте ниже травы, тише воды! — И, обращаясь ко всему отряду, добавил: — Поможем часовым укрыть логово врага. Пусть все будет, как было!

Мальчишки накрыли воровскую яму досками, замаскировали травой и листьями, а сверху положили вязанку сушняка. Браконьеру не догадаться, что кто-то лазил в его тайник.

Носик, правда, не понял следопытской хитрости и несколько раз пытался лапами разгрести все, что они насыпали. Стоило больших трудов оттащить собаку от ямы.

— Всем рассыпаться цепочкой, — распорядился Федя. — Ищем избушку лесника. Кто первый заметит — подаст условный сигнал. Три раза — «ку-ку, ку-ку, ку-ку». Понятно?

РЫБА ПРОСИТСЯ НА СКОВОРОДКУ

Высадив Юлю и Лену на берег, Пахомыч круто свернул лодку к темнеющему на стрежне бревенчатому каравану. «Большегрузный идет, Евстигней должен быть там,— подумал он о своем рябом друге-сплавщике, вместе с которым зимой тайком промышлял охотничьей двустволкой в госзаповеднике.— Сбагрю ему икру. У Евстигнея дорога длинная. Продаст. Парень он хваткий. Да и икра моя не бросовая. Осетровая! На нее любой клюнет... Только бы чужой глаз не засек. Шныряют тут всякие инспекторишки...»

Старик вслушивался в торопливый говор мотора, и мысли его, словно испуганные рыбешки, всплескивались в сознании, рождая круги беспокойных, тягучих раздумий.

Разбередил ему душу ночной случай, когда он чуть было не угодил в лапы рыбьего законника. Сколько добра было оставлено тогда реке! После глухого подводного взрыва белобрюхая рыба, всплыв на поверхность, оцепила лодку со всех сторон. Казалось, сачком ее до утра не вычерпать. Но в ночи послышался встревоженный рокот. Он все ближе и ближе. Кто-то спешил на взрыв. Пахомыч бросил сачок в лодку: тут не до жиру, быть бы живу! Замешкайся он хотя бы на минутку, не успеет вовремя завести мотор — считай, пропало! На базар с рыбой он после этого не поехал. Мало ли там всякого подозрительного люда у прилавков отирается! Нарвешься, чего доброго, на контролера — учинит допрос, прижмет к стенке, не отвертишься. Уговаривал внучку свою, Анютку, отнести осетра одному давнему покупателю. Но на дороге Анютку подкараулил какой-то сумасшедший мальчишка и чуть было не

уволок ее вместе с осетром в милицию. Ведерко с икрой Пахомыч забрал из тайника с собой, прикрыв ее в целях конспирации пучками зеленого лука, а рыбу продал какому-то шоферу. Тот заплатил за осетров и стерлядь солидную сумму денег. И вот теперь чуть свет Пахомыч снова отчалил от берега.

Лодка шла ровно, отгоняя от бортов легкие вспененные волны. Они отбегали одна за другой, постепенно набирая силу и высоту. Солнце окончательно выбралось из-за дымчатого покрова, заставшего горизонт, даль впереди прояснилась, раздалась вширь, и Пахомыч вдруг почувствовал душевное облегчение, приободрился. А чего, собственно, ему бояться? Опасность, можно сказать, миновала. Попробуй докажи, кто глушил и ко-

лол острой рыбу? На реке отпечатки следов не остаются.

Темная бревенчатая громада, которая только что разрозненными лентами прошла под мостом, снова сомкнулась и широченным павлиньим хвостом поползла за буксиром. Слышно было, как плещется, ударяясь о бревна, вода, как поскрипывают, пытаясь освободиться от проволочных пут, плоты, как натужно пыхтит взваливший на себя непосильную ношу работяга-плотовод.

Моторка была в нескольких метрах от плота, когда Пахомыч различил среди девушек-сплавщиц приземистую фигуру своего приятеля. Евстигней стоял на бревнах, широко расставив ноги, и смотрел из-под ла-

дони на реку. Ворот его косоворотки был распахнут, ветер трепал бахромку шнурочного пояса, а утреннее солнце отсвечивалось, как в зеркале, на его гладкой лысине. Приметив Пахомыча, Евстигней обрадованно замахал руками, выбежал на край плота и, встречая моторку, которая мягко торкнулась носом о бревно, ухватился за цепь, потянул к себе, привязал к тросу.

— Во встреча! А я-то, грешным делом, подумал— разминемся,— басил рябой Евстигней, налегая на букву «о». — Чо замешкался? Слазь к нашему шалашу.

Пахомыч косо взглянул на полнолицых девушек, толпившихся возле бревенчатой избушки на плоту:

— Наше дело обоюдно секретное. Без посторонних оно вернее.

— Опасливый ты чо-то стал, Пахомыч. Глупых девчат пугаешься.

— Осторожного сам бог бережет.

— Несладкая, погляжу, жизнь у тебя, Пахомыч.

— Да уж где там!..

— Самая пора за встречу чокнуться.

Евстигней достал из карманов бутылку водки, два граненых стакана и примостился на корме возле Пахомыча:

— Чую — дело какое-то для меня припасено. Выкладывай, Пахомыч!

— Дело нехитрое. Сам бы исполнил его, да не резон мне сейчас торговлей в поселке заниматься. На подозрении я. Сплавить вот это где-нибудь на стороне? — Пахомыч порылся в рундуке и достал ведерко, из которого во все стороны топорщились зеленые стрелы лука.

— Огород завел? Луку нынче грошовая цена,— удивился рябой Евстигней.

Пахомыч раздвинул ладонью зелень в ведре, и наружу выступили белесые икринки. Они хрустально просвечивались, искрились под солнцем.

— Во жизнь! Деньгой пахнет.

— Внакладе не оставляю. Ты только загони поаккуртнее.

— Будет исполнено. Чо мне — впервой, чо ли?

Сидя в лодке, они толковали об опасном своем ремесле, почем зря клеймили въедливых инспекторов рыбнадзора, вспоминали озорное, шумливое время, когда вместе по лесам да рекам браконьерствовали. Бутылка незаметно опустела, и Евстигней с ловкостью циркача — так, что она трижды перевернулась в воздухе, — бросил ее за борт.

— Передай привет судакам от нас с Пахомычем! Чо он, чо я — оба мы не прочь с судаками дружбу иметь.

— Ну, мне пора, — поднялся Пахомыч. — Думаю у Соколиной горы пошарить. Тамошняя рыба давно ко мне на сковородку просится... А ты ведро-то упрячь подальше. И этим, девочкам, ни гу-гу. Упекут, паршивки...

— Будет исполнено! Прощай, Пахомыч.

Евстигней спрыгнул на плот. Моторка, покачиваясь на волнах, медленно поползла назад. Потом, весело чихнув, забубнил двигатель. Моторка рванулась вперед, легким прыжком подмяла под себя волну, на полной скорости пронеслась мимо Евстигнея, потревожив бревно под его ногами, и скрылась в отдалении.

Пахомыч был уже далеко, когда на плот пожаловал неожиданный гость — Константин Иванович Шубин. Сойдя с катера, он уверенной капитанской походкой зашагал по бревнам к будке сплавщиков, где в это время рябой Евстигней прятал в свой сундучок ведро с икрой.

«КУКУШКИ» ПРИБЫЛИ С ДОНЕСЕНИЕМ

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку»,— доносится справа.

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку»,— доносится слева.

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку»,— доносится сверху.

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку»,— доносится снизу.

Шубин прислушивается: «Странные кукушки! Не только в кустах да на деревьях, но и в бурьянном овраге кукуют. Целый хор!»

Кукушки не унимаются—переговариваются, бродят вокруг да около, а носа не кажут. Видимо, ведут наблюдение.

Константин Иванович спускается с крыльца, кричит в лес:

— Хватит играть в прятки! Юные разведчики, ко мне!

Из кустов один за другим выбегают ребята.

Федя Малявка в струнку вытягивается перед капитаном и отдает честь:

— Пионерские разведчики явились по вашему приказанию. Задание выполнено. Обнаружен тайный склад браконьера. В этой операции особенно отличилась наша собака—следопыт Носик. Составлен маршрут поисков неприятеля,—Федя отнимает у Ромки тетрадь и передает ее капитану.—Ждем дальнейших приказаний.

— Благодарю за службу, юные разведчики!—говорит Шубин и отдает команду:—Вольно! Объявляю десятиминутный перекур.

— Мы же некурящие,—говорит Федя.

— Вот голова!—хлопает себя по затылку капитан.—Хотел сказать «привал», а сказал—«перекур».

Заняв удобные позиции на ступеньках крыльца, ребята рассказывают ему о тайнике браконьера.

— Выходит, это он торговал икрой и глушил рыбу на реке...

— Конечно, он! — заверяет Ромка и вытаскивает из рюкзака два поплавка. — Второй возле погребца нашли. Смотрите, точно такой же...

— Сомнений быть не может. Веская улика!

Константин Иванович раскрывает следопытскую тетрадь с показаниями разведки и внимательно изучает карту, которую Ромка чертил во время похода.

— Узнаю знакомые места. Натурально изобразил!

Карта густо усыпана условными знаками. Ромка разъясняет, что к чему.

— Что же ты баллистическую ракету не изобразил? — спрашивает Лена Портнова и указывает на крестик, обозначающий место лесного привала следопытов. — Она должна быть вот здесь...

Ромке смешно. Он пренебрежительно смотрит на Лену и говорит Шубину:

— Вы ее не слушайте, товарищ капитан. Она за чистую монету приняла обман. Я один разговаривал на два голоса, а ей показалось, что рядом со мной стоит командир баллистической ракеты. Военная хитрость.

Капитану по душе Ромкина находчивость. Он одобрительно улыбается и, кивнув на Лену, говорит:

— Вашего полку, гляжу, прибыло. Следопытш на моем корабле, помнится, не было.

— Мы ее в плен захватили, — объяснил Федя. — Она вместе с Юлей Зубровой за нами слежку вела. Ну и попалась.

— Лену в плен взяли, а ее подруги что-то не вижу. Сбежала?

— От нас не убежишь! Мы Юльку с Андрейкой оставили в засаде. Они караулят вражеское логово.

— Как оставили? — забеспокоился Шубин. — Я же приказал всем вместе явиться! А вы бросили товарищей. Одних, в лесу! Да кто же вам позволил?.. Не будем терять времени даром. Сейчас же идем к ним!

Капитан Шубин повел отряд в лес.

Часовых на месте не оказалось. Но на суку дуба, над браконьерской ямой, Ромка увидел тетрадный листок. Он осторожно снял его и показал Шубину. На листке было написано:

Спешу Андрейке на помощь. Ищите нас на берегу, около протоки. Не беспокойтесь. Все в порядке. Юля.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«ТИШЕ ВОДЫ, НИЖЕ ТРАВЫ»

(Из дневника Юли Зубровой)

«Передо мной лежит на траве раскрытый дневник. Здесь, под дубом, так тихо, что даже немножко боязно. Ни одной живой души. Только я и лес. А в лесу, наверное, волки. Жуть...

С ветки по паутинке прямо на тетрадку опускается черный паук. Я чуть не взвизгнула. Но паук, должно быть, испугался меня еще больше, потому что сразу же задергал лапами и пополз обратно на дерево.

Теперь не так страшно. Могу писать дальше.

Жаль, что Андрейки с Носиком нет рядом. Они ушли ловить браконьера, и я одна здесь должна караулить пустой погреб. Они бы, конечно, не ушли, если бы не эта рыжая...

Не буду забегать вперед и опишу все по порядку.

Федя Малявка приказал нам вести себя в секрете тише воды, ниже травы. Мы притаились в кустах.

А вот Носику не сиделось спокойно. Услышит шорох и вскакивает, оскалив зубы. Андрейка изо всех сил удерживал собаку за ошейник, не отпуская от себя. Носик рычал на Андрейку, Андрейка — на Носика. Какое там «тише воды, ниже травы»!

Мы совсем перестали обращать внимание на Носика. Но однажды он с такой силой рванулся вперед, что Андрейка, держась за ошейник, пополз за собакой по земле. В просветах между деревьями промелькнуло что-то белое и черное. Потом я разглядела рыжую девочку в белой кофточке и черной юбке. Она подбежала к дубу, под которым укрывался браконьерский тайник, и остановилась. Пугливо огляделась вокруг и, не заметив нас, опустила на колени и стала разгребать листья под дубом. Руками она работала торопливо, как Носик лапами. Когда площадка под дубом была очищена от мусора, девочка подняла крышку погреба и поворотно прыгнула вниз.

— Чего ей там надо? — тихо спросила я у Андрейки.

— Тс-с-с. Будем вести наблюдение.

Нетерпеливый Носик порывался вырваться из Андрейкиных рук. Андрейка грозно шикал на него и закрывал собаку лапой, чтобы Носик своим рычанием не выдал нас.

— Вчера Ромка встретил эту рыжую на улице, — сказал мне Андрейка. — Она несла осетра...

Девочка выбралась из подземелья, стала отряхивать подол юбки. У ее ног валялось ведро, вынутое из тайника.

— Так вот зачем она прибежала, — шепнул мне Андрейка. — Кто-то послал ее за ведром для рыбы. Законно.

Он выпустил Носика и сам поднялся. Мы двинулись навстречу рыжей. И тут она вдруг как сиганет в ку-

сты! Но от Носика разве убежишь! Он ухватил зубами юбку и потянул рыжую к нам.

Андрейка стал в грозную позу, сдвинул кепку на лоб и учинил строгий допрос. Спрашивал, чей это погреб, зачем ей ведро и куда рыжая собиралась бежать от нас.

— Вот еще! — отвечала она. — Ты кто — милиционер, чтобы меня допрашивать? — Потом как разревется: — У-у-у, разве это жизнь!.. Всех бойся, перед каждым дрожи. Совсем затравили... Хоть людям на глаза не показывайся... А все из-за него! Из-за него, жадины! У-у-у...

Всхлипывая, она страшно проклинала какого-то человека, который то и дело посылает ее таскать на базар и к знакомым людям запретную рыбу, сам всех обманывает и ее превратил в жалкую лгунишку...

— Где он сейчас, этот жмот? — спросил Андрейка.

— В протоке у Соколиной горы. Меня сюда за ведерком послал.

— Веди нас к нему!

— Что ты! Что ты! — замахала руками рыжая. — Не пойду я к нему больше! Я лучше домой побегу.

— Не врешь, что он в протоке?

— Вот еще! Стану я врать...

— Отпустим? — обратился Андрейка ко мне.

Я сказала, что надо отпустить.

Андрейка сказал, что он с Носиком немедленно должен идти к реке вести наблюдение за браконьером. Мне же наказал по-прежнему сидеть в засаде у погребка.

— Что бы ни случилось, — добавил он, — отсюда ни на шаг! Такое будет тебе, Юля, боевое задание.

И вот я одна. Боязно. Так и кажется, что кто-то из-за дерева подглядывает. Птица прошуршала в кустах, а я ее за браконьера приняла...

Хорошо, что я дневник с собой прихватила. Пишу все, что на ум взбредет. Это немного успокаивает, отвлекает от лесных страхов.

Только что перечитала в дневнике страницы, которые сама исписала. Там есть слова о наших мальчишках. Странное дело — еще только вчера я думала о них одно, а вот сейчас хочется написать о них совсем другое. Вот взять, например, того же Андрейку...

Нет, видимо, о мальчишках я напишу когда-нибудь потом, когда время будет. Сейчас не до этого — откуда ни возьмись появился Носик. Без Андрейки.

Я жутко перепугалась — Носик никогда прежде не покидал своего хозяина.

Пес скулит, суетится, юлит хвостом, царапает ошейником мою ногу. Что-то хочет сказать, а не может. И тут я нахожу в ошейнике записку:

Юля! Засек браконьера. Ни на секунду не выпускаю его из поля зрения. Как только появятся ребята с Шубиным, галопом мчитесь ко мне. Носик укажет дорогу. Буду держаться до последнего. Андрей Полдник.

Что значит — «держаться до последнего»? Наверное, назревает что-то ужасное...

Где же мальчишки? Почему их нет так долго?

Что мне делать? Я сойду с ума от отчаяния. На сердце так тревожно, что, кажется, это от его стука вздрагивают листья на деревьях...

Уже темнеет. Не могу больше ждать. Напишу мальчишкам записку и приколю к дубу над погребом. Пусть они ищут нас возле протоки у Соколиной горы...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

БОРОДАТЫЙ ПЕРЕЖИТОК

На реке было совсем тихо. От воды, как от парного молока, стелился по берегу сладковатый дымок, в котором перемешались запахи рыбы и тины, листьев и трав. За темнеющими зарослями осоки бурлила, зажатая берегом и каменной грядой, бойкая протока. В камышах, рассекая крылом воздух, прошуршала утка, жалобно простонала над водой чайка, квакнула лягушка. И снова тишина. Лишь комары надоедливо попискивали над ухом.

Вдруг в камышах — тру-ту-ту — что-то затарахтело. «Не иначе — лодка...» — определил Андрейка.

Теперь он отчетливо различал силуэт лодки. Выйдя из зарослей, она прошуршала днищем о песок и остановилась.

— Опять двадцать пять! Вот зараза...

Человек, сидевший в лодке, встал, спустил за борт длинный шест, ухватился за него обеими руками. Натужно изогнул спину. Картуз наполоз козырьком на самые глаза. Лица не разглядишь. Видна лишь фигура — кражистая, широкоплечая.

Но вот лодка несколько подалась вперед. Человек поднял голову. Лицо мясистое, крючконосое, со взлохмаченной черной бородой.

«Вернулся все-таки,— обрадовался Андрейка.— Законно!»

Лодка вошла в протоку. Бородач склонился над кормой. Что-то дробно застучало у него под ногами. Словно камушки рассыпались по днищу.

«Грузила,— определил Андрейка.— Сейчас сеть будет выбрасывать...»

И точно — за борт шлепнулось что-то тяжелое. Всплеснулась, рассыпав брызги, вода. Новый всплеск. Потом еще и еще. Лодка тихо двигалась, оставляя позади себя прямую линию поплавок.

«Знает ведь — сетью рыбачить запрещено,— подумал Андрейка.— А он — у-у, бородатый пережиток! — опять за свое...»

Раскинув сеть поперек протоки, рыбак проверил, хорошо ли она стоит, и снова завел мотор. Лодка скрылась из виду. Андрейка не побежал за ней. Зачем пугать браконьера без толку? Он еще вернется за снастью...

«А что, если вытащить сеть из воды? Сколько рыбешки там зазря погибнет!» — Андрейка проворно сбросил с себя одежду и в одних трусах шагнул в реку.

Зайдя по колено в воду, он судорожно вздрогнул и, ссутулившись, прижал руки к груди. Тело покрылось гусиной кожей.

— Бр-р-р-р, словно в погребке...

Он окунулся. Вода не показалась такой холодной, как вначале. В реке даже теплее, чем на поверхности. Спина и плечи сразу же покрылись мурашками, а ногам — ничего. Тогда он снова погрузился в воду и, приседа, побрел глубже.

Андрейка долго не мог выдернуть длинный кол, за который держалась сеть. Расшатывал его во все стороны, пока шест сам не всплыл на поверхность.

Стал выволакивать сеть из воды. Место здесь неглубокое, и тянуть было сравнительно легко.

В мелких ниточных ячейках трепыхались, серебрясь чешуей, рыбешки. Андрейка осторожно высвобождал их из сети и бросал в реку.

— Плывите,— говорил он им,— да, смотрите, не лезьте больше в браконьерскую сеть. Лучше клюйте на крючок. Это вам разрешается.

С сети обильно стекала вода, и песок под ногами почернел. Кроме рыбы в ячейках запутались ракушки, липучие, скользкие водоросли и черная неуклюжая коряга. Водоросли Андрейка не трогал, а корягу решил отцепить.

— На чужое позарился?.. Вор...

Андрейка вздрогнул и от испуга присел на песок.

В берег со всего разлета ткнулась лодка, и кто-то спрыгнул на песок. Андрейка увидел бородатое лицо. Старик тяжело дышал.

— Поперек дороги вставать?! Жулье голоштанное! А ну геть отселя, сопляк, чтоб и духу твоего здесь не было! Живо!

Они стояли друг против друга — голый, посиневший от холода пионерский следопыт и разъяренный старик с багром в руке.

— Не грози! — Андрейка выпрямился и в упор взглянул бородачу в глаза. — Это ты — жулик. Законно! А я — пионер!

— Ха-ха-ха — «пионер»! Мелюзга бесхвостая — вот ты кто! Пионеры не суют нос в чужую сеть.

От его брезентовой, обшарпанной и продубевшей тужурки несло рыбой. Бородач грубо двинул локтем Андрейку, воткнул багор в песок и нагнулся, чтобы забрать свою запретную снасть.

Андрейка лег на сеть животом.

— У-у-у, какой грозный голыш! Аж сердце екнуло. — Усы рыбака шевельнулись в недоброй ухмылке. Он ткнул в Андрейкин бок тяжелым, с кованой подошвой сапогом. — Да я тебя одним мизинцем, как клопа, придавлю. Цыц отседа!

Андрейка упорствовал, не подчинялся. Старик ухватился за край снасти. Не тут-то было! Цепкие Андрейкины пальцы обрели новую силу. Тогда бородач подsunул руки ему под живот и грубо, как пойманную рыбу, вытряхнул мальчишку на песок. Андрейка полетел кубарем, стукнулся головой о железное грузило, перевернулся на спину, но сеть из рук не выпустил. Весь, словно муха в паутине, запутался в жестких нитках. Они пиявками врезались в тело, связывали руки и ноги, закрывали глаза. Не выбраться!

— Ну что, попался, голубчик?! Струхнул небось! Не будешь воду мутить. Подцеплю, как щуку, закину вместе с сетью в лодку. Вот и весь разговор.

Бородач собрал края сети в кулак и поволок мальчика к лодке.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Совсем рядом Андрейка услышал пронзительный девчачий крик:

— Убивают! Караул! Спасите!

Это Юля Зуброва. А с ней Носик, злющий-презлющий, готовый в любую минуту растерзать Андрейкиного обидчика.

Юля выдернула браконьерский багор из песка, уцепилась за черенок и, как пику, нацелила острие прямо на бородача.

— Только троньте Андрейку...

Пахомыч растерялся, разжал пальцы, озлобленно покосился на сумасшедшую девчонку.

Она стояла перед ним в полный рост, закинув назад голову, и смотрела на браконьера с ненавистью. Худенькие плечи заостренно вздернулись, волосы съехали на лоб, прикрыв левый глаз. Зато правый сиял в сумерках бесстрашием. Багор в руках девчонки дрожал.

— Ты что, очумела? На человека — с багром! — Пахомыч растерянно топтался на месте. — За такие штучки, знаешь ли, в кутузку упекут. Человекоубийство.

— Распутайте Андрейку! — наседала Юля. — А то...

Пахомыч понял — не шутит девчонка. Поморщился, пощипал кончик бороды и вдруг резко рванулся с места, прямо на нее. Выхватил из рук багор. Сильные черствые пальцы старика впились в Юлино плечо, надавили так тяжело, что она не устояла на ногах, плюхнулась рядом с Андрейкой на песок.

— Изничтожу! Сгною, как червей! — Пахомыч махнул багром.

— На помощь! — завопила Юля истеричным голосом, надеясь, что услышат друзья в лесу.

— Не дери глотку попусту. Охрипнешь. Места тут безлюдные. Птицы да зверье. Они лишь в сказках приходят на помощь...

Старик не выпускал багор из рук.

— Ату, Носик, ату его! — крикнул Андрейка.

Пес наострил уши, внюхался в воздух, оцетинился. Сильный, стремительный прыжок. Сгорбленная спина бородача пригнулась еще ниже, голова ушла в плечи. Носик рычал, злобно и яростно рвал зубами брезентовую куртку.

Пахомыч не ожидал такой прыти от Андрейкиной собаки. Он по-бычьему мотнул головой, расправил плечи и, вскочив, могучим рывком сбросил пса на песок. Приседая на задние лапы, собака отпрянула назад, изогнулась к новому прыжку. Глаза по-волчьи сверкнули, налились кровью: «Р-р-р-ры...»

Бросок. Еще бросок... И вот они уже скрутились в один комок — белесая собачья шерсть и серая рыбацкая куртка. Пахомыч извивался, словно уж, двигал багром, отстраняя собаку, пинал ее сапогом. «Р-р-р-ры...» Ост-

рые зубы впились в браконьерскую штанину чуть повыше голенища...

Пахомыч запрыгал на одной ноге:

— Паршивая собака! Да я тебя...

Взметнулся багор.

«Пусть только попробует!» — Андрейка напрягал силы, чтобы разорвать на себе капроновую сеть.

Юля подскочила к Пахомычу, чтобы защитить собаку. До чего ж люто ненавидела она жестокого бородача! Всеми пальцами впилась ему в ненавистную бороду.

— А-а-а! — взревел браконьер и злобно двинул девчонку ногой.

Пнул в грудь с такой силой, что у Юли перехватило дыхание. Красные круги поплыли перед глазами. Обессиленная, она не могла подняться.

Носик, дико зарывчав, ухватил Пахомыча за руку. В ней зажат багор. Старик отбросил собаку далеко в сторону, и Юля увидела, как стальной крюк сверкнул над головой Носика. Еще секунда и...

Юля в ужасе закрыла глаза... Дикий, невыносимый собачий вой резанул по самому сердцу. Юля ткнулась лицом в песок. Еще ничего не видя перед собой, она поняла, что случилось то страшное и непоправимое, чего она больше всего боялась... А рядом, вырвавшись из сети, грудью шел на Пахомыча пионер Андрейка Полдник.

— Прочь! Прибью, как собаку! — Пахомыч махал багром. Черная растрепанная борода шевелилась, как живая.

— Брось багор! Слышишь?! — громкий и властный голос заставил старика обернуться.

За спиной он увидел человека в капитанском кителе.

Пахомыч скривил губы и швырнул багор в протоку.

— Так-то оно лучше,— сказал капитан.

Прибежавшие вместе с Шубиным Федя Малявка, Лена Портнова и Слава Кубышкин стали помогать Юле подняться. А Ромка Мослов всеми силами старался сдерживать Андрейку, который с кулаками шел на Пахомыча.

— Не горячись, Андрейка, не горячись,— успокаивал Ромка.— Я бы и сам... Но нельзя. Бородач теперь в наших руках. За все поплатится!

— Он Носика... Понимаешь?! Вот тут...

Истекающий кровью, с глубокой зияющей раной в черепе, Носик, скрючившись, лежал на песке. Глаза его были открыты и смотрели печально. Но пес уже не дышал.

Андрейка Полдник, побледневший от горя, сидел перед ним на коленях и, ничего не видя перед собой, растерянно водил рукой по мягкой, волнистой шерсти любимой собаки. Худые, обвисшие Андрейкины плечи вздрагивали...

Носика схоронили под елью, неподалеку от речной протоки. Следопыты в немом молчании стояли над могилой Носика, навсегда прощались со своим милым четвероногим другом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПАРОЛЬ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНИЙ

Мальчишки вместе с капитаном Шубиным идут осматривать лодку Пахомыча.

Чего только там не спрятано под брезентом: двустволка, заряженная охотничьей картечью, разные снасти, удочки, спининги, связка веревок и огромный мешок, чем-то набитый по самую завязку.

Ромка развязывает узел, высыпает из мешка не-

сколько рыбин. Они дергают хвостами, раскрывают рты, извиваются, гулким серебром падают вниз, на дно лодки. Огнеперые окуни, щуки с узкими лисьими мордами, лещи, судаки — в этом скользком рыбьем месиве попадаетеся штук десять зубчатоспинных стерлядок.

— Самая запретная рыба! На вес золота ценится. Вот хищник!

Бородач стоит на берегу, опасливо смотрит на Ромку, опустошающего его мешок, и молчит. В стариковских глазах и боль, и страх, и гнев.

Мальчишки укладывают рыбу обратно и завязывают мешок. Пахомыч глухо кашляет и невнятно, с мольбой в голосе просит:

— Весь улов в вашу пользу жертвую... И сеть в придачу. И собаку свою отдам... Позлее Носика... Только отпустите...

— Ага! — торжествует Ромка. — Пощады захотел? Подожди, ты еще не так запляшешь! По всем строгостям закона! И за Носика, и за снасти запретные, и за рыбу...

Чтобы браконьер не давал кулакам волю, следопыты связывают Пахомычу за спиной руки, ведут к березе.

Мальчишки приносят из лесу вязанку сухих веток и разводят костер. Из хвороста вылупляется пламя.

Ребята бросают в костер ветку с пожелтевшими еловыми иглами. Длинный косматый сноп пламени пляшет возле березы. Огненные пылинки, выпорхнув из пепла, суеются вокруг огня.

Уткнувшись бородой в колени, Пахомыч сутуло сидит под деревом. Смотрит на пляску огня в костре, на озабоченного Ромку Мослова, которому поручено сторожить браконьера. Свет костра озаряет сумрачное лицо старика. Оно неподвижно, словно окаменело. Глаза смотрят по-недоброму. Руки, скрученные за спиной,

тянутся к стволу, впиваются ногтями в нежную кору дерева. На бересте остаются липкие отметки-царапины.

Шубин просит ребят пододвинуться поближе к костру и, глянув на ручные часы, говорит:

— Скоро сюда должен приехать Федин папа на катере. А пока обсудим, что нам дальше делать с браконьером...

— Подождите! — вскакивает с места Ромка, подбегает к капитану и предостерегающе шепчет: — Бородач все слышит. Узнает наши тайны...

— Как же быть? — спрашивает Шубин.

— Есть выход, — Ромка оборачивается к девочкам. — Ленка, вата в сумке осталась?

— Палец порезал? Покажи, — просит Лена.

— Цел палец! Мне вата нужна.

Лена подает ему белый сверток:

— Тут все наши запасы.

— На целый полк хватит...

Ромка выдергивает из свертка два клона ваты и подходит к Пахомычу. Снимает с него картуз. Не понимая, что с ним собираются делать, браконьер сердито мотает головой и дергает связанными руками.

— Потихе. Могу нечаянно голову свернуть не в ту сторону, — Ромка сует ему в уши вату.

— У него разве уши болят? — любопытствует Лена.

— Стал бы я на это вату тратить! — отвечает Ромка. — Много чести!

Плотно заделав ватой оба браконьерских уха, он потирает ладони.

— Теперь я за тайну спокоен. Ни одного слова не расслышит.

Пионеры придвигаются вплотную к Константину Ивановичу. Без лишних разговоров они выносят решение: Пахомычу рук не развязывать; переправить его

вместе с вещественными уликами в контору рыбнадзора.

На реке тарахтит катер.

— Папа едет! Папа едет! — первым замечает его Федя Малявка.

Катер несется стремительно, взяв прямой курс на березку. Вблизи от берега рокот смолкает.

— Следопыты здесь обитают? — весело спрашивает с катера знакомый голос.

— Здесь! Здесь! Здесь! — галдят мальчишки и бегут к реке.

Вместе с ребятами Федин папа подходит к костру, здоровается с Шубиным, с девочками и замечает у березы бородатого человека с завязанными руками, с ватой в ушах.

— А это что за тип?

— Он убийца, — угрюмо поясняет Андрейка. — Моего Носика... багром...

Андрейка отворачивается, не хочет, чтобы видели его слезы. Слышит, как Федин папа тяжело вздыхает:

— Добрый был пес...

Несколько минут длится тягостное безмолвие.

— Вот за этой бородатой личностью я на прошлой неделе на моторке гонялся. А теперь ребята его выследили, — наконец прерывает молчание капитан-наставник. — Он одному никудышному человеку сегодня ведерко икры на плот переправил. Наши сплавщики его засекли. Теперь получит по заслугам...

— У него еще лодка и мешок с рыбой. Вещественные улики, — говорит Ромка.

— Раз такое дело, рыбалку придется отставить, — говорит Федин папа. — На гаке потащим вещественные улики. Катерок в пароходстве мне дали замечательный! Что буксир — любой груз выдержит... Прошу следопытов пожаловать ко мне на борт!

К корме ребята привязывают веревкой браконьерскую лодку, пригнанную из протоки, и усаживают туда связанного Пахомыча, а сами перебираются на катер.

Шубин заводит мотор. Катер, фыркнув, трогается с места, забирая подальше от берега. На буксире он увозит бородатого пленника. Гулкий рокот тревожит тишину, словно над рекой бьется отчаянное сердце: ту-ту, ту-ту...

Катер, задрав нос, несется на полной скорости, вспарывает гладь реки, распугивает серебристую рябь на волнах. Переливчатые блики на воде толкаются, мельтешат — то исчезают, дробясь, то появляются вновь.

— Жаль, уезжаете вы скоро, — говорит Федя Шубину. — А мы осенью собираемся в поход отправиться. Всей школой. В войну играть будем...

— Напиши мне. Обязательно приеду! — отвечает Шубин и, обхватив Федю за плечи, весело смотрит на ребят. — Мы еще встретимся, следопыты! Только пароль не забудьте. Пароль остается прежний! Слышите?

Высокая волна бежит к берегу. Она добирается до угасшего костра возле березы и, лизнув его, уползает обратно, оставляя на желтом песке темный широкий след.

ЧЕЛОВЕК
ВВЕРХ
НОГАМИ

НЕВЕСЕЛЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
ОДНОГО ВЕСЕЛЬЧАКА

ЗАРЯДКА ДЛЯ УМА

Идут ребята в школу и видят — два валенка торчат из снега и дергаются. Раз валенки живые, то и человек, значит, живой. Нужно спасать!

Стали выкапывать несчастного из сугроба. Показались синие брюки. Потом туловище в черном пальто с собачьим воротником, голова в шапке-ушанке, посиневшие от холода руки. В правой зажат портфель, а в левой — какая-то бумажка.

Ребята глянули на стоявшего вверх ногами и ахнули:

— Да это же Влас Маковкин!

Поставили его на ноги, как нормального человека, и стали спрашивать:

— Как ты, Влас, здесь очутился?

— Кто тебя закопал?

Влас дрожал от холода и молчал. Соня Углова высказала предположение:

— Его, наверное, отец наказал. Влас на двойках да тройках катается и девочкам строит рожи.

— Не станет он родного сына живьем в сугроб закапывать, — возразил Глеб Горошин. — Такого не бывает даже в зарубежных фильмах.

Пока школьники строили догадки, Влас стряхивал шапкой снег с пальто и брюк, тер посиневшие щеки и озирался по сторонам. Маленький Тараска Котов сказал, что у Власа, наверное, несчастье и он, нырнув в сугроб, решил сам себя заморозить. При этих словах Маковкин ухмыльнулся и дернул Тараску за нос:

— Больно надо замерзать! Назло девчонкам не умру!

— Кто ж тебя в сугроб толкнул? — спросил Глеб.

— Никто меня не толкал. Я сам провалился.

— Вверх ногами разве проваливаются?

— Я зарядкой занимался.

— Какой такой зарядкой?

— Умственной.

— Вверх ногами?

— Разве не знаешь? Ночью, когда плашмя лежишь, голова лишь наполовину умная. Стоит утром чуть-чуть походить на руках, ум перемещается куда надо. Приходишь в класс с головой, набитой умом.

Соня Углова ехидно заметила:

— Был бы умным, не получал бы двоек по арифметике.

— Оттого и двойки появлялись, — сказал Влас, — что раньше умственной зарядкой не занимался. Сегодня я первый раз. Теперь задачки сами будут решаться.

— Почему же обязательно в снегу торчать?

— Дома, конечно, теплее. Но на полу я сваливаюсь. Перевес на правый бок. А в сугробе со всех сторон поддержка. Стой себе сколько угодно!

— Глупости все это. — Соня Углова не стала дальше слушать, фыркнула и ушла.

Глеб Горошин сдвинул шапку набекрень и задумался:

— В какой-то ученой книжке я читал: голове и вправду полезно иногда побыть внизу.

— Конечно, полезно,— подхватил Тараска, у которого в табеле двоек не меньше, чем у Власа.— Когда в походе ноги устают, что туристы делают? Задирают ноги кверху. Кровь отхлынет, и они — ать, два! — шагают дальше как ни в чем не бывало. То же и с головой. Не может она всю жизнь торчать вверх! И ей передышка нужна.

— Особенно по утрам, когда в школу надо,— уточнил Влас.

В школе перед началом занятий он раскрыл тетрадку по арифметике и попросил ребят отойти, не мешать ему. За какие-нибудь минуты две-три, пока не прозвонил звонок, он решил труднейшую домашнюю задачку. Анастасия Ивановна на уроке похвалила его.

Тараска Котов позеленел от зависти. Вчера он до поздней ночи бился над задачкой и ничего не мог поделать. А Влас одним махом справился. Зарядка, видимо, и впрямь помогает.

Из сугроба на другое утро торчало не два валенка, а четыре.

А через день Соня Углова увидела над снежной горой еще и мохнатые унты Глеба Горошина. После того как Анастасия Ивановна поругала его за ошибки в диктанте, он тоже решил заняться умственными упражнениями.

Зарядка почему-то помогала только Власу — он с необычайной легкостью выполнял в школе домашние задания по арифметике. А вот Тараска Котов после купания в сугробе беспрестанно сморкался и чихал на весь класс. Из его головы вычихивались последние знания. Глеб, правда, не чихал, но отморозил кончик носа и потерял в сугробе пенал. Он тер во время урока распухший нос и больше ничего не мог делать, так как остался без ручки, карандаша и резинки, которые хранились в пенале.

Влас сидел за партой весь какой-то сияющий. У него были красными и щеки, и уши, и нос. Анастасия Ивановна притронулась к его разгоряченному лбу:

— Да ты, Влас, болен. Простыл, должно быть...

— Он в холодном сугробе каждое утро вверх ногами стоит,— подсказал Тараска.

Анастасия Ивановна удивилась и стала допытываться у Власа, почему он так делает. Влас в ответ что-то промямлил. Тогда поднялся Глеб Горошин и рассказал об умственной зарядке.

— Взбредет же в голову!— вздохнула учительница.— Даже первоклассники не поступают так глупо...

— И вовсе я не по глупости,— оскорбился Влас.— И вовсе это не умственная зарядка...

— Сам же говорил,— сказал Тараска.— И нас научил. А теперь отпираешься...

— Мало ли что говорил!..

— Он действительно не виноват,— подтвердил Боря Саблин и опустил голову.— Это все я...

— Не наговаривай на себя лишнего!— выкрикнул Тараска.— Ты с нами в сугроб не лазил.

Боря продолжал твердить свое:

— Моя вина. Признаюсь. Это я из жалости. У Маковкины задачки не получаются. Он говорит: «Помоги, Борька!» И лезет в тетрадь списывать. Я говорю: «Решай сам». А он сам не может. Подарил мне футбольный свисток. Я ему: «Ишь какой хитрый! За один свисток на тебя ишачить. Слишком легко тебе». Он говорит: «Придумай любое наказание». Я ему: «Ладно, так и быть...» Это я из жалости. «Будешь,— говорю,— добывать задачки со дна сугроба. Я утром засуну палкой шпиргалку поглубже в снег, а ты ищи ее». Вот он и искал вверх ногами... Моя вина. Это я погубил его здоровье...

На задней парте громко чихнул Тараска Котов.

КАКОЕ СЕГОДНЯ ЧИСЛО?

В субботу родители, как известно, не работают. А в четвертом «А» в этот день отменили последний урок.

— Ура! — закричал Влас Маковкин и радостно стукнул свою одноклассницу Соню Углову портфелем по затылку.

Эту сцену застала Анастасия Ивановна и очень рассердилась:

— Что за хулиганские выходки! Останешься, Маковкин, после уроков. Нам надо с тобой поговорить...

О чем говорилось в учительской, никто, конечно, не слышал.

Влас вышел из школы бледный и злой. Сам себя бил портфелем и приговаривал:

— Так и надо! Так и надо!

— Самоизбиением занимаешься? — спросил Глеб Горошин.

— Какое сегодня число? — вместо ответа спросил Влас.

— Тринадцатое!

— Я так и знал! — Влас размахнулся и со всей силой саданул себя портфелем по коленке. — Никудышное число! В прошлое тринадцатое три двойки словил и меня оставили после уроков. А сегодня весь день вверх тормашками полетел... Надо из всех численников повидавать цифру тринадцать!

— А что толку! У себя выдержишь, а в учительском календаре останется. Дни друг через дружку не перепрыгивают.

— Спасу нет от тринадцатого числа! Как с ним бороться?

— Попробуй обхитрить...

— Обхитришь его, как же! В каждый численник забралось и людям настроение портит.

— А ты заранее готовься к тринадцатому. Следи в этот день сам за собой на всех уроках и всех переменах... Только вот хватит ли выдержки?

— Хватит, мускулы у меня как сталь. На, пощупай...

И Влас согнул руку в локте. Глеб стал искать пальцами мускулы.

— Никак не нащупаю. Кость чувствую. Она действительно твердая. А мускулов — никаких...

— Они затвердели, от костей не отличишь...

Чтобы не прозевать злополучное число, Влас обвел его в календаре черной рамкой, как траурный день. Каждое утро проверял, скоро ли оно наступит.

Тринадцатое наступило ровно через месяц. Накануне Влас даже на улицу не вышел поиграть с ребятами в хоккей с шайбой. Вместе с Глебом Горошиным они решали домашние задачки с неизвестным уменьшаемым и зубрили стихотворение Пушкина «Зимнее утро».

— Если я завтра что не так начну делать, — сказал Влас, — ты, Глеб, меня за рукав дерни. Или просто шепни: «Тринадцатое». И я сразу одумаюсь.

— Будь бдительным!

В класс Маковкин вошел непривычно тихо, словно на цыпочках. Сел на свою парту и стал ждать звонка, подперев щеку ладонью. Вид как на портрете у писателя Чехова, который, прижав пальцы к уху, послушно висит на стенке. Только у Власа очков и бородки не хватает. И волосы торчат в разные стороны. А так — полное сходство!

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — заметил Женя Карпов и кивнул на портрет над головой. — Как писатель Чехов.

— Отойди. Я тебе такого писателя устрою...

Бдительный Глеб дернул Власа за рукав.

— Да отвязись ты! — отмахнулся Влас.

Бдительный Глеб шепнул:
— Тринадцатое же!
— Разжужжался над ухом! Я тебе не мед, ты
мне — не пчела.

— Ты что — забыл?

— Если бы забыл, Женька лежал бы на лопатках. А то, видишь, стоит на своих двоих.

И Влас, присмирив, ткнул палец в ухо и стал неподвижен, как портрет на стенке.

Мимо то и дело пробегал суетливый Тараска Котов. Он нарисовал на классной доске огромный круг и издали бросал в него грецкий орех.

— Давай, Влас, состязаться. Вот тебе орех. Пуляй в мишень.

— Сам пуляй.

— Я только что в самое яблочко попал!

— У тебя на доске не яблочко, а целый арбуз. Нашел чем хвастаться! Ты вот встань к стенке. И рот раскрой. Я прямо в твой рот орех запущу. И ты его раскусишь...

Эти слова мальчишки встретили с восторгом. Стали уговаривать оторопевшего Тараску принять предложение Власа и придвинуться к стенке. Тот мотал головой, отмахивался и не желал раскрывать рот.

— Маковкин, чего доброго, в глаз угодит... У меня же не три глаза... Всего два... Нет, не буду!

Глеб Горошин, который все время дергал Власа за рукав, облегченно вздохнул. Опасность миновала!

Но впереди четыре урока. Хватит ли у друга выдержки?

В коридоре уже заливался звонок.

Начался урок чтения. Влас тянул руку выше всех, чтобы его спросили. Анастасия Ивановна не смотрела на него. Влас обиженно сопел, двигал партой и вскакивал с места:

— Возьму вот и без спроса оттараторю Пушкина. Пусть знает!

— А учительница запишет в дневнике: «Вскакивал,

когда его не просили», — предсказал сидевший рядом Глеб. — И будет тебе тринадцатое число!

— Ты думаешь, легко стерпеть такое унижение? Зубрил, зубрил, а ради чего?

— У тебя же стальные нервы...

Напоминание о нервах утомило Власа. И тут Анастасия Ивановна назвала его фамилию. Влас выбежал к доске и громким голосом, словно отдавая артиллерийскую команду, выпалил:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась.
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела, —
А нынче... погляди в окно...

Влас глянул в окно. И остолбенел — увидел отца. Куда он шагает? Зачем? Наверное, директор вызвал его в школу, чтобы поговорить о проделках сына. Надо же... Хотя чего удивляться? Сегодня же тринадцатое число! И не такое может случиться.

Стихи в один миг выскочили из головы.

Отец, миновав здание школы, свернул за угол.

Влас вновь обрел дар речи. Но голос его уже не гремел, как прежде, а дрожал, прыгая через буквы в словах:

Под гол-быми небесами
Вел-колепными коврами,
Влестя на солнце, с-ег лежит...

Анастасия Ивановна дослушала стихотворение до конца и поставила четверку:

— Можно было бы и пять поставить, но ты отвлекался на посторонние предметы...

Если бы учительница чуть раньше выглянула в окно, то не сказала бы так — там родной отец шел, а не посторонний предмет...

Потом была контрольная по арифметике. Требовалось найти неизвестное уменьшаемое. Оно пряталось в условиях задачи под буквой «х». Тайну этой буквы Влас с помощью Глеба еще вчера разгадал и поэтому решил задачу в один присест.

Анастасия Ивановна заглянула в его тетрадь и похвалила:

— Все верно. Не узнаю тебя сегодня, Маковкин! Ты свободен. Можешь отправляться домой, раз решил первым... Впрочем, нет, подожди. Дай свой дневник...

И в графе, где стояло тринадцатое число, Анастасия Ивановна своим красивым почерком написала:

«Сегодня был исключительно дисциплинирован. К урокам подготовился добросовестно».

Выходя из класса, Влас задержался возле парты Сони Угловой, хотел двинуть ее локтем. Глеб Горошин крикнул:

— Тринадцатое!

Влас подобрал локоть.

После школы Глеб заглянул к нему домой:

— Видишь, Влас, как здорово мы обхитрили коварное число! У тебя середь недели короткий день. Завидно. Давай и сегодня вместе готовить уроки.

— Вот еще! Завтра какое число? Четырнадцатое! Зачем же мне его бояться?! Будем готовить, когда наступит тринадцатое.

На другой день Влас получил две двойки — по русскому и арифметике. В наказание Анастасия Ивановна заставила его доучивать задание после уроков.

— Я ошибся, — сказал Влас Глебу. — Несчастливое число вовсе не тринадцатое, а четырнадцатое. Теперь я это знаю точно!

На пионерском сборе четвертый «А» долго обсуждал, что бы такое веселое придумать для первоклассников к Новому году.

— Им и так будет весело,— сказал Влас Маковкин.— Ведь каникулы начинаются! Когда каждый день уроки, тогда, конечно, грустно...

— Отдыхать можно по-разному,— не согласилась председатель совета отряда Света Оленина.— Мы должны и в каникулы заботиться о подрастающей смене. Пусть растут такими, как мы!

— За одни зимние каникулы таких, как я, не вырастишь,— сказал Влас.— Нужно четыре года. А кто нам даст столько каникул?

— И за двенадцать дней можно многое сделать.

Боря Саблин предложил нарядить девочек в Снегурочек, а мальчиков — в Дедов Морозов:

— Пойдем по квартирам, где живут первоклашки, и поздравим их с Новым годом. Вот будет весело!

Влас заулыбался:

— С девчонкой не пойду! Я буду одиноким Дедом Морозом.

— Одного тебя к малышам подпускать опасно,— засомневалась Света.— С кем бы тебя послать? Вот что — пойдешь с Борей Саблиным. Он придумал хорошую игру и тебя научит, как надо обращаться с октябрятами.

Влас с Борей сделали себе усы из ваты и длинные бороды из марли. Стали непохожими. Борина сестренка Катя посмотрела на них и сказала:

— Бородатые гномы.

— Не гномы. Мы Деды Морозы,— объяснил Влас.— Неужели не видишь?

— У Дедов Морозов носы красные и в руках палки.

Пришлось красить носы красной краской и выдергивать черенки из половых щеток. Боря закутался в простыню и подпоясался отцовским шарфом. Влас надел отцовскую шубу и обвернул голову полотенцем. Посмотрел на себя в зеркало:

— Ну вот мы и не гномы!

— Ты, Власик, старик Хоттабыч, а Боря — доктор Айболит, — ехидничала Катя.

— А ты глупая пустышка! Ничего в нашем деле не соображаешь. — Влас погладил вату под своим красным носом. — Сами с усами! Получше тебя знаем, какие нужны Деды Морозы. Пошли, Борька, выращивать малышей!

— Без подарков Деды Морозы разве ходят? — опять ввязалась Катя.

— Значит, говоришь, не ходят? — надулся Влас. — Отдавай нам свои игрушки!

Он стукнул палкой по полу и вырвал у Кати мордастого бегемота. Катя захныкала и уцепилась за Власову бо-

роду. Он чуть было не остался с одними усами. Но Боря во время сунул в Катин рот конфетку. Она усло-
коилась и даже отдала брату своего резинового попугая.

Деды Морозы перекинули через плечи мешки и вы-
шли на улицу. Прохожие указывали на них пальцами
и смеялись. А один солидный дяденька в очках сказал:
— Пошли детишек пугать...

Первоклассник Гена Гулькин, шефство над которым
было поручено Боре с
Власом, вовсе не испу-
гался. Он открыл им
дверь и радостно закри-
чал:

— Мама, смотри, ого-
родные пугалы пришли!

— Мы, деточка, вовсе
не пугалы,— по-стари-
ковски буркнул Влас.—
Мы Дедушки Морозы.
Мы тебе гостинцев при-
несли.

Ряженных впустили в
комнату, где стояла на-
рядная елка. Влас отдал
малышу бегемота, а Бо-
ря — Катиного попугая.

— А кто попугайчику
нос откусил? — спросил
Гена.

Деды Морозы только теперь заметили, что попугай действительно безносый. Боря засмутился:

— Это, наверное, Катька...

Влас толкнул его в бок и прошипел:

— Какая еще там Катька! — И громко объяснил Гене: — Это Снегурочка нос откусила...

— Снегурочки разве кусаются?

Боря стал оправдывать Снегурочку:

— Дедушка Мороз шутит. Попугай прилетел из жарких стран. Ему у нас холодно. Вот он и отморозил носик.

Деды Морозы взяли Гену за руки и начали кружить вокруг елки. Влас стучал палкой, топал ногами, как настоящий Дед Мороз, и во все горло орал:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зеленая была...

Дальше он слов не помнил и поэтому загорланил новую песню:

На побывку едет
Молодой моряк,
Грудь его в медалях,
Ленты в якорях...

— Ты с ума сошел! — одернул его Боря. — Деды Морозы про моряков не поют. Нужно про Новый год...

— Пой сам, если знаешь!

— Если бы знал...

— Тогда будем произносить новогоднюю речь!

Влас остановился, провел ладонью по усам и невзначай задел нос. На пальцах осталась красная краска. Он вытер руку о бороду и постучал палкой по полу:

— Слушай, мальчик, нашу новогоднюю речь. Мы с Борькой... Тьфу, не Борькой, а моим другом Дедом

Морозом поздравляем тебя, подшефный Гена, с Новым годом и каникулами! Кончил дело — гуляй смело! Прощайте, учебники, и да здравствует вольная жизнь! Кричи «ура!». Еще громче!.. Вот так. Молодец!.. Все двенадцать счастливых нерабочих дней мы, Гена, будем шефствовать над тобой, как над малым ребенком, и сделаем тебя похожим на нас!

— Не хочу быть похожим! — захныкал малыш. — Меня мама с таким носом на улицу не выпустит.

Боясь, как бы Влас не произнес новую речь, Боря Саблин оттеснил его в угол и заговорил сам:

— Дед Мороз большой шутник. Понимаешь? Ты, Гена, не слушай его...

— Как так «не слушай»?! — возмутился Влас. — Я такой же Дед Мороз, как и ты. Могу говорить что вздумается. Прошу не ронять мой авторитет в глазах ребенка!

Боря склонился к его уху:

— Да пойми же ты, бестолковая голова! Гену нужно воспитывать по-пионерски, не так, как ты... Я сам придумал Деда Мороза и лучше тебя знаю, что говорить.

— Он меня придумал. Ха! Меня родители придумали. — И Влас снова обратился к Гене: — Наш бледнолицый маленький друг, покажи Дедам Морозам, что ты умеешь делать.

— Я стихотворение знаю. Про зайку-зазнайку.

— А еще что?

— А еще могу мяукать.

— Промяучь.

Гена промяукал.

— А гавкать умеешь?

— Гав-гав-гав...

— Совсем как собака. Молодец! А хочешь, я научу тебя по-лошадиному скакать?

— Хо-чу-у-у...

— Так вот смотри!

Влас сел на палку и, припрыгивая, стал носиться по комнате, погоняя самого себя шлепками по мягкому месту. Марля с подбородка сползла и извивалась белым бинтом.

— А вы, Дедушка Мороз,— спросил Гена,— где бороду покупали? В аптеке?

— Не мешай. Видишь, скачет конница Буденного...

Влас залиvisto ржал, бил копытами по полу и по лошадиному брыкался.

— Может, тебе еще показать, как конь через барьеры прыгает? — спросил Влас.— Устроим в комнате ипподром!

— Нет, нет, не нужно! — Генина мама, которая все это время молча сидела в сторонке, посмотрела на Власа умоляюще.— Дедушки Морозы, наверное, очень устали, и им пора домой. Попрощайся, Геночка, скорее. Мы немножко отдохнем от скачек...

— Не скучайте без нас! — сказал на прощание Влас.— Завтра мы снова появимся...

— Вам бы лучше к другим детям сходить,— осторожно посоветовала Генина мама.— Они тоже хотят посмотреть на Дедов Морозов.

— Не волнуйтесь,— успокоил Влас,— в классе Дедов Морозов на всех хватит! Нам прикрепили одного Гену.

Шагая по улице, Боря Саблин сказал другу, что ему стыдно было рядом с Власом изображать Деда Мороза.

— Раз так, я с тобой больше не вожусь! — заявил Влас.— Ты только путаешься у меня под ногами. Будем шествовать над Геной поодиночке. Завтра — я, послезавтра — ты.

Маленького Гену на следующее утро забавлял лишь один Дед Мороз.

Боря отправился к октябренку после Маковкина ровно через день. Нарядившись Дедом Морозом, он прихватил с собой Катины игрушки и книжку с картинками про волшебников.

— Гав! Гав! Гав! — встретил его в дверях Гена. — Мороз красный нос топает! Будем, как вчера, прыгать через табуретки.

Боря вежливо объяснил малышу, что через барьеры прыгают лишь лошади да собаки и что все нормальные октябрюта играют в веселые игры и читают книжки, которые облагораживают человека.

— И свистеть не будем? — спросил Гена.

— Не будем. Это нехорошо.

— И кувыряться не будем?

— И кувыряться не будем.

— Фи, как скучно! А ты стойку на руках умеешь делать?

— Не пробовал...

— Какой же ты Дед Мороз! Вот вчера был Дед Мороз — это да! Он меня в балду научил играть! Хочешь, покажу?

Малыш содрал с Деда Мороза усы и прикрепил себе.

— Мы сами с усами! Подставляй лоб, я тебя щелкну!

И Гена отвесил Боре такого щелчка, на какой был способен один лишь Влас Маковкин.

Боря Саблин, тряся бородой, попятился к двери. Он понял, что пришел к октябренку Гене слишком поздно.

ФЕНОМЕН

Влас Маковкин увел маленького Тараску Котова в темный угол и грозно спросил:

— Язык за зубами держать умеешь?

— Лучше проглочу язык, чем выдам тайну!

— Поклянись!

И Тараска поклялся не только своим языком, но еще и волосами на голове, которые Маковкин может поковырять у него с корнями, если он, Котов, кому-нибудь проболтается.

Только после этого Влас сообщил удивительную новость. Оказывается, в городе живет школьница, обладающая необыкновенными способностями. С черной повязкой на глазах она без запинки читает учебники и разглядывает картинки в книжках. Ей на спину прикладывали, как горчичники, разноцветные бумажки, и она — подумать только! — сразу узнавала, где листок синий, где зеленый, а где с белыми полосками. Ни разу не ошиблась! А все потому, что у нее зрячая спина. И не только спина! Она свободно видит кончиками пальцев, ступнями ног, плечами и даже локтями!

— Если ты, Тараска, сейчас ушами только слышишь, — популярно объяснил Влас, — то может наступить время, когда ты ими будешь и видеть. А слышать будешь чем-нибудь другим. Носом, например.

— Носом я никогда не буду слышать, — Тараска недоверчиво покосился на друга. — И вообще, не морочь мне голову. Старинные бабушкины сказки!

— Старинные, говоришь? Полюбуйся! Утром почтальон принес. Свеженькая. Еще краской пахнет...

Влас развернул газету, указал на заголовок.

— «Фе-но-мен», — по слогам прочитал незнакомое слово Тараска. — Что это такое? Собачья кличка?

— Читай статью и сам узнаешь... Феноменом дразнят человека, если он не похож на всех остальных и выделяется чем-то особенным.

Когда Тараска закончил чтение и тяжело засопел, потрясенный необычным газетным сообщением, торжествующий Влас сунул газету обратно в карман.

— Обратил внимание, как зовут школьницу-феноменшу?

— Леной Б.

— Феноменша, между прочим, как мы с тобой, учится в четвертом классе... Как ты думаешь, кто такая Лена Б.?

— Не-не знаю,— заикаясь, ответил Тараска.

— Пошевели мозгами...

— Постой, постой,— от неожиданной догадки Тараска чуть не задохнулся.— Неужели Лена Блазкина?

— Не зря, видно, голову на плечах носишь! Сообразил.

— Только вот не знаю, чем доказать...

— Тут и доказывать нечего! Ей на уроках сплошное везение. Круглая отличница! А все потому, что кожей видит. Встанет с парты, положит ладонь на книжку и шпарит, как по учебнику. Замечал?

— Замечал.

— А как вчера стихи декламировала? Словно сам Пушкин! Прижала «Родную речь» к уху и оттараторила одним залпом. Заметил?

— Заметил. Выходит, уши тоже зрячие?

— Никто из девчонок в классе не носит гладкую прическу. Только она. Уши открыты и все видят. Я хотел контрольную у Блазкиной списать. Но она, не оборачиваясь, заметила и убрала тетрадку.

— Наверное, и затылком видит... Одно не пойму — почему газета целиком фамилию не пропечатала? Тогда бы со всего мира ученые к нам съехались. Они бы смотрели на Блазкину, а мы — на них.

— Иностранцам у нас жить негде. Гостиницу с первого класса строят. Мы уже в четвертом, а она никак выше второго этажа не поднимется...

— Неужели только из-за гостиницы?

— Конечно, гостиница не самое главное. Есть еще

одна помеха — Блузкина с доски отличников не сходит. На нее пальцем тычут и говорят: «Берите пример с Лены! Учитесь у Лены!» А если ее разоблачат как феномена, то исключительная Блузкина враз померкнет и перестанет быть примером для нормальных детей. Нас тогда и попрекать будет нечем. Полнейший развал школьной работы. Соображаешь?

— Соображаю.

— Заруби себе на носу: все, что я тебе рассказывал, — ни единой душе...

— Я же клятву дал!

Тараска терпел целый урок. Терпел перемену. И на втором уроке держался мужественно, собрав волю в комок. Молчал даже тогда, когда Анастасия Ивановна попросила его сказать, чем отличаются глаголы первого спряжения от второго. Ни одного слова не произнес! Молчком «проглотил» двойку и сел за парту.

Анастасия Ивановна вызвала к доске Блузкину. Лена сразу же назвала глаголы первого спряжения, которые оканчиваются на «ут(ют)», и глаголы второго спряжения на «ат(ят)».

— Поучись, Котов, у Лены, как надо готовить уроки,— сказала Анастасия Ивановна.

И тут Тараска первый раз не вытерпел и пробурчал:

— Больно надо у феноменов учиться! Пусть сами спрягают свою кожу.

— Кожа — имя существительное,— не поняла учительница.— Я просила придумать глагол на «ат (ят)»...

Тараскина соседка по парте Катя Праздникова поинтересовалась:

— С чего это ты взял какую-то кожу?

Под величайшим секретом Тараска рассказал ей про феноменшу Лену Блузкину.

— Прошлый раз она сама призналась,— убеждал Тараска.— Насквозь, говорит, тебя, Котов, вижу...

Катя повернулась назад, где сидела Соня Углова, и стала что-то нашептывать ей на ухо. Соня сделала страшнейшие глаза и, кивая головой, ахнула. Потом Тараска услышал, как она шушукалась с Женей Карповым...

В перемену в классе только и разговору было что о новом явленном феномене.

Голубоглазая Лена Блузкина ловила на себе приди-

чивые взгляды одноклассников, замечала, как они, кивая в ее сторону, о чем-то шепчутся.

Дальше началось и вовсе не понятное. Подошел двоичник Тараска Котов, встал перед ней в позу Наполеона — одна рука за спиной, другая на пуговице — и понес несусветную чепуху:

— Притронуся, Блузкина, к моему лбу. Скажи, сколько у меня там мозгов?

— Не больше, чем у курицы, — резко ответила Лена, чтобы тот отвязался.

— А как ты узнала?

— По отметкам в табеле...

— Встану за твоей спиной. Угадай, что я тебе показываю?

— Свой болтливый язык. Он у тебя без костей...

— А ведь верно! — удивился Тараска. — Из-за спины увидела!

Он отошел, и малейшие сомнения в его душе рассеялись.

— Завидую Блузкиной, — со вздохом признался он Глебу Горошину. — Будь у меня такие способности, я бы не то что отличником, я бы — пусть даже с куриными мозгами! — на весь мир прославился! И уроки учить вовсе не надо. Смотришь учительнице прямо в глаза, а сам в это время затылком читаешь, что в учебнике написано. Везет же людям...

Лену Блузкину встревожило поведение Тараски Котова.

— Да объясните же в конце концов, в чем дело? — допытывалась она у ребят.

Женя Карпов в ответ многозначительно ухмылялся.

— Зачем от подруг скрывать? Не понимаю! — обиженно пожимала плечами Катя Праздникова.

— Ты не думай, что мы осуждаем тебя, Лена. Ни

капельки! Раз такая уродилась...— успокаивала Соня Углова.— Мы, если хочешь знать, даже гордимся...

Окончательно сбита с толку, Лена хлопала глазами и не понимала, о чем ей говорят.

Боря Саблин отозвал Женю с Катей в сторонку и предупредил:

— Раскаркались на всю вселенную... Думаете, ей приятно с вами о таких вещах говорить? Никакой чуткости! К тому же еще многое не выяснено. Нужно проверить Блузкину...

Проверку Лениных способностей Боря взял на себя.

На уроке он прицепил ей к платью сзади бумажку со словом «феномен». Лена сидела как ни в чем не бывало, даже не обернулась.

Перед самым звонком Боря осторожно снял тетрадный лист с ее спины, а в перемену, когда Блузкина вышла из класса, канцелярским клеем крепко приклеил друг к другу две странички в Ленином учебнике по арифметике, воткнул иголку в парту. Блузкина потом тщетно пыталась разъединить странички с задачей, которую нужно было решить. Но пальцами читать не стала, попросила учебник у соседа.

Уколовшись об иголку, она сосала больной палец до тех пор, пока Анастасия Ивановна не подняла ее с парты и не попросила вспомнить правило об измерении длины и веса. Не заглядывая в учебник, Лена оттараторила правило и стала водить ладонью по страничке, как это она обычно делала. Но Боря Саблин и тут обхитрил ее: вместо «Арифметики» он незаметно подsunул ей под руку «Родную речь». Лена, однако, не сбилась: продолжала шарить пальцем и отвечать, что надо, об арах и гектарах, а вовсе не о собаке Музгарке, рассказ о которой в раскрытом виде лежал перед ней...

— Она вовсе и не феномен!— сказал Боря Жене Карпову, когда они вышли в коридор.— Если бы у нее

был зрячий палец, то он бы читал то, что написано, и не нарывался на иголку. Невинного человека оклеветал, Женька. Как тебе не стыдно?!

— Я-то здесь при чем? Мне Соня Углова наябедничала. Вот пустомеля!

— Сам пустомеля! — оскорбилась Соня. — Стала бы я на подругу наговаривать! Это все Катя. Это она состряпала сплетню.

— Ничего я не стряпала. Больно надо! — взъерошилась Катя Праздникова. — Я повторила лишь то, что мне Котов сказал. Он сам состряпал сплетню, сам пусть ее и расклебывает.

Насмерть перепуганного Тараску прижали к стенке. Он мотал головой, отнекивался. Катя замахнулась на него пеналом.

И Котов не выдержал натиска, сказал, что было такое дело.

— Я не сам... Меня обманул... Я вместе... — сделал он робкую попытку оправдаться, но увидел кулак Власа Маковкина, и в его памяти в один миг всплыли страшные слова клятвы.

Тараска прикусил язык и, съежившись, обхватил руками голову, на которой пока еще были целы все волосы.

ТАНЦУЮЩИЙ ВАЛЕНОК

В гардеробной образцово-показательной школы, куда четвертый «А» пришел на экскурсию, случилось невероятное. Собираясь домой, Влас Маковкин снял ботинки, чтобы переобуться, и... не нашел своего валенка. Под вешалкой торчал лишь один валенок, другой — такой же черный и истоптанный, с кожаным задником и загнутым голенищем — исчез.

— Хороша образцово-показательная, ничего не скажешь! — возмутился Влас и гневно топнул по полу ногой, на которой был вязаный носок и не было валенка. — Средь бела дня разули честного человека.

— Ты здесь в гостях и вежи себя достойно, — упрекнула Света Оленина.

— Какое же может быть достоинство, если я в одном валенке? В суд на них подам!

— Подумаешь, какой-то дырявый валенок...

— И вовсе он не дырявый. На нем заплатки из свиной кожи... Нет, им это так, за здорово живешь, не пройдет! Пускай образцовые бегают босиком, а я привык ходить в валенках.

Случись пропажа в родной школе, Влас наверняка не переживал бы так сильно: сразу отправился бы по классам и хватал всех подозрительных. А в чужой школе не знаешь, кого и подозревать, кого хватать за грудки.

— Право, не знаю, как тебе, родненький, и помочь, — расстроилась старенькая гардеробщица тетя Клаша. — Тридцать лет караулю вешалки и, чтобы один валенок пропал, не припомню. Если и пропадали, то сразу оба...

Она обшарила весь гардероб, заглянула даже в шкаф с пожарным оборудованием — валенок как в воду канул!

— Вот что, родненький, — вспомнила она, — здесь только что Баба-Яга обувку для себя клянчила. Просила подобрать ей какую пострашнее, чтобы, значит, детишек пугать... Не позарилась ли Баба-Яга на твой валенок?

— Вы, тетя Клаша, что-то лишнее говорите, — удивленно посмотрел на нее Влас. — В наше время Бабы-Яги разве водятся?

— В вашей школе, может, и не водятся, а у нас есть. Своими глазами видела. Вот как тебя сейчас.

Спустилась, значит, сверху, и прямо ко мне. Лохматая вся. В цыганской юбке. Нос крючком. «Выручайте,— говорит.— Сейчас мой выход, а я, милая тетя Клаша, не в полном наряде...» Без обуви, значит. Я ей свои галоши пожертвовала. Она и ушла. Про валенок не было речи... Наверное, зря я на нее грешу. Уж больно вежливая Баба-Яга попалась. Не в пример нынешней молодежи.

— Да она, может, из самодеятельности?

— А я что говорю? Конечно, самодельная! Не настоящая. Настоящие-то, родненький, еще при царском режиме, в давне-давние времена вымерли.

— Эх, найти бы мне эту Бабу-Ягу!

— Чего ее искать?! На втором этаже она. С Серым Волком к выступлению готовится.

— Сторожите, тетя Клаша, мой валенок! Я за вторым побежал!

С наступлением темноты в классах засели кружки художественной самодеятельности. Все вокруг звенело, смеялось и пело. Где-то трендыкала балалайка, где-то взвизгивала гармонь, где-то с диким топанием и свистом бушевала пляска...

«Ишь как резвятся! — подумал Влас. — Зажилили чужой валенок и рады».

Вдруг за дверью Маковкин услышал волчий вой. Он наострил уши. Почудилось скрежетание зубов, потом звериный голос зарычал: «Р-р-ры... Я тебя съем, красавица!»

— Ага! — обрадовался Влас. — Баба-Яга в этом классе скрывается! — И он заглянул в комнату.

Серый Волк в огромном овчинном полушубке, вывернутом наизнанку, раскрывал зубастую пасть, намереваясь откусить голову курносой девчонке. Та визжала и не поддавалась. Волк распахнул пасть во всю ширь. Влас разглядел за оградой волчьих зубов веснушчатое лицо председателя совета дружины. Совсем

недавно, когда у Власа еще был цел валенок, веснушчатый водил экскурсантов в пионерскую комнату и хватался грамотами школьного драмкружка. Заметив Маковкина, Волк перестал рывкать, снял с лица безобразную маску и любезно пригласил:

— Присаживайся! Будешь первым зрителем.

— За что ты ей голову хотел отцапнуть? — пожалел курносую девчонку Влас.

— Скажешь тоже! Я же понарошке. До меня роль Волка репетировал другой школьник. Вот он действительно кусался. До крови. С ним, хулиганом, никто играть не пожелал. Ну мы его и отставили. Теперь репетиции обходятся без жертв.

— Что-то Бабы-Яги не вижу.

— Да вон она. На пеньке сидит. Переобувается.

У Власа екнуло сердце — попалась, коварная воровка! Уж теперь-то тебе не отвертеться... Он посмотрел в угол, где сутуло сидела крючконогая, по-цыгански разодетая Баба-Яга, и увидел, что она натягивает на ноги старенькие галоши.

— А где же валенок? — спросил он.

— Зачем мне валенок? — не поняла Баба-Яга. — События в сказке происходят летом...

Огорченный Влас вышел в коридор и зашаркал по коридору обратно в гардеробную.

И тут — трах-тарарах! — что-то громыхнуло за дверью угловой комнаты. Под ногами у Власа содрогнулся пол, с потолка посыпалась штукатурка.

Что там такое? Может быть, идет представление Бородинского сражения? Или показывают, как звездолет наскочил на космическое тело и разлетелся на мелкие кусочки, будто штукатурка?

Влас с любопытством сунул нос в дверную скважину. В классе пусто. Парты зачем-то взгромождены друг на друга и в виде пирамиды поднялись к самой

люстре. На возвышении, венчая пирамиду, стоит валенок. Да, да, тот самый валенок — с кожаным задником и загнутым голенищем!

Влас распахнул дверь и чуть было не наступил на человека. Распластавшись во весь рост, человек лежал на полу лицом вниз и тихо стонал. Влас помог ему подняться и увидел перед собой белобрысого мальчишку, своего ровесника, с исцарапанным лицом, синяком под глазом.

Белобрысый быстро пришел в себя, перестал стонать и даже улыбнулся, указав взглядом на валенок:

— Стоит, красавец! Не шелохнется!

— Как он там оказался? — спросил Влас.

— Я его — только, чур, никому ни слова! — в гардеробной у тети Клаши стащил. Готовлю фокус под названием «Танцующий валенок». Здорово придумал, не правда ли?..

— Фокус из валенка? Интересно.

— Сам думал, что будет интересно, пока не грохнулся с верхней парты...

— А почему ты один фокусничаешь? В вашей школе, я сам видел, столько кружков...

— Да ну их, образцово-показательных! — поморщился белобрысый. — Был я в этих кружках. Мне даже давали роль Серого Волка. Но потом мы мило расстались. Говорят, что я будто бы разлагаю дисциплину и отсебятины много говорю... Зазнайки! Они еще услышат мою фамилию! — И он протянул руку: — Будем знакомы — Сенькин!

Влас назвал себя:

— Маковкин!

— Я сразу заметил, как ты только на валенок взглянул,— в доску свой парень! Хочешь, будем вместе репетировать фокус?

Сенькин потер кулаком синяк под глазом и стал разматывать катушку с нитками.

— Валенок на нитке держится,— объяснил он.— Нитка переброшена через люстру, а самый кончик у меня в руке. Видишь?... Сейчас начну дергать. Да ты вверх смотри... Видишь? Валенок пляшет! Нитка издали не заметна, и он будто сам по себе прыгает. Как живой. Разве это не фокус? Вся школа ахнет, когда увидит.

Влас не узнавал своего валенка. На верхней парте он прямо-таки выделял чудеса: притоптывал, поднимал носок, вставал на пятку и кланялся, как заслуженный артист.

Захотелось Власу самому подергать за нитку. Он потянул разок, потом еще. Танцующий валенок шевельнулся, подпрыгнул два раза и сорвался с парты.

— Не горюй! — утешал Сенькин.— Придется снова забираться наверх. Полезем оба. Ты зацепишь нитку за люстру, а я тем временем поставлю валенок на прежнее место. И он у нас веселее прежнего запляшет!

...Ребятам внизу надоело ждать Маковкина. Они послали Свету Оленину узнать, в чем дело.

Когда она раскрыла дверь угловой комнаты, то увидела странную картину: между вздыбленными партами, распластавшись, лежал белобрысый мальчуган. Рядом, прижимая к груди валенок, возился Влас Маковкин. Света покачала головой и сказала:

— Два сапога пара...

ЭСКИМО И «ЗАЯЦ»

Мать дала Власу денег на автобус и на билет в кино.
— А на эскимо? — попросил Влас.

— Обойдешься без мороженого. У тебя же гланды...

Как будто у других людей нет гланд! Но им почему-то разрешается есть мороженое и пить холодную воду с сиропом. Одному Власу противопоказано. А все из-за махонького красного пятнышка в горле, которое разглядел доктор. Такой, казалось бы, пустяк, а никаких радостей в жизни...

Влас подбросил на ладони звенящие монетки. Сжал их в горсти. Хватит на целых два эскимо! Нет, две порции, пожалуй, лишку. И на кино надо оставить. Потрясающий, говорят, фильм — про то, как одного мальчика в джунглях воспитывали волки, и он стал выть по-звериному, лазить по деревьям, скалить на людей зубы. Потому, наверное, озверел, что волки кормили его одним сырым мясом и даже в праздник не давали мороженого. Медяки весело брякнули в кармане, когда Влас прыгал в автобус.

«Кондуктора нет, — огляделся он по сторонам. — Покупать билет вовсе не обязательно. Прокачусь «зайцем».

Влас сидел у окна, закинув ногу на ногу.

Знакомых в автобусе — ни единой души! Сиди себе спокойно, как датский принц, и думай об эскимо, которое можно купить на сбереженные деньги и под дикое завывание волков обсосать — до самой палочки! — во время киносеанса.

На остановке в распахнутую дверь шумно ввалились новые пассажиры. Каждый бросал в кассу пятак и отрывал билет с катушки.

Монетки, звякнув, одна за другой ложились под прозрачный колпак железного ящика и затем грохочущей лавиной ссыпались куда-то вниз.

За день, наверное, касса наглотала столько пятаков, что их хватит на мороженое для всех городских мальчишек.

«Если одному съесть столько,—подумал Влас,—то не только гланды, сам целиком обледенеешь и станешь сладким».

Влас представил себя в виде эскимо на палочке—с белоснежной сливочной головкой, в шоколадной обертке,—облизнулся от удовольствия.

— Ты что, мальчик, облизываешься? — подозрительно покосилась седая женщина, присевшая рядом.— Может, у тебя билета нет? Может, ты «заяц»?

— Разве «зайцы» обливаются? — встревожился Влас.— Они пугливо озираются...

— Ты озираешься и облизываешься одновременно. Все это очень подозрительно.

— Что ж, по-вашему, выходит, человеку и облизнуться нельзя? Сразу берете на подозрение. А если он, человек этот, честнейший из честных? Настолько честнейший, что купил не один, а сразу два билета. Если у него такая совесть...

— Ну пошел, пошел... Не остановить. Оратор! — засмеялась соседка.

Зато женщина с авоськой, что сидела впереди, обернулась и сказала с осуждением:

— Нехорошо, гражданочка, оскорблять такого воспитанного ребенка!

— Пастухи воруют, а на волка поклеп, — сердито вставил старичок с белой бородкой. — Продолжайте, молодой человек!

Влас, почувствовав поддержку, совсем расхрабрился. Тут же сочинил для доверчивой женщины с авоськой и ее белобородого спутника невероятную историю про автобусных «зайцев».

Однажды, мол, ему, Власу Маковкину, как самому честному пионеру, отряд поручил отслеживать безбилетников. Он, разумеется, находил их с первого взгляда. Трусливый они народ, эти «зайцы»: жмутся по углам, глаза бегают, руки трясутся.

— Безбилетника в автобусе поймать легче, чем косяго в лесу, — хвастался Влас. — Я хвать одного, хвать другого... Целыми пачками ловил! Перепугались «зайцы». Хлопают ушами, пощады просят. А я им: «Как не совестно! У кого деньги воруете? У родного государства!»

— Молодчина! — умилилась женщина с авоськой. — Какая высокая гражданская сознательность!

— Совесть у «зайца» в рукавичках ходит, — заметил старичок.

— Заставил я их сполна рассчитаться! — продолжал Влас. — «Сколько раз, говорю, «зайцем» за свою жизнь прокатывались, за столько и денежки платите. Вертайте долг государству!» Подчинились как миленькие! Все деньги, какие в карманах были, высыпали в кассу.

— Ах какая сообразительность! — заахала женщина с авоськой. — Так им и надо, бесстыжим!

— Лучше понести с гривну убытку, — сказал старичок, — чем на алтын стыда. За чужим погонишься, свое потеряешь. Всегда так.

— Это вы верно подметили, — ухмыльнулась седая тетя, сидевшая бок о бок с Власом, и поднялась. — Товарищи! Приготовьте билеты. Буду проверять...

Влас, дрогнув, стал медленно сползать с сиденья на пол.

Голова ушла в плечи. Красные уши выбивались из нерасчесанных вихров, как два языка пламени из стога соломы.

— «Зайцев» по ушам распознают. Запомни это, оратор! — контролерша помогла Власу подняться и водрузила его в кресло. — Других осуждал, а сам... Придется, видно, и тебе, бессовестный лгунишка, платить не за один рейс, а сразу за все, когда без билета ездил... — Седая тетя взглянула на растерянного старичка с благообразной бородкой и пояснила: — «Зайцам» от своих ушей не уйти. Сколько ни петляй, а конец выйдет наружу...

В тот день Влас Маковкин не отведал эскимо на палочке, не посмотрел фильма про зверей, а домой возвратился без копейки в кармане.

— Ну как — интересная была картина? — спросила мать.

— Не очень, — хрипловатым голосом ответил Влас и поперхнулся.

— Опять гланды! — всплеснула руками мать. — Я так и знала — променяешь кино на какое-то эскимо... И когда только я сделаю тебя воспитанным человеком?!

«НЕ ТУШУЙТЕСЬ, УВАЖАЕМЫЕ ЗРИТЕЛИ!»

Глеб проголосовал за комедию, Света — за трагедию, Боря — за то и другое сразу, и получилось, что он за трагикомедию. А Влас сказал:

— Кто же за один день трагедию готовит? Роли и за месяц не вызубрить, а у нас вечером спектакль. Клоунаду еще кое-как можно. Слов в ней — кот наплакал. Зато смеха — целый океан!

Влас забрался на парту, взъерошил волосы и, приплясывая, показал, какая веселая может получиться клоунада:

— Ха-ха! Здравствуй, Тик! Ха-ха! Здравствуй, Так! Скажи, кто из нас главный дурак? Ха-ха!

— Пьеса должна воспитывать умных, а не дурачков, — возразила Света Оленина. — Надо что-нибудь серьезное.

И тут Боря Саблин сказал, что раздобыл в библиотеке умную пьесу под названием «Не все то золото, что блестит». Слов в ней не больше, чем в клоунаде, и вся она состоит из разных страхов. Пионеры в пьесе ищут в тайге полезные ископаемые. Находят блестящий камешек. Бандиты думают, что это золото. Организуют погоню. Бросают ребят в подземелье. Начинаются пытки. Отважные пионеры непреклонны. Бандиты в ужасе. Рвут на себе волосы. Полезные ископаемые вместе с бандитами попадают в надежные руки — к милиционерам...

— Я бандитов буду играть! — сказал Боря.

— Один — всех бандитов? Ха-ха! — засмеялся

Влас.— Из тебя, такого тощего, и половинки бандита не получится. Бандитов мы с Глебом будем изображать. Я — бандит Тик, Глеб — бандит Так.

— Глебу Горошину мы еще можем доверить такую роль,— сказала Света.— Он успевающий. А тебе, Влас, нужно вначале двойку по арифметике исправить.

— Бандит и должен быть двоечником. Не отличником же! — возразил Влас.— Я самая подходящая фигура для бандита.

— В самодеятельность принимают людей не по фигуре, а по оценкам,— объяснила Света и стала распределять роли в пьесе.

Себе она взяла роль пионерской звеньевой. Глеб Горошин и Боря Саблин стали бандитами.

Всех действующих лиц распределили. Один Влас оказался бездействующим.

— Маковкина мы сделаем суфлером,— сказала Света.— В суфлерской будке можно сидеть и с двойкой. Никто не увидит.

Началась репетиция.

После первых же реплик бандиты Глеб и Боря поссорились. Каждому захотелось играть роль главаря банды, который по ходу спектакля дергает звеньевую за косы, ломает ей руки и громко ругается: «Куда спрятала, паршивая девчонка, золотые запасы?.. Молчишь?.. Я вырву твой вредный язык и заставлю заговорить!»

Но тут Света Оленина заявила, что она не позволит мальчишкам дергать себя за косы, ломать руки и вырывать язык. Стали настаивать, чтобы из текста убрали такие нехорошие слова, как «паршивая девчонка» и «вредный язык».

Когда все это вычеркнули из пьесы, бандиты примолкли: спорить больше было не из-за чего.

Влас читал текст с выражением, а когда в действие

вступали бандиты, начинал так орать, что исполнителей не было слышно.

— Зачем чужую роль играешь, мне говорить не даешь? — спрашивал Боря Саблин.

— Суфлер обязан сразу войти во все роли...

— Входи, но только шепотом.

Влас стал «входить в роль шепотом». Но бандиты затопали на него ногами:

— Что ты там себе под нос бубнишь? Слова артистам нужны, а не твоему носу.

— Попробуй угоди — то им громко, то им тихо...

— Читай средне, чтобы нас было слышно, а тебя нет.

— Когда меня не слышно, то и тебя, Борька, почему-то не слышно...

Пришлось начинать репетицию сначала. Исполнители с непривычки то и дело путали друг друга: слова, которые должен говорить Глеб, говорил Боря, а Света Оленина произнесла речь главаря банды, забыв, что она — пионерская звеньевая...

— Повторим еще раз. Охрипнем, но не сдадимся! — сказала Света.

Власу понравилась роль суфлера — что ни скажи, артисты, словно попугаи, тут же повторяют. Вот так бы на уроках! Но Анастасия Ивановна ставит двойку даже за самую лучшую подсказку.

— За моей спиной, как за каменной стеной, — хвастливо сказал Влас. — Суфлер высшего сорта!

Вечером его поместили в суфлерскую будку. Там тесно — ни сесть, ни лечь. Можно лишь стоять. Влас выпрямился во весь рост и стал ждать начала представления.

В зале переговаривалась, хлопала сиденьями публика, а на сцене, готовясь к спектаклю, бегал Глеб Горюшин с трубкой в зубах. Его не узнать: нос из красной бумаги, волосы из рыжей пакли, а на ногах разноцвет-

ная обувка — на правой черный кирзовый сапог, на левой — белый валенок. Точно так же был обут и Боря Саблин. Только валенок у него на правой ноге, а кирзовый сапог на левой. Бумажный нос его постоянно отваливался, и Боря ходил по сцене сразу с двумя носами. Поверх пакли на голову был нахлобучен дырявый картуз. Таких злодеев даже на картинках в страшных книжках не встретишь.

Раскрыли занавес. Боря надвинул картуз еще ниже и прилепил бумажный нос на законное место, а у Глеба чуть было не сполз с головы рыжий парик, когда он схватил себя за волосы.

Притихший зал напряженно следил за разбойничьими происками Бори Саблина и Глеба Горошина. Влас, высунув нос из будки, читал текст пьесы, и бандиты громовыми голосами повторяли шепоток суфлера.

На сцену выбежала Света Оленина с группой пионеров. Сейчас начнется самое интересное. Зрители замерли в ожидании.

Света посмотрела на бандитов, ожидая, что ей подскажет Маковкин.

Взъерошенная голова высунулась из-под колпака перед сценой и тут же юркнула обратно, ничего не сказав.

— Да читай же дальше! — прошипела, приблизившись вплотную к будке, Света Оленина.

Влас в ответ строил какие-то непонятные гримасы, пожимал плечами, тыкал пальцем в пьесу перед собой.

Света ничего не могла понять. Тогда Маковкин наполовину высунулся из будки — так, что его сразу увидел весь зал, и, потрясая бумажкой, объяснил:

— Последняя страничка куда-то задевалась. Никак не найду. Должно быть, в пальто забыл...

У Светы от переживаний задергались губы и даже

выступили слезы на глазах. Она подбежала к Жене Карпову, дежурному по сцене, и пролепетала:

— Занавес... Закрывай... Не можем же мы целый час стоять с раскрытыми ртами...

Зрители ничего не могли понять, изо всех сил топали ногами и свистели.

Поблудневшего Власа Маковкина «бандиты» вытянули из будки и пинками вышвырнули за кулисы. Он стремглав бросился в гардеробную, обшарил карманы своего пальто. Увы! Конец пьесы как в воду канул. Тогда он обследовал за кулисами все темные углы, переворошил до дна мусорный ящик, заглянул в артистическую уборную — безрезультатно!

Возмущение зрителей не знало предела. Кто-то бросил на сцену огрызок яблока, кто-то выкрикнул: «Долой артистов погорелого театра!»

Желая уберечь артистов от страшного позора, суфлер Влас Маковкин выскочил на сцену, встал перед занавесом и сказал:

— Не тушуйтесь, уважаемые зрители! Листочек от пьесы потерялся. Мы ищем...

Не дав ему договорить, зал зароптал с новой силой.

— Раз не хотите сидеть смирно, то мы вам покажем веселую клоунаду — про Тика и Така...

Махнув рукой на улюлюкающих зрителей, Влас подбежал к Глебу Горошину:

— Срочно перестраивайся на Тика!

— А что Тику надо говорить?

— Говори, что в голову взбредет. А главное — громче смейся. Прыгай на одной ноге и хохочи что есть мочи. Я тоже буду хохотать. Мы весь зал обхохочем...

Влас содрал паклю с головы Бори Саблина и натянул ее на себя. Потом приказал дежурному Жене Карпову:

— Занавес! Немедленно!

Завидев на сцене двух клоунов, зал немного успокоился.

— Ха-ха! Здравствуй, Тик! — засмеялся Влас и запрыгал на одной ноге.

— Ха-ха! — засмеялся Глеб и тоже запрыгал. — Здравствуй, Так!

— Ха-ха! Скажи, кто из нас главный дурак?

— Ты, Так, и есть главный дурак.

— А ты, Тик, озорник! — показал ему язык Влас Маковкин и стал делать свой коронный номер — стойку на руках. — Твой друг Так в школу ходит так...

Под аплодисменты зала он прошелся вокруг Тика и затем, осторожно переставляя ладони, приблизился к краю сцены, где возвышался колпак суфлерской. И тут тело его, утратив равновесие, качнулось, руки дрогнули, и Влас с головой ухнул в темноту будки...

Зал засмеялся, захлопал, восторженно закричал:

— Вот это трюк!

— Настоящий циркач!

Влас, прислушиваясь к радостному гулу, сидел на дне суфлерской ни живой ни мертвый. Ощупывал сам себя. Ноги целы. Руки целы. Голова цела. Лоб тоже цел, даже без шишки.

Влас приподнялся и вдруг увидел под собой бумажку.

На дне суфлерской лежал злополучный листок из пьесы «Не все то золото, что блестит»...

Влас выпрыгнул из будки и, хохоча, замахал листком над головой:

— Ха-ха! Вот он, конец нашей трагедии! Нашелся! Я больше не Так, а Тик не Тик. Он бандит с большой дороги... Действующие лица, по местам! Представление продолжается!

И, наделав в зале много шума, полез обратно в свою будку.

Крышка суфлерской, которую он второпях задел локтем, покачулась и с грохотом полетела под ноги зрителям.

Над сценой торчала, вызывая смех всего зала, лохматая голова суфлера. Голова дергалась и водила красными ушами в разные стороны.

Представление продолжалось...

ВЛАС СПЕШИТ НА СВИДАНИЕ

Диктор телевидения объявил:

— Фильм, который мы сейчас покажем, детям до шестнадцати лет смотреть не рекомендуется.

«Раз дразнят шестнадцатилетних, будет что-то интересное», — Влас Маковкин придвинулся ближе к экрану.

Показали сразу два фильма. И оба про любовь!

Первый — балет под названием «Ромео и Джульетта» — изображал любовь танцевальную. Артисты носили друг дружку на руках и прыгали от избытка чувств.

Второй показывал любовь сидячую — со вздохами на скамейке. Чернобровый красавчик без умолку брэнчал на гитаре и пронзал блондинку жгучими глазами: «Ах как я люблю вас! Жить без вас не могу... Ах как я счастлив! Уж теперь никто нас не разлучит!»

Он стонал до того жалобно, что у Власа засосало под сердцем: «Эх, вот это вздохи! А что у меня? Скоро пойду в пятый класс, а живу без любви...»

В понедельник Влас, сидя в классе, вертел головой во все стороны. Выбирал, в кого бы ему влюбиться.

А что, если в Катю Праздникову? У нее красивый почерк. Бантик на макушке и веснушки на носу. Девчонка на все сто! С мальчишками в футбол играет. На прошлой неделе забила головой гол. Мяч влетел в ворота вместе с бантиком. Влас представил, как они с Катей под ручку идут по улице и нежно говорят о футболе. Влас ей: «Ах как здорово ты играешь головой! Я люблю тебя, Катя!» А она ему... Вряд ли насмешница Праздникова будет говорить что-нибудь приятное. Засмеется только. «Ты что,— спросит,— белены объелся?» Это ее любимое выражение. Нет, с бесчувственной Катей лучше не связываться.

Вот Соня Углова — иное дело! Она давно считает, что всех мальчишек в классе покорила своей красотой и прической. Красота у нее действительно есть, и прическа хоть куда, как у той артистки, которая целовалась с гитаристом: не поймешь, где у волос конец, где начало. Другие зачесываются спереди назад, а она наоборот. Получается гоголь-моголь из волос. Возможно, из-за этой самой прически у Сони и на уме одни финтифлюшки. Целыми днями болтает с подружками о модных платьях и шапочках. Чего доброго, она и Власа втравит в свои глупые разговоры, если он влюбится. Не стоит, пожалуй, унижаться до девчачьих тряпок и изменять своему мужскому характеру.

Он перевел взгляд на Свету Оленину. Председатель совета отряда, она человек серьезный. Не тряпичница какая-нибудь. Однажды перед всем строем заставила Власа просить прощение за то, что он ущипнул девочку на лестнице. Извиняться жутко не хотелось. Света сказала, что «Маковкин заражен антидевчачьими настроениями». Наверное, если ей признаться в любви, требовательная Света навьючит на него новые нагрузки

по пионерской линии. А кому нужна любовь с дополнительными нагрузками?!

«Влюблюсь-ка я в нашу тихую отличницу Лену Блузкину,— наконец решил Влас.— Она будет за меня задачки и контрольные делать. Лафа! Успеваемость от такой любви сразу подпрыгнет. Без особого труда выкарабкаюсь в передовые».

Голубоглазая Лена сидит недалеко от Власа, внимательно слушает рассказ учительницы о реках Сибири. Ничего не скажешь — примерная ученица! За всю свою школьную жизнь не сделала ни одной ошибки в диктантах. Вот в кого надо было влюбляться еще в первом классе! Как это Влас тогда не сообразил?! Сидел бы сейчас без двоек, плевал бы в потолок, а любимая Леночка тем временем для него шпаргалки готовила бы...

Влас вспомнил красавчика с гитарой и решил действовать по его примеру.

Прежде всего надо пригладить волосы на голове, чтобы не дыбились и не отпугивали Лену. Затем устаться на нее долгим и грустным взором. Она не выдержит и, краснея от смущения, посмотрит на него с любовью.

Влас провел ладонью по волосам и вытаращил глаза на Блузкину.

— Гипнотизируешь? — спросил сосед по парте Глеб Горошин.— Бестолковое занятие! Она же к тебе затылком сидит. Затылок гипнозу не поддается.

От напряжения веки у Власа дергались.

Лена обернулась и спросила:

— Что с тобой, Маковкин? Соринка в глаз попала?

«Не дошли до нее мои взгляды,— огорчился Влас.— Пора переходить на вздохи».

И стал глубоко, во весь рот вздыхать.

— Ты что зеваешь? — вновь обернулась Лена.— Не выспался?

«Все делаю, как в кино, а никакой любви не получается,—досадовал Влас.— Не танцевать же мне, как Ромео вокруг Джульетты! Кто же на уроках танцует, да еще без музыки?! На уроках может быть лишь сидячая любовь».

— На Лену глазеешь? — шепотом спросила Соня Углова.— Подумаешь, новая кофточка! Мне мама лучше купила...

— Сидит, будто белены объелся,—пискнула Катя Праздникова.

— Не мешай,—сказал Глеб.— Он гипнозом занимается...

Строгий голос учительницы прервал их болтовню:

— Подойди к карте, Маковкин, и покажи Лену.

Влас вскочил с парты и указал на Блузкину:

— Да вот же она! На третьей парте ко мне затылком сидит...

Класс засмеялся, а учительница стала еще строже:

— Мы говорим о реке Лене, а ты думаешь неизвестно о чем...

— Он тоже о Лене думает,—вновь пискнула Катя Праздникова...

Вернувшись из школы, Влас обнаружил у себя в портфеле записку:

Милый Власик!

У меня от твоего гипноза мурашки на теле выступают и сердце каменеет. Неужели не видишь?!

Если твои чувства настоящие, то приходи сегодня в 10 часов на свидание. Буду ждать тебя в парке культуры и отдыха на скамейке рядом с однорукой статуей.

Л. Б.

— Ага, все же подействовали мои вздохи! — заликовал Влас и посмотрел на себя в зеркало.— Чем я хуже гитариста!

На свидание он примчался точно в назначенное время.

Скамейка еще пустовала. Влас сел и стал ждать Лену. Она почему-то задерживалась.

В парке было безлюдно, как всегда по понедельникам, после шумных воскресных гуляний. От нечего делать Влас принялся считать звезды на небе, потом перевел взгляд на белокаменную спортсменку. Однорукая застыла на постаменте с веслом в руке, словно часовой с ружьем.

«Ишь куда залезла,— осудил ее Влас.— Странные люди девчонки! Один вдох—выдох, и уже каменеют как статуи. То ли дело мы, мужчины! Нас вздохами не проймешь. Знаем себе цену!»

На парковой аллее показался усатый человек. Подметая дорожку, он размашисто шаркал метлой и шаг за шагом приближался к скамейке. Когда подошел совсем близко, остановился и с ухмылкой посмотрел на Власа:

— На свидание пожаловали, молодой человек?

— Угу,— буркнул Влас и тотчас спохватился: — То есть нет... Что вы!.. Я просто так... На прогулке... Звезды изучаю...

— Гм, интересно,— хмыкнул усатый и устремил глаза к небу.— Кто бы на эту скамейку ни садился, обязательно на небо смотрит. Особенно, если двое садятся. Почему бы это, а?

Влас растерянно хлопал глазами.

— Стало быть, у тебя нет никакого свидания? — переспросил усатый.— А мне на тебя указали: «Свидание, мол, у него». Просили кое-что передать. Но если ты не тот самый...

В голове у Власа зашумело, и все мысли перемешались. Он не знал, как поступить. Лучше, конечно, ничего не говорить незнакомцу. Но тогда и он ничего не скажет. А ведь это, наверное, Лена о чем-то попросила усатого. И Влас, покраснев, смущенно признался:

— Я тот самый... Лена писала в записке, что будет ровно в десять...

— Какая такая Лена? — недоуменно поднял брови усатый. — Тому, кого я здесь найти должен, записку писал парнишка... Нет, ты не «тот самый».

— Пар-парнишка? — встревожился Влас.

— Ну да! Он только что ко мне подбегал. Твоих лет парнишка. Курносый. Все время шмыгал носом и хихикал. «Подойдите, говорит, к однорукой статуе, там один ненормальный свидания дожидается». Я еще поинтересовался: «А какой он ненормальный: тихий или буйный?» И он меня успокоил. «Тихое помешательство, говорит, после кинофильмов. Вообразил себя влюбленным Ромео». И просил меня шугануть того Ромео со скамейки, чтобы он штаны зря не протирал и не верил глупым запискам... Да, видно, не о тебе речь шла. Ты слишком мал для Ромео. И вид у тебя вполне нормальный...

На какой-то миг Власу Маковкину показалось, что однорукая спортсменка, нависшая над ним всей своей громадиной, шевельнулась и стала опускать ему на голову свое увесистое каменное весло.

УХА ИЗ «ОП-ЛЯ»

Сидят на берегу три рыбака — Влас Маковкин, Глеб Горошин и Женя Карпов. Смотрят на поплавки и гадают: «Клюнет — не клюнет?»

Поплавки замерли. Не шелохнутся. На них уселись стрекозы.

— Стрекоза на поплавке — не жди рыбы на крюке, — сочиняет Влас.

Ему надоело сидеть молчком, и он вот уже час говорит стихами.

Глеб и Женя набрались терпения на целый день. Они знают: рано или поздно рыбы заметят наживку. А Влас заедает тоска. Хотя бы один клевок! Ершам и пескарям самое время пообедать. Может, они уже пообедали где-нибудь в другом месте? Значит, теперь у рыб послеобеденный мертвый час, и ждать их бессмысленно.

— Переняли плотвички человечьи привычки, — жалуется Влас Жене Карпову. — Огорчаешь ты меня — не клюет твоя родня!

— Почему моя? — не понимает Женя.

— Леши, караси, плотва и им подобная братва — ты, Карпов, знаешь таковых — из семейства карповых.

— Следил бы лучше за поплавком, балабон! — ругается Женя.

— Здешней рыбешки не хватит и кошке...

Власу смешно смотреть на горе-рыбаков. Он втыкает удочку в берег, а сам ложится на песок загорать. Поворачивается на бок, потом на спину и посыпает живот песком.

— Не рыбалка, а обман, — нежась под солнцем, декламирует он. — Карауль пустой кукан.

— А кто виноват? Трепишь как сорока. Всю рыбу испу... — Глеб недоговаривает — поплавок дергается, переворачивается и бежит в сторону.

Удочка со свистом разрезает воздух.

— Оп-ля! — восклицает, лежа в песке, Влас и поднимает ногу. — Рыбешке привет от старых штиблет!

На крючке трепещет маленький окунишка.

У Жени Карпова тоже клюет.

— Оп-ля! — снова орет Влас. — Вот это окунек — ростом с ноготок!

— Чем лежать, — косится в его сторону Глеб, — взял бы да червей накопал. Клев начался.

— А ерши не дураки. Для чего им червяки?

И тут сразу несколько кругов оживает на речной

глади. Это играет рыба. У Глеба на крючке уже болтается остромордый щуренок, а Женя рядом прыгает от счастья: на его лесе извивается, отсвечивая серебром, бойкая сорожка.

Влас громко приветствует:

— Оп-ля! Без особого труда тянем рыбку из пруда.

— Двое тянут,— отвечает ему Глеб,— а третий потягивается. Из твоего «оп-ля» ухи не сварить.

Друзья едва успевают нанизывать червей на крючки — такой клев пошел!

— На уху теперь, пожалуй, будет! — хвастается Женя.

— И кошке останется,— соглашается Глеб.

Власа гложет тайная зависть к рыбакам. Но самолюбие не позволяет показать это. И он безразличным голосом произносит:

— Пойду проверю свой крючок, может, съеден червячок?

Влас стряхивает песчинки с живота и неторопливо подходит к своей удочке. Но что такое? Леса пружинит, не поддается. Удилище изгибается в дугу. Влас — дерг, дерг! Ни с места! На крючке что-то очень тяжелое и упрямится изо всех сил.

— Эх... Вот ведь... Наверное, щука,— с дрожью в голосе произносит Влас и не может больше говорить стихами.

Боясь упустить рыбину, он делает подсечку, тянет лесу влево. Краснеет от натуги.

— Сом, братцы... Самый настоящий сом! — ликует Влас и, пританцовывая на песке,

кричит друзьям: — Что вы, филоны, глазами хлопаете? Да плюньте на свою мелочь! На всех троих сомятины хватит!

Глеб наконец оставляет свою удочку и идет на помощь. За ним Женя. Ухватились за удилице втроем.

— Кита и то легче тащить.

— Сразу видно, не из твое-

го семейства, Карпов, рыбина! — язвит Влас. — Одним махом всех побивахом!

Леска вдруг становится послушной. Еще немного, и рыба будет на мели. Влас по колено в воде. Руки растопырены: сому не вырваться! Что-то черное показывается из воды. Влас бросается на добычу пузом.

Потом Маковкин растерянно таращит глаза и поднимается: в руках у него старая шина от велосипеда. Она вся обвита водорослями. С нее и с Власа течет вода.

— Вот так сомятина! — хохочут ребята.

Женя Карпов, подражая Власу, громко декламирует:

— На крючке у Власа сом стал со страху колесом!

Глеб весело подхватывает:

— Поплавок закинул Влас — клюнул целый таран-
тас! Вот тебе и «оп», вот тебе и «ля», вари уху из
«оп-ля»!

Влас, отцепляя крючок, сопит и делает вид, что не слышит издевок.

ОДНА КАПЛЯ НИКОТИНА

Влас Маковкин поднес папиросу к губам, глотнул табачного дыма и вдруг почувствовал, что с миром случилось что-то неладное.

Городская улица пошатнулась и запрыгала перед затуманенным взором, как на экране испорченного телевизора.

Школа, дома, автобусы, пешеходы — все закружилось вокруг Власа огромной фантастической каруселью.

Одиноким милиционер, махавший палочкой на перекрестке, неожиданно размножился в десять таких же милиционеров, и все они, догоняя друг друга, стали проваливаться сквозь землю.

И лишь когда из дымчатой зыби выплыло знакомое с первого класса лицо учительницы, которая шла на встречу Маковкину, карусель прекратилась.

Влас сразу пришел в себя, спрятал папиросу в рукав и как ни в чем не бывало принялся изучать небо.

Там клубились облака. Одно было похоже на боро-
дато-го козла, а другое, с растрепанными краями, на
кляксу. Только клякса не фиолетовая, как в тетрадке
у Власа, а белая, словно голубую небесную страницу
испачкал какой-то другой Влас, у которого были белые
чернила.

— Почему, Маковкин, не в школе? — спросила Анастасия Ивановна. — Опоздаешь на урок.

— Я задачи в уме решаю, — солгал находчивый Влас.

— То-то, я гляжу, — засмеялась учительница, — твои облачные знания рассеиваются на уроках, как дым...

И тут Влас носом учуял, что и впрямь в воздухе чем-то запахло.

— У тебя, Влас, рукав дымится...

— Не может быть! — всполошился Влас и замахал рукой. — Это пыль такая. Под кровать за учебником лазил. Насквозь пропылился... Извините, Анастасия Ивановна, но я побегу. А то, чего доброго, на урок опоздаю...

Возле школы Влас остановился. Завернул за угол, чтобы погасить папиросу. Но она, оказывается, сама погасла.

Откуда же тогда дым? Ах, вон в чем дело — тлеет подкладка на рукаве! Ее прожгло в двух местах.

— Ничего! Никто не заметит. — Влас сунул окурок в пенал и вошел в класс.

Ощущая на языке табачную горечь, Влас на уроках думал о недокуренной папиросе.

— Да от тебя табачищем несет! — поразился Глеб Горошин. — Ты разве курящий?

— Настоящий мужчина! Не то что ты! Вот полюбуйся, — Влас открыл пенал и показал окурок.

— Вместо карандашей носишь? — спросил Глеб. — Пенал-табакерка?

— Хочешь, дам курнуть?

— Мне жизнь еще не надоела. В табаке — я в газете читал — вредный никотин. Одна капля никотина убивает здорового кролика.

— Я не кролик. До ста лет проживу! Вот достану спички и закурю по-новому. Затяжным засосом!

Спички Влас раздобыл в школьном буфете. На газовой плите лежал целый коробок. Влас незаметно сунул его в карман и выбежал на улицу.

— С таких лет дымом голову забиваешь! — увидев в его руке папиросу, заворчал прохожий старик. — Что, тебе раньше времени помереть захотелось? Брось!

Влас юркнул обратно в школу.

«Помереть захотелось»! — мысленно передразнил он старика. — Какой-то маленький окурочек разве может погубить жизнь? Чепуха на постном масле!»

Влас спрятался под пальто в раздевалке, где людей не было, и зачиркал спичкой.

— Одежку решил подпалить?! — словно снег на голову обрушилась гардеробщица. — Убирайся отсюда, поджигатель, пока уши целы...

Вот жизнь! Даже курнуть не дадут. Школа большая, а свободы — никакой! Прямо хоть на чердак или на крышу забирайся. На крыше, пожалуй, еще хуже — на виду у всей улицы, а вот на чердак полез бы. Звонок помешал. Опять беги на урок...

Дома он бросил портфель на кухне возле плиты, где мать готовила жаркое из кролика, и шмыг в спальную. Вынул спички из кармана, прикурил. Дым расползлся в разные стороны и, свиваясь петлями, лез к потолку.

Влас втянул в себя новую порцию дыма и, оттопырив нижнюю губу, струйками выпустил его под нос.

В глазах помутнело. Голова закружилась, и к горлу подступила тошнота.

Он кашлял и сморкался, сморкался и кашлял. Ничего не соображал. Ничего не видел...

Из кухни донесся голос:

— Сынок, обедать пора!

Влас не слышал. Мать позвала еще раз. Снова молчание. Тогда она сама вошла в комнату. Там было дымно и пахло табаком.

«Все стены прокоптил своим куревом,—мысленно ругнула она мужа.— Ушел на работу, а комнату проветрить забыл...»

Сына мать увидела на диване. Он лежал, разбросав руки, и судорожно вздрагивал.

— Проснись,—тормошила она его.— Кролик остывает...

Влас встрепенулся, пролепетал с заиканием:

— К-какой т-такой кро-кролик?... Он давно п-по-помер... Одна кап-кап-капля ни-к-котина...

И снова закрыл глаза, уронил голову на диван.

«От уроков, видать, ум помутился, бредить начал. Пусть поспит,—вдохнула мать.— Да, нелегко нынче детям знания даются...» Она подошла к окну и распахнула форточку. Струя свежего воздуха ворвалась в комнату. Дым постепенно рассеялся.

Влас очнулся, когда матери рядом уже не было. Долго не мог понять, где он. Поднялся, протер глаза, глянул на свое отражение в зеркале. Лицо блее, чем стена в спальней. Щеки впалые. Покрасневшие глаза по-стариковски слезились.

— Погибаю, как кролик...— простонал он.

Лицо в зеркале начало расплываться, туманиться, медленно исчезать из виду.

Власу стало страшно. Он провел ладонью по взмокшему лицу и почувствовал, что пот на лбу не горячий, как обычно, а холодный, будто осенние дождики.

СОВЕСТЬ В ФУТЛЯРЕ

— Ребята,—спросила Катя Праздникова,— вы не находили моей авторучки?

— Какого цвета?—поинтересовался Тараска Котов.— Случаем, не черного?

— Да, черного. Ты разве видел?

— А как же! В баню побежала. Отмылась. Помахала рукой на прощание.

— Фи, как глупо! — фыркнула Катя. — Папа мне из-за границы ее привез. С вечным пером! Она в коробке лежала. А теперь ни футляра, ни ручки! Что я папе скажу?

— Пусть черных больше не дарит...

Одноклас с н и к и, стоявшие рядом, покосились на Котова, а Глеб Горошин сказал:

— Нашел время паясничать! У самого небось прошлый раз резинка потерялась, так в каждый портфель нос совал, в учительскую бегал ябедничать.

— Не пальцем же ошибки стирать? Анастасия Ивановна не любит, когда я пальцем. Грязь остается.

— Мой руки чище, — сказал Глеб и полез в портфель за учебником.

Катя Праздникова увидела в его портфеле коробок от авторучки.

— Мой! Честное слово, мой! — И тут же раскрыла коробок: — Пусто... Куда же ручка делась?

— У Глеба спроси, — ухмыльнулся Тараска. — Он

большой специалист по хранению награбленного имущества...

— Помолчи, шут гороховый! — обозлился Глеб и вернулся к Кате: — Странно. Я коробок не брал, а он оказался каким-то образом у меня...

Глеб выпотрошил из портфеля все содержимое, раздвинул пенал, потряс учебниками над партой, словно авторучку можно спрятать между страницами.

— Он ручку кому-то отдал, а футляр припрятал, чтобы следы замести,— уличила Соня Углова.

— У него у самого совесть в футляре,— сказала Света Оленина, председатель совета отряда.— На сборе надо пропесочить!

— В каком-то государстве за воровство руки отрубают,— вспомнил Женя Карпов.

Оправдываясь, Глеб вывернул карманы брюк. На пол посыпались хлебные крошки, бумажки, скрепки. Звякнули и укатились под парту две маленькие монеты. Горошин был так расстроен, что не стал поднимать их.

— Убедились? — кричал он, оттопыривая для всеобщего обозрения подкладку карманов.— Не мог же я, в самом деле, ручку с бутербродом проглотить!

В голосе Глеба звучала такая обида, что Власу Маковкину стало жаль друга. Влас полез под парту, подобрал с пола две копейки, отдал Глебу:

— Возьми. С такими деньгами грабителей не бывает...

— Дружка прикрываешь? — многозначительно прищурился Боря Саблин.

— Как будто он виноват...

— Если не он, так кто же? Ты с Глебом за одной партой сидишь...

— Они сообщники! — воскликнул из-за Бориной

спины Тараска Котов.— По глазам вижу — вечное перо они вдвоем похитили...

— Кто это там голос подает? — Влас вытянул шею.— Покажись на свет. Может, еще чего-нибудь разглядишь в глазах...

— Ишь напугал! — Тараска бочком продвинулся вперед, опасливо прикрывая ладонью грудь.— В тебе с первого класса пережитки сидят.

— Сам ты сидячий пережиток!.. Скажи, кто на прошлой неделе в учительской палец у скелета украл?

— Палец сам отвалился...

— А ты его в карман, да? Скелет обворовал!

— Пусть он еще про лошадиный хвост вспомнит,— подсказал Глеб Горошин.— Мне конюх подарил, чтобы леску для удочки скрутить. В перемену от хвоста два волоска осталось. Стащил кто-то... Говорят, Котов за конский хвост дома оловянных солдатиков к потолку подвешивает...

— Подвешиваешь или нет? — в упор спросил Тараску Влас Маковкин.— Молчишь?.. Невинный Горошин перед тобой карманы выворачивал. И ты выворачивай! Проверим, кто ручку прикарманил.

— У меня штаны без карманов — я не мог прикарманить.

— Даже родители тебе не доверяют, раз карманы зашили. Признайся, куда ручку дел?

— Никуда я не девал. Не у меня же коробок нашли...

— Лишь ты один видел, как ручка в бане отмылась,— с ехидством напомнил Влас.— Куда она после бани побежала?

— Отвяжись...

Тараска попятился. Пальцы его нервно теребили пуговицу на рубахе.

— Что это ты без конца за грудь хватаешься? Подозрительно. Чесотка напала?

— Не выдумывай! — Тараска отдернул руку от рубахи и заскреб затылок. — У меня затылок чешется. Что ж, по-твоему, я ручку в затылке прячу?

— Так вон в чем дело! Хорош конспиратор, ничего не скажешь, — ухмыльнулся Влас и вдруг сунул руку Тараске за пазуху. — Ага! Попался!.. Ручку, значит, под рубаху, а футляр — Глебу в портфель?

— Следовало бы руку жулику отрубить, — грозно насупил брови Женя Карпов.

— Чем же он тогда ошибки будет стирать? — не согласился Влас. — Мы по-другому его накажем... Катя, я видел у тебя иголку с ниткой. Дай-ка ее сюда!

Не понимая, в чем дело, Катя подала иголку Власу.

Строгим голосом Маковкин приказал Тараске:

— Вбери руки в рукава и не шевелись. Стой, как глиняный истукан в парке культуры и отдыха! Я тебя штопать буду...

Влас ухватился за обвисший конец рукава и стал его зашивать:

— Не будет совать руки куда не следует!

ПЯТЕРКА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Заглянув в свою тетрадь, Соня Углова воскликнула:

— Ой, да тут двойка!

На лице был такой испуг, словно ей за шиворот сунули мыщонка.

Женя Карпов обернулся, посмотрел на оценку в тетрадке и пожал плечами:

— Чего же ойкать? Самая обыкновенная двойка с хвостиком. Ты что — двоек в глаза не видела?

— Откуда она взялась? Анастасия Ивановна до-

машинное задание еще не проверяла. И ошибок нет. За что?

Женя забрал тетрадь и стал изучать. Ни кляк, ни помарок. Предложения с подлежащим и сказуемым выведены аккуратно, и запятые на своих постах. Ни одной пометки красными чернилами. Только двойка красная, с красивым завитком на кончике. Раз она здесь стоит, значит, что-то не в порядке.

— Ты пишешь букву «ш» словно «т», но только в перевернутом виде,— начал придираться Женя.— А «з» у тебя на тройку похожа.

— Не на двойку же ей походить!

— Ошибочка! — уличил Женя.

— В каком месте?

— Читай. Тут написано: «Овца села свеклу». Как понять? Села на свеклу? Съела свеклу? А может, овца сеяла свеклу? Неразбериха!

— Твердый знак пропустила,— смущенно призналась Соня.— Анастасия Ивановна не заметила, а то бы поправила...

Учительница, проходя мимо, остановилась возле парты:

— В чем дело, Углова?

— Да вот...— замешкалась Соня.— Двойка...

Анастасия Ивановна приблизила тетрадь к глазам:

— Ничего не пойму! Рука не моя, а чернила как будто мои... Вероятно, в классе еще один учитель объявился. Интересно бы с ним познакомиться...

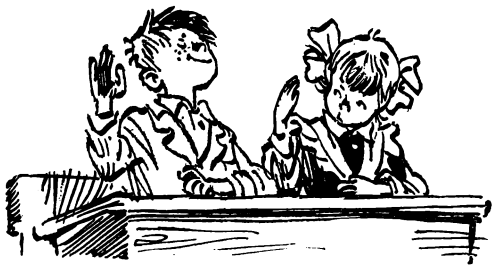
Она возвратилась к столу, подняла раскрытую тетрадь над головой и показала двойку ребятам:

— Чья работа?

Класс молчал.

Тогда Анастасия Ивановна подняла двойку еще выше:

— Смотрите, какая культурная двойка. По-лебеди-

ному шею выгнула. Большой знаток рисовал! Решил, видимо, помочь учителю ставить оценки. А теперь скромничает, не сознается. Жаль. Я бы хотела, чтобы он и дальше со мной сотрудничал... Ребята, кто из вас желал бы помочь учителю проверять тетради?

Предложение было настолько неожиданным, что ученики заколебались.

И только отличницы Лена Блузкина и Света Оленина нерешительно подняли руки.

— Смелее! — подбодрила ребят Анастасия Ивановна. — Я вас по-серьезному прошу...

Над партами сразу взметнулось тридцать рук. Даже двоечник Тараска Котов проголосовал.

— Столько помощников! Мне и делать будет нечего, — улыбнулась Анастасия Ивановна. — Выберем пока одного. Кого бы?

Взгляд ее задержался на руке Власа Маковкина:

— Начнем, пожалуй, с Маковкина. У него на пальце я вижу красное чернильное пятно. Значит, кое-какой учительский опыт он уже приобрел...

Лицо у Власа вытянулось. Он быстро сунул руку под парту, тяжело засопел. Надо же так опростоволоситься! Но кто знал, что ручка, которую он в перемену обмакнул в учительскую чернильницу, оставит предательский след? Моргай теперь глазами перед всем классом... Влас поднялся и заморгал:

— Верно. Моя двойка... Что ж мне теперь — в директорскую?

— А зачем? Будешь продолжать начатое дело, — миролюбиво сказала Анастасия Ивановна. — Я понимаю, у тебя было мало времени. В спешке ты не заметил у Угловой кое-каких ошибок. Дело поправимое. Возьмешь тетрадь домой и еще раз посмотришь. Заодно захватишь и некоторые другие тетрадки. Поставишь справедливые оценки. Как настоящий учитель.

Всего ожидал Влас, но только не этого. В мыслях у него начался дикий переполох. Голова никак не сообразит что к чему. С одной стороны, вроде бы и хорошо, что в директорскую не вызывают, а с другой стороны... Непонятно, почему учительнице вместо наказания вздумалось оказать ему почет? Странно ведет себя Анастасия Ивановна. Очень странно.

Вчера она сама по всем правилам отчитывала Маковкина, когда он, бледный, стоял у доски и не знал, какие знаки препинания ставить в сложном предложении. А сегодня дает задание проверять чужие тетрадки. Придется ставить оценки. Двойку Соне Угловой он уже поставил. Лучше некуда! Даже Анастасии Ивановне понравилось. С таким же успехом Влас может вывести и тройку, и четверку, и пятерку — кто что заслужит.

Учительница положила ему на парту пачку тетрадей и дала наказ:

— Будь строг. Постарайся не пропустить ни одной ошибки.

— А отличникам можно двойки ставить?

— Если заслуживают...

— Запляшут они у меня, голубчики!

Дома он первым делом, конечно, стал проверять тетрадь Лены Блузкиной. Такие сложные предложения наворотила, столько запятых, точек и двоеточий наставила, что у Власа зарябило в глазах. Попробуй разберись в этом хаосе! словно нарочно решила Власу голову поморочить. Ничего, он разберется. Все ошибки выведет на чистую воду! Не видать Лене пятерки как своих ушей!

С двоеточиями все ясно — они ставятся (Влас запомнил это) перед перечислениями. Тут ошибок нет. А вот как быть с точкой с запятой? Затесалась в самую серединку длинного предложения и стоит. Здесь ли ей место? Влас не знает. Когда в классе про точку с запятой объясняли, он смотрел в окно на прыгающих воробьев. Лена тоже смотрела на воробьев. Наверное, и она пропустила правило мимо ушей. Вот тут-то он ее и поймает, как птенчика...

Влас раскрыл учебник и прочитал: «Точка с запятой ставится в том случае...»

Экая досада! У Блузкиной, оказывается, все верно. Хочешь не хочешь, а ставь пятерку.

Зато в тетради у Светы Олениной он сразу обнаружил ошибки: в двух случаях буква «ё» стоит без точек наверху. Влас поставил красным карандашом жирные точки и вывел оценку «4». Потом вспомнил, что сам он все время забывает ставить точки над «ё», и нарисовал после четверки плюс. Пусть Оленина убедится в его справедливости!

Домашнее задание Тараски Котова Влас проверял с особым наслаждением. Прочитал слово «биреска» и дважды радостно подпрыгнул, так как сразу обнаружил две ошибки. Прочитал «агурец» — и тоже подпрыгнул. Так и прыгал, сверяя каждое слово по словарю,

пока не дошел до последнего предложения: «Ученика Маковкина аставели пасля занятий».

— Ишь какой грамотей! — возмутился Влас. — Будешь знать, Тараска, как имя нового учителя порочить!

И старательно вывел в тетрадке оценку, какую редко ставит Анастасия Ивановна, — кол. В следующей тетради Влас с помощью словаря обнаружил семь ошибок. Собрался было вклеить ученику за безграмотность двойку, но тут вспомнил: «Да ведь это же моя тетрадь! Двойка — оценка не для учителя...»

Он переписал домашнее задание заново и внизу красным карандашом сам себе поставил по грамматике первую за всю четверть пятерку. Хотел поставить еще и плюс, но раздумал — скромность помешала.

«ОДНАЖДЫ МНЕ БЫЛО ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО...»

Влас списал с доски тему домашнего сочинения — «Самый веселый случай» и подпрыгнул от радости. Чепуховое задание! Каждый день в жизни происходит что-нибудь смешное. Садись и пиши.

Дома он раскрыл тетрадь, обмакнул перо в чернильницу и, не задумываясь, вывел:

«Однажды мне было очень весело».

Первое предложение сложилось легче, чем два плюс два — четыре. Начало, как пишут писатели-классики, — великое дело! Решив, что и дальше все пойдет, как у писателей-классиков, Влас снова обмакнул перо. И еще раз обмакнул. И еще... Раз десять тянулся к чернильнице, но ничего не написал. Тогда стал вспоминать дни, когда ему было очень весело. В первом классе был такой случай. На уроке арифметики Влас от нечего делать насовал в уши бумагу. Всю перемену ходил по классу, разговаривал с кем угодно и никого не слышал.

Понимал только самого себя. Что говорят товарищи — не понимал. Шевелят губами, а слов не произносят. Словно он глухой, а они немые. Как в подводном царстве. Потеха! Мальчишки смеялись. И Влас смеялся.

А на другой урок в класс пришел летчик с орденами на груди и стал рассказывать о чем-то героическом. Ребята замирали от восхищения. А Влас ничего не слышал. Попытался очистить уши. Но бумага засела так глубоко — не вытащишь. От досады Влас готов был рвать на себе уши — вместе с бумагой. Одноклассники сочувствовали Власу. По очереди ковырялись в его ушах. Бумага не слушалась пальцев, уходила еще дальше. Никто из ребят не смог выковырнуть. И учительница не смогла. Даже летчик-герой не сумел исправить оглохшие уши. И бедного Власа повезли в больницу на «Скорой помощи»...

Разве это назовешь «самым веселым случаем»? Кому-то, может, и было весело, а Власу не очень.

Нет, об ушах писать не стоит! Лучше написать о том, как однажды сделался снеговиком. Облепился Влас снегом с головы до пят. Воткнул себе уголек вместо носа, напялил на голову дырявое ведро. Все утро с метлой в руках простоял у подъезда дома. Никто не узнал. Все дело испортил дворник дядя Фирс. Подошел к снеговiku и ударил по ведерку лопатой. Власова голова целиком — до самых плеч — ушла в ведро. Он отчаянно завизжал и стал махать метлой. Ведро тут же сняли. Но Влас уже не был похож на снеговика. Соседка Ираида Захаровна назвала Власа «снежным бездельником», а дядя Фирс сказал, что у него «ветер в голове». Комедия!

Но, несмотря на это, писать сочинение о снеговике Влас раздумал — конец слишком грустный. Хорошо бы вспомнить другой случай, повеселее.

Может, описать драку кошки с собакой, которых Влас привязал друг к другу за хвосты? Пожалуй, не стоит. Учительница Анастасия Ивановна предупредила, что сочинение должно быть не просто смешным, но еще и поучительным. Кошка с собакой разве могут чему-нибудь научить? Их самих дрессировать надо, чтобы не перещарапались.

Другое дело — полезная игра в трубочистов. Ее Влас придумал в третьем классе, когда целую неделю замещал больного звеньевого. Пионеры лазили по крышам домов и на общественных началах чистили веником трубы. От сажи стали чернее негров. Одна старушка приняла Власа за черта. Перекрестилась и завопила на всю улицу: «Сгинь, нечистая сила!» С испугу Влас ухнул с крыши в сугроб. Правую ногу повредил. Пришлось прыгать до дому на одной левой. Потом целую четверть ребята звали его «нечистой силой».

«Напиши сейчас об этом сочинение,— подумал Влас,— снова начнут так дразнить». И он приуныл. Перестал макать ручку в чернильницу. Смотрел в тетрадь и в который раз перечитывал одну и ту же фразу: «Однажды мне было очень весело».

Когда «было»? Выдумка все это! Только со стороны может показаться, что ему всегда весело. А на самом деле — смех сквозь слезы. Не было никогда весело! И никогда, надо полагать, не будет. Почему? Да потому, наверное, что жить не умеет, как все остальные люди.

«Возьму вот сейчас,— решил Влас,— и устрою себе настоящую веселую жизнь! А потом опишу в сочинении».

Прежде всего надо создать радостное настроение. Без настроения какое же веселье!

Влас начал громко смеяться:

— Ха-ха! Ха-ха! Ха-ха!

Он так старался, что люстра на потолке качнулась

и задребезжала. Чем дольше хохотал Влас, тем хуже делалось настроение. Когда живот заболел от хохота, он окончательно понял — нет веселья!

Как же улучшить настроение?

Он забрался с ногами на диван, запрыгал и запел:

— Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота..

Прыгать и петь надоело. Принялся дергать себя за ухо и нос. Потом встал на пол вверх ногами. Было трудно удержать равновесие, и он громыхнулся, задев шкаф боком. Шкафу ничего, а боку больно.

Влас почесал бок и задумался. Взгляд его упал на настенные часы. Тут же возникла новая идея.

Влас привязал к гире под часами свой школьный дневник и стал раскачивать. Гиря с дневником удержались, а маятник отвалился, и часы остановились.

Радости от этого не прибавилось...

В школу Влас Маковкин принес сочинение, состоящее из одного предложения:

«Однажды мне было очень весело»..

ДЕСЯТЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ПЕТУХА

ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ ЖИЗНИ ПЕТИ КУЛЕМИНА

Вы, наверное, решили, что Петух — птица. Ничего подобного! Стану я курами да петухами заниматься! Петух — это Петя Кулемин, мой сосед по парте. Все мальчишки в нашем классе его так зовут.

Конечно, интереснее было бы писать не о Петухе, а о приключениях какого-нибудь отважного следопыта или космонавта. Но в нашей школе ни следопыты, ни космонавты не учатся.

Поэтому я взял ручку, бумагу и стал правдиво описывать жизнь и похождения Петуха. Вот что у меня получилось.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

ЛЕТУН

Весь урок Петя вел себя странно. Глаза как-то пугливо бегали, руки дрожали, а ноги под партой подпрыгивали, словно кто-то тыкал ему в пятку иголкой. Я решил, что Петю укусила бешеная собака.

— Я летуна ночью видел,—шепотом признался Петя и посмотрел так, что по моему телу забегали мурашки.— Не веришь? Слово даю. Честное-расчестное.

— Какой такой летун?

— Черный. Бормочет что-то непонятное, крыльями хлопает, на людей бросается. У нас позади дома живет. Бабка сказала, что бог прислал мне летуна за непослушание. Теперь моей жизни как-то приходится. Бабка заставляет каждое утро молиться, у бога прощение вымаливать.

— А ты и слушаешься?

— Кому же умирать охота! В бога не верю, а молюсь. Жизнь свою спасаю.

— Ну и дурак! Давно бы палкой огрел летуна, чтобы не приставал.

— Огреешь его! Как же! Он божественный, с неба на землю в командировку послан!

И Петя нарисовал мне страшную картину. Оказывается, до вчерашней ночи он сам не верил в существование нечистой силы, которой пугала его набожная бабка. И в летунов тоже не верил, хотя, по утверждению бабки, они после захода солнца ежедневно прилетают в заброшенную баню, чтобы подкараулить и заклевать непутевого Петю. Ночью он специально побывал в бане и сам все выяснил. Бабка не соврала. Из темного угла на Петю с криком и клокотанием набросился огромный хвостатый летун и чуть было не разорвал его острыми когтями. У Пети до сих пор зуб на зуб не попадает.

— Можешь сам посмотреть летуна, если жить надоело,—проговорил Петя.— Он прилетит ночью.

И вот мы оба возле бани ждем темноты.

Когда колокол на пожарной вышке пробил двенадцать часов, Петя испуганно пролепетал:

— Ступай. Теперь летун на месте.

— А ты?

— Меня туда калачом не заманишь...

Я оставил Петю одного, а сам зашагал к бане.

— Перекрестись для храбрости! — крикнул Петя.

Я отважно помахал ему палкой и шагнул в предбанник. В темном углу кто-то зашевелился. У меня ёкнуло сердце. Но я не растерялся. Зажмурился, размахнулся и, ничего не видя перед собой, полоснул дубинкой воздух.

Затем открыл глаза.

И что увидел? Паутину! Она, растерзанная моей палкой, качалась в углу бани. Вот тебе и «божественное чудовище»! Смехота!

Мне вдруг стало весело-развесело. Я захлопнул за собой дверь и побежал к Пете:

— Где же твой летун? Он тебе померещился. Там одна паутина ночует.

— Да нет же! Я его своими глазами видел, как вот сейчас тебя вижу. Ей-богу. Наверное, кончилась у него командировка.

Петя захотел сам все проверить и боязливо распахнул дверь предбанника.

Обратно он выскочил как ошпаренный, крича во все горло:

— Летун!

За его спиной большое и темное существо хлопало крыльями, грозно вскрикивало:

— Ко-ко-ко-ко!

Тут мы оба припустились что есть мочи.

На другой день о нашем ночном приключении говорило все село. Петина соседка тетя Феня, узнав о летуне, сама пошла вечером в разрушенную баню. И что ж вы думаете? Вернулась живая! Да еще с петухом в руках. Мы с Петей готовы были от стыда провалиться сквозь землю.

Петух, большекрылый и важный, с разноцветными перьями на хвосте, вертел красным гребнем и насмешливо косил круглым глазом на меня и Петю.

— Надо же! Третью ночь не приходит в курятник ночевать,— пожаловалась тетя Феня.— В бане прячется, детишек пугает. Вот летун проклятый...

С тех пор стала тетя Феня звать петуха летуном. Зато Петю Кулемина теперь все называют не иначе как Петух.

Меня бы, наверное, тоже так прозвали, но спасла фамилия — Воробьев.

ПЕС БАРБОС И ДВЕНАДЦАТЬ РАЗБОЙНИКОВ

Кинофильм про веселого пса Барбоса крутили в нашем клубе шесть раз. Не фильм, а умора! Мы каждый вечер бегали в клуб хохотать. Петя Кулемин до того нахотелся, что с первого же сеанса начал икать. Через каждое слово ик да ик:

— Мировая, ик, картина! Собака, ик, как клоун. С ума, ик, сойдешь!

— Петя, что с тобой? — спросил я. — Голос у тебя как через барьеры прыгает.

— Сейчас, ик, пройдет. Дай, ик, воды, ик, попить.

Петя перестал икать к концу недели, когда «Пса Барбоса» увезли в другое село, а нам прислали «Двенадцать мужчин и одну девушку». Фильм так называется. Заграничный! Афиша предупреждала: «Дети до 16 лет не допускаются». Такая жалость! А все из-за женщин. Если бы просто двенадцать мужчин и никакой женщины, школьников наверняка бы пустили.

Петя неожиданно признался:

— Я эту женщину и всех двенадцать мужчин своими глазами видел. В клуб без билета прошмыгнул. Картина — закачаешься.

— Интересно! Расскажи! — в большую перемену мы всем классом обступили Петю.

— Кстати, пес Барбос там тоже участвует. Только он тощий и злой. Не то что в нашем фильме. Заграничный климат для него хуже горькой редьки. Вот он и поджал хвост. Правда, вначале еще кое-как вилял хвостом, когда красивая женщина, по имени Джульетта, его по шерстке гладила. Но потом появились двенадцать мужчин. Вот тут-то он и рассвирепел. Вы думаете, эти мужчины были настоящие? Дудки! Разбой-

ники! Все двенадцать в черных масках, в перчатках. И с ножами!

— Ой, умру на месте! — пискнула Зина Синицына. Мы на нее зашикали:

— Молчи, трусиха! Не перебивай человека на самом интересном.

Петя продолжил:

— Двенадцать разбойников задумали убить Джульетту. Им, видишь ли, не понравилось, что она помогла бедным и пригрела пса Барбоса, который больно кусал капиталистов.

— Жуть,— простонала Зина.— Неужели зарезали?

— Я тоже испугался, когда смотрел. Чуть не заикался снова. Выручил пес Барбос. Он растерзал разбойников на мелкие части и спас красавицу Джульетту.

— И это все? — спросили мы.— Так мало?

— Нет, там был еще один кадр, в самом конце. Джульетта напевает веселую песенку, а пес Барбос виляет хвостом. Но это уже неинтересно.

Теперь мы знали содержание фильма «Двенадцать мужчин и одна девушка» и могли не завидовать шестнадцатилетним.

Но, как назло, афиши у входа в клуб целый месяц запрещали смотреть фильмы детям до шестнадцати лет, хотя в названиях картин не было ни одной женщины. Названия самые что ни на есть детские: «Когда деревья были большими», «Попрыгунья», «Люди и звери». Мы возмущались — до какой жизни докатились, даже о деревьях и зверюшках не дают посмотреть!

Один только Петя каким-то образом ухитрялся ходить на взрослые картины. И все, что видел, нам пересказывал. Какие это были картины! Обалдеть можно. В каждой действовал наш любимый пес Барбос, с ним приключались самые невероятные истории. Даже как-то не верилось.

— Других собак, что ли, не нашли? — спросил у Пети староста класса Володя Курбатов. — Все пес Барбос да пес Барбос...

— Фью! — насмешливо свистнул Петя. — Староста, а не понимаешь простых вещей. Собак на свете много, но все они чепуховые собаки. Пес Барбос артист. Киношники забрали его и не выпускают. Заставляют, пока пес молодой и лаять не разучился, в каждом фильме сниматься.

Тут из окна школы мы увидели киномеханика. Он шагал важно и, словно первомайский плакат, держал в руках фанеру с новой афишей. Мы прочитали: «Мишка, Серега и я».

— Ура-а! — закричал Сеня Куликов. — Детский фильм.

— Откуда ты взял, что детский? — спросил Володя Курбатов. — По названию? Так нам даже «Попрыгунью» не показали. Не покажут и «Мишку...».

— А я его видел, — сообщил Петя. — В каникулы. Фильм про медведя Мишку и двух его друзей-мальчишек.

— И про Барбоса? — спросил я.

— И про Барбоса тоже.

— Вот здорово! Расскажи...

Неожиданно раздался звонок.

— В следующую перемену... — пообещал Петя.

Урок Петя не слушал. Скрестил руки на парте, склонил голову и уставился в пол. Долго-долго смотрел. А потом зажмурился.

Александр Федорович, объясняя урок, водил указкой по карте и рассказывал нам, какие высокие горы есть на Кавказе, какие там растения растут и какие животные по лесу бродят. Слушать было интересно, и я не обращал внимания на своего соседа.

— Косолапый, стой... Сейчас позову Барбоса...

Я не сразу сообразил, чей это шепот. Думал, помечталось. Взглянул на Петю. Он сидел в прежней позе. Только рукой водил, словно гладил что-то живое, а не парту. Я решил, что Петя разыгрывает меня, и снова стал слушать учителя.

И тут снова тихое Петино бормотание:

— Серега, вяжи бандиту руки... так... Пусть Барбос караулит... Мишку на погранзаставу послал...

Больше я уже не мог смотреть на карту и слушать про какие-то Кавказские горы. То, что говорил Петя, было куда интереснее! Он двигал под партой ногами и чуть слышно лепетал:

— Мы просим также наградить Барбоса с Мишкой... Вели себя героически... Нет, нет, и этот не уйдет... Хорошо... Выполним... Вперед, друзья!

Последние слова Петя произнес громче, и я испугался, что услышит Александр Федорович. Но учитель был занят картой и не услышал.

После урока я спросил у Пети:

— Ты все новые картины про Барбоса сам придумал?

— Ага,— признался Петя.— Только ты никому не говори. Завтра я еще интереснее придумаю.

Вечером перед сном я долго старался придумать что-нибудь необычное и веселое про пса Барбоса и разбойников. Но, как я ни старался, у меня ничего не придумалось и ничего не приснилось. Всю ночь я спал очень скучно.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ

УМНЫЙ ЛОБ

На дом нам задали басню Крылова «Кукушка и Петух». Александр Федорович сказал, что учить ее мы будем не так, как другие стихи, а по-особенному.

— Разыграем басню в лицах. Один из вас выучит речь Кукушки, второй — Петуха, а третий будет изображать Воробья. Согласны?

— Согласны! — обрадовались мы, потому что учить басню по кусочкам куда легче, чем целиком.

— Вот и хорошо, — одобрил Александр Федорович. — Кто же будет Кукушкой?

В классе сразу стало тихо. Никому не хотелось брать какую-нибудь роль. Лишь одна Света Мамонтова подняла руку.

— Значит, так и решим: Света исполняет роль Кукушки. А кто будет Петухом? Хотелось, чтобы его играл мальчик.

С разных мест сыпались предложения:

— Петю Кулемина в Петухи!

— Петуха будет играть Петух!

— Он кукарекать умеет...

Петя ерзал на парте и недружелюбно поглядывал на ребят. Но учитель уже записывал в тетрадь его фамилию.

Речь Воробья поручили выучить мне лишь потому, что я Воробьев. Я не стал ломаться и согласился. Во-первых, у Воробья в басне слов меньше, чем у других, а во-вторых, из всех птиц, о которых пишет Крылов, Воробей оказывается самым умным. Это он набрался храбрости сказать Кукушке и Петуху: «Друзья! Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, — всё ваша музыка плоха!»

Всю перемену Петя ходил мрачный и надутый. Он даже не захотел заглянуть в газету, которую мы рассматривали всем классом. Там были напечатаны портреты инженеров, которые изобрели могучий корабль с подводными крыльями. Володя Курбатов сказал, что они очень умные люди.

«Вот тот, у которого до самой макушки волос нет, наверное, самый умный», — решил я.

Петя стоял в сторонке. Я думал, что он не слышал нашего разговора. Но на уроке истории Петя неожиданно сказал:

— Покажи, Воробей, газету.

Он долго и внимательно рассматривал лица изобретателей.

— Да, лбы у них не то что у меня. С большим лбом я бы стишок одним махом выучил...

Басню в лицах мы разыгрывали в понедельник.

Александр Федорович вызвал меня, Свету Мамонтову и Петю Кулемина к доске. Мы встали плечом к плечу за спиной учителя. Начали разыгрывать басню в лицах. Света, словно артистка, сделала лукавые глаза и, обращаясь к Петуху, сказала писклявым голосом:

— Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!

Ей отвечал Петя:

— А ты, Кукушечка, мой свет, как тянешь плавно и протяжно: во всем лесу у нас такой певички нет!

Тут он широко раскрыл рот и на весь класс пропел:

— Ку-ку-ре-ку-у!

Все мальчишки пришли в дикий восторг — до того здорово получается у Пети петушиный крик!

Света выждала, когда утихнет шум, и продолжала:

— Тебя, мой куманек, век слушать я готова.

— А ты, красавица, боюсь, лишь только замолчишь... замолчишь... замолчишь...

Петух на этом месте споткнулся и заговорил, как патефон, когда иголка крутится на одном месте. С передней парты ему стали подсказывать:

— ...то жду я не дождусь, чтоб начала ты снова...

Но Петя ничего не слышал. Он дергал меня за рукав, ожидая моей подсказки. Ну что я мог сделать? Я

знал лишь воробьиные слова. И я громко произнес их:

— Друзья! Хотя вы охрипните, хваля друг дружку,— всё ваша музыка плоха!

— Воробьев,— строго взглянул на меня Александр Федорович,— не торопись. До тебя еще очередь не дошла.

Петя, вспоминая басню, усиленно тер лоб. И тут я увидел, что лоб у него не такой, как вчера, а значительно больше. Сения Куликов тоже обратил внимание на его лоб:

— Смотрите, а наш Петух поумнел...

Александр Федорович посмотрел и весело спросил:

— Петя, кто тебе подстриг лоб?

Петя стоял как пришибленный и хлопал глазами. У него горели щеки, уши и кончик носа.

— Я хотел басню поскорее выучить,— с трудом выдавил Петя.

Мы за животы ухватились от смеха. Придумал же!

Вместе с нами смеялся и Александр Федорович.

Нас всех троих учитель отправил на место. Я был доволен, что успел, хотя и раньше времени, выкрикнуть умные воробьиные слова. И смеялся больше всех.

— Чего гогочешь, как гусак? — мрачно спросил Петя и угостил меня подзатыльником. — В следующий раз не будешь подсовывать газетки с большелобыми.

Вот те на — я же и виноват! Собственным лбом надо было соображать.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

САМЫЙ КРАСИВЫЙ

В полдень почтальон принес в класс письмо со странным адресом. Помимо названия села и нашей школы на конверте было написано:

«4-й класс «Б».

Вручить мальчику, который самый красивый».

Диковина! Таких писем, наверное, никто в целом мире не получал.

Прежде чем отдать письмо нашему старосте Володе Курбатову, почтальон пристально посмотрел на него и, уходя, заметил:

— Учти — письмо должен распечатать самый красивый.

— Ладно. Поищем...

Но определить, кто из нас самый красивый, оказалось настоящей головоломкой. Если бы письмо было адресовано красивой девочке, то тут и думать нечего. Зина Синицына давно бы уже распечатала конверт. Красивее ее нет никого в классе. Так считают и все мальчишки и все девчонки. Наш учитель Александр Федорович даже однажды сказал:

— Ты у нас, Зина, самая красивая, а вот по знаниям — совсем не то. Ленишься.

На другой день Зина пришла в школу с двумя огромными голубыми бантами на голове. Девчонки заахали:

— Ах как красиво! Ах какая ты нарядная!

Но на уроке арифметики Зина, несмотря на свою красоту, не смогла решить пустяковую задачку. Александр Федорович поставил ей двойку. Соседка Зины по парте Нина Никифорова презрительно фыркнула:

— Никакая она не красавица! Нарядная пустышка — вот и все. Одной внешности недостаточно. Нужны еще красивая душа и умная голова. Так Чехов говорил. Человек без красивой души — ноль без палочки.

Жаль, что Нина Никифорова больше не учится в нашей школе. Она вместе с родителями уехала в другое село. Нина наверняка сумела бы определить, кто из наших мальчишек красивее всех. Спрашивать же учителя опасно — еще, чего доброго, подумает, что мы заботимся о своей наружности, а на уроки нам наплевать.

Мы о красоте раньше вовсе и не думали. Девчонки — те думали, а мы нет. Так бы, наверное, и прожили всю жизнь, если бы не это странное письмо. Задало оно нам задачу! Попробуй догадайся: кто самый красивый?

Я хотел было назвать себя, но вовремя спохватился: у меня волосы на макушке ежиком торчат!

Сеня Куликов тоже чистосердечно признался:

— Нос у меня больно длинный. Не гожусь.

— Нос — ерунда, — серьезно сказал Володя Курбатов. — У тебя, Сенька, мускулы жидкие. Красивый человек не может быть рахитиком.

— Мускулы не главное, — возразил Сенька. — Главное, чтобы мозги работали.

— Тогда ты тем более не красавец. В шахматы каждый раз продуваешься. Какие же у тебя мозги?!

— Сенька еще лягушек боится, — подсказал я. — Тоже мне красавец!

— Сам не лучше,— обиделся на меня Сенька.— На сквозняке не можешь сидеть — чихаешь, как верблюд.

Мы до хрипоты спорили о достоинствах каждого из нас. Один был признан слишком болтливым, у другого — болячки на лице, у третьего — в табеле двойки да тройки, у четвертого — лоб низкий... Так и не нашли мы настоящего красавца!

Письмо осталось нераспечатанным. Но что поделаешь — справедливость прежде всего!

Наш староста класса печально вздохнул, положил письмо на подоконник и дал один час на размышления:

— Пусть каждый еще раз подумает о своей красоте. Кто почувствует, что в нем красоты больше, чем безобразия, тому и письмо в руки.

Весь следующий урок мы сидели задумчивые. Вдруг Петя Кулемин, чему-то обрадовавшись, толкнул меня в бок:

— Посмотри, Воробей, мне в глаза.

Я посмотрел и ничего не увидел.

— Ты как следует посмотри. У меня глаза красивые. Правда?

— Скажешь тоже! Глаза у тебя, как у совы. Круглые.

— Зато нос как у моей бабки. Мама сказала, что бабка в молодости красавицей была.

— То бабка. У тебя должна быть своя красота, мужская. Понятно?

— А волосы? Знаешь, какие у меня волосы — с кудряшками! Только жаль, летом отец их машинкой состригает.

— Тебя бритвой надо скоблить. Подчистую! С кудряшками ты на барана похож.

— Я же сейчас без волос. Значит, на барана не похож. Я и есть самый красивый!

В перерыв Петя первым шагнул к подоконнику.

Другие ребята еще из-за парт не встали, а он тут как тут. Схватил письмо — и в коридор. Мы за ним:

— Верни, Петька, письмо! Не то на орехи заработаешь!

А он и слушать не захотел. Тут же распечатал конверт, пробежал глазами по строчкам, презрительно хмыкнул и швырнул письмо.

Мы подняли письмо с пола и прочитали его вслух:
«Здравствуй, зазнайка!

Много на свете я видела разных хвастунишек, но таких, как ты, не встречала.

Красив не тот человек, который сам говорит об этом, а которого люди признают красивым.

Не думай много о себе и не задирай нос выше неба.
С приветом!

Бывшая ученица вашего класса

Нина Никифорова.

Р. С. Я почему-то уверена, что за это письмо ухватишься ты, Петя Кулемин. Неужели ошиблась?»

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЯТОЕ

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Когда мы с Петей проходили мимо клуба, то увидели грузовую машину, у которой над кузовом возвышался огромный брезентовый шатер. На брезенте был нарисован кривоногий и красноносый клоун. Он смеялся во весь рот и плясал над разноцветными буквами ЦИРК. Буквы подражали клоуну — плясали вкривь и вкось.

— Я однажды вот с таким же наклоном диктант писал и кол словил. Несправедливо, — сказал Петя. — Хорошо, когда буквы пляшут. Обхохочешься.

И Петя засмеялся:

— Ха-ха-ха...

— Смешинка напала? — спросил я. — В цирке потому буквы кувыркаются, что там медведи и люди пляшут. В классе плясать запрещено. Вот нас и заставляют писать по линейке.

— Ты мне зубы не заговаривай. Много понимаешь! В цирке вовсе не пляшут. Там прыгают до потолка и выше. А еще женщин пополам перепиливают. Я книжку про волшебника Кио читал.

— Интересно бы посмотреть!

— Пойдем и посмотрим. Сегодня вместо кино — цирк. Уже билеты продают.

Цирк нам обоим понравился. Особенно фокусник. Людей он, правда, не пилил. Зато проглатывал, как галушки, белые шарики и затем ловко вынимал их из ушей и даже из носа.

— Я получше фокус знаю, — похвастался Петя. — Обалдеешь!

В школу утром Петя пришел с решетом — тайком стащил у матери. В решете лежали белые конверты. В конвертах — чистые бумажки.

— Уважаемая публика! — обратился Петя к ребятам. —

Перед вами чудо-решето. Оно помогает мне читать чужие мысли. На чистой бумажке напишите свою мысль, если она у вас есть, и запечатайте в конверт. А я, не распечатывая, отгадаю.

— Вот ляпнул! — зашумели ребята. — Врет и не краснеет. Как Мюнхгаузен.

— Когда это я врал? — возмутился Петя. — Всегда одну только правду говорю. Пишите свои мысли!

Мы решили поиздеваться над Петей. Каждый взял по конверту. Стали писать что придет в голову. Ерунду всякую. Во время большой перемены запечатали письма и бросили их в решето.

— Итак, уважаемая публика, чудо начинается...

Петя вытащил из решета конверт, положил его себе на голову, забормотал непонятные слова:

— Калы-берды, берды-бурда... — его глаза таинственно смотрели в потолок. — В письме, которое на моих волосах, говорится, что я слабак и что меня легко можно заткнуть за пояс.

Петя распечатал конверт, пробежал глазами по письму и грозно насупил брови:

— Кто сочинил такую глупость? А ну покажись!

Никто, конечно, не отозвался. Автор остался неизвестен. Тогда Петя взял из решета еще одно письмо, закрыл им свою макушку:

— Кала-берды, берды-бурда... Эту записку подписала Зина Синицына. Она пишет: «Тебя, Петька, сегодня спросят по арифметике. Вот будет фокус!»

Зина Синицына вскочила с парты, завизжала от радости:

— Угадал! Непостижимо! Черная магия!

Мы все были потрясены. Фокусник смотрел на Зину встревоженно:

— Откуда знаешь, что меня спросят? Александр Федорович говорил? Да?

— Я просто выдумала.

— Тогда другое дело,— повеселел Петя.— Из-за фокуса уроки не выучил. Всю тетрадь по арифметике на конверты истратил... Будем дальше отгадывать мысли.

Он извлек из решета новое письмо. Прежде чем распечатать его, наш классный факир прочитал: «Когда ты научишься умываться, Петя? Опять в ушах грязь. Дежурная по классу Света Мамонтова».

— Таких дурацких вопросов фокуснику не задают,— обиделся Петя.— Грязь моя личная, что хочу, то с ней и делаю.

С помощью своего удивительного решета Петя угадал и мои мысли. Я их выразил в стихах: «Получишь сдачу, если еще раз спишешь у меня задачу».

— Подумаешь, поэт нашелся! В последний раз я вовсе не у тебя списывал, а у Жени Быстрова. А еще у Светки Мамонтовой.

Мы толпились возле нашего волшебника и вытягивали шеи. Каждый старался заглянуть ему через плечо, чтобы разгадать фокус. Но Петя отстранял нас рукой и, колдуя над решетом, таинственно шептал:

— Сосредоточиваюсь, сосредоточиваюсь... Кала-берды, берды-бурда... Не мешайтесь под ногами. Сгиньте! Факиры работают в одиночку.

Он правильно угадал содержание всех писем в решете. И мы поверили, что решето у него действительно волшебное.

Петя ходил по классу, как именинник:

— Мне теперь сам Александр Федорович не страшен. Я заранее все его мысли знаю. Я могу его и загипнотизировать.

Мы и в это поверили, потому что Александр Федо-

рович на уроке арифметики, несмотря на тревожные предсказания Зины Синицыной, не вызвал Петю к доске.

— Меня будут спрашивать тогда, когда я сам того захочу,— уверял Петя.

Мы все позеленели от зависти.

— А завтра ты будешь наши мысли читать?

— Могу каждую перемену читать. А еще лучше было бы вместо уроков.

Второй раз угадывать наши мысли Пете было значительно легче. Мы, убедившись в его факирских способностях, писали только приятное. Одна из наших девочек (а кто — не созналась) написала даже, что после вчерашних фокусов ей всю ночь снился Петя с решетом и что она хочет с ним дружить до старости.

Да и другие записки были не хуже:

«Чудотворец Петя! Сделай так, чтобы у меня не было ошибок в диктантах. Сеня Куликов».

«Поступай после школы в цирк. Женя Быстров».

«Угадай мою дальнейшую судьбу до восьмидесяти лет. Я тебе верю больше, чем цыганке. Зина Синицына».

И только одна Света Мамонтова сочинила вредную записку:

«А уши все же надо мыть».

Мы зашипели на Свету:

— Причем здесь уши, если у человека голова волшебная!

А я посвятил нашему фокуснику еще одно стихотворение: «Только Шерлок Холмс и Петя могут все разгадывать на свете».

Мой друг за один день стал самым знаменитым человеком в классе. Я уже ни в чем не мог отказать Пете. Давал ему списывать задачки, подсказывал на диктантах.

— А еще я могу ушами шевелить,— снова удивил нас Петя.

Он сделал гримасу, и оттопыренные уши у него тихонько зашевелились.

Теперь всем нам стало ясно, почему он не моет уши,— они у него волшебные.

— Петьку можно, как в цирке, за деньги показывать,— сказал длинноносый Сеня Куликов.— Давайте покажем Петьку соседнему классу. Пусть они знают, какие у нас есть чудо-решето и чудо-уши.

— Петька не медведь, чтобы его показывать за деньги,— возразил староста Володя Курбатов.— Пусть Петька бесплатно, на общественных началах читает глупые мысли соседнего класса.

В перемену мы пригласили к себе мальчишек из 4-го «А». Петя, пошевелив ушами, приступил к любимому занятию:

— Кала-берды, берды-бурда...

И, не долго думая, стал без запинки разгадывать письмо, которое лежало у него на макушке: «Я не хочу называть своего имени. Но хочу быть похожим на тебя, чародей XX века!»

Потом распечатал конверт:

— Все правильно!

Вихрастый толстогубый ученик, пришедший к нам из соседнего класса, не знал, что факиру нельзя мешать сосредоточиваться, и поэтому заглянул ему через плечо:

— Хитришь, фокусник! Тут совсем другое написано.

Он отобрал у Пети записку, зачитал ее вслух:

— «Фокусник ты известный — в цирке твое место. Миша Воробьев».

Это было мое новое, самое лучшее стихотворение. Почему же Петя не разгадал его, а прочитал то, чего вовсе и не было?

— Да очень просто,— пояснил вихрастый.— Записку о чародее XX века он выдумал, чтобы можно было вскрыть первый конверт. Говорит одно, а сам читает другое. Заранее узнает, какая дальше будет записка. Тоже мне — чудо в решетке!

Из школы в этот день наш классный фокусник вернулся с порванным решетом. Когда мать увидела изуродованное решето, она оттрепала Петьку за уши.

Целую неделю Петя Кулемин не мог шевелить ушами.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕСТОЕ

НА КОНЧИКЕ ХВОСТА

Нашему классу объявили, что после перемены будет контрольная по арифметике.

Петя вдруг ни с того ни с сего принялся расхваливать меня:

— Замечательный ты парень, Мишка! Настоящий друг! У тебя голова, как у Александра Федоровича! Вот увидишь, тебе когда-нибудь доверят космический корабль и ты полетишь на Луну. С такой головой могут послать.

Мне было приятно слушать такие слова. Я разволновался. По-дружески обнял Петю и тоже стал хвалить его:

— И ты, Петя, друг что надо! Жаль, не везет тебе с отметками...

— Эх, если бы на контрольной по арифметике!.. Выручи сегодня, Мишка! А то провалюсь. Ведь у тебя такая голова...

И тут я раскусил Петькину хитрость:

— Не лебези передо мной, Петух. Задачку решать за тебя все равно не буду.

— А еще друг называется! Зазнайка. О голове своей слишком много думаешь. Так знай: она у тебя пустая как пробка. Получил?

Петя показал мне язык.

К нашим ногам подкатился белый лохматый клубок. Я не сразу сообразил, что это котенок. Он в школьном буфете живет.

Петя обрадовался котенку и взял его на руки:

— Здравствуй, Пушок! Наскучило в буфете сидеть? Пришел ко мне поиграть? Вот умница!

Котенок сладко прищурил глазки и замурлыкал.

Прижимая Пушка к груди, Петя подошел к парте, на которой отличник Женя Быстров разложил свое богатство — почтовые марки разных стран, и миролюбиво сказал:

— Женька, я тебе обещал бразильскую марку подарить. И подарю, если контрольную поможешь решить.

— Как же я помогу? Ты от меня через три парты сядишь.

— Ты Пушка в парту посади. Когда задачку решишь, шпаргалку привяжешь к хвосту и отпустишь. Пушок ко мне прибежит. У меня — колбаса. Она, как магнит, котят притягивает.

— А вдруг мяукать начнет?

— Пушок на уроках не мяукает. Он не школьник.

— Ладно. Только о марке не забудь.

...Александр Федорович, записал на доске условия задачи. Петя аккуратно переписал задачку в свою тетрадь и стал ждать, когда Женя Быстров пришлет ему шпаргалку.

Контрольные быстро не делаются. Дожидаясь, пока Женя пришлет шпаргалку, Петя чертил на листке непонятные закорючки, треугольники, кружочки. Когда

это ему надоело, он принялся рисовать всевозможные носы: курносые, с горбинкой, картофелеобразные, утиные и даже кошачьи.

При этом он хмурил брови и изо всех сил морщил лоб: пусть учитель думает, что Петя Кулемин трудится над задачей!

Первой решила задачу Света Мамонтова. Женя Быстров тоже встал из-за парты. Он осторожно выпустил Пушка из рук на пол, положил свою тетрадку учителю на стол и вышел из класса.

Петя заволновался.

— Пушок, Пушок, ко мне,— помаанил он котенка, соблазняя его кружочком колбасы, вынутым из портфеля.

Пушок увидел Петю и направился к нашей парте.

Бумажка на кончике хвоста поползла по полу.

Пушок остановился, удивленно посмотрел назад.

Вильнул хвостом. Бумажка взметнулась над головой.

Котенку это показалось забавным. Он изогнулся, ударил лапкой по бумажке и радостно запрыгал на месте.

Котенок вертелся, как вьюн, махал хвостом, раскрывал рот, чтобы укусить Петину шпаргалку. Но достать до кончика хвоста никак не мог. Это сердило его. Пушок бегал взад и вперед, не сводя глаз со странного бумажного бантика на хвосте.

— Вот глупый,— недовольно шипел Петя и снова ласково звал котенка: — Сюда, Пушок, сюда.

Пушок почувствовал запах вкусного и двинулся к Пете.

Но шуршание бумажки вновь отвлекло его. Он тут же забыл и о Пете и о колбасе. Закружился на одном месте. Затем лег на спину. Задергал лапами, стал играть бумажкой, которая должна была спасти Петю.

Но не спасла: в коридоре уже заливался звонок.

Все мы к этому времени успели решить задачку и весело наблюдали, как резвится на полу котенок.

Лишь Пете Кулемину было не до смеха. Он больше не смотрел на Пушка.

Александр Федорович подошел к нашей парте, заглянул в Петину тетрадку и покачал головой:

— Выходит, с одними носами остался...

ХИТРИУС СИМУЛЯНТИУС

Мы писали диктант. Старались изо всех сил.

Диктант был трудным-претрудным. Не поймешь, где точку ставить, а где — запятую. Я даже вспотел от умственного напряжения.

Урок тянулся, как пружина. Думаешь — конец, а он все растягивается и растягивается.

Когда Александр Федорович закончил диктовать, мы облегченно вздохнули.

— Еще одну минутку, и я бы умерла от разрыва сердца, — пропищала Зина Синицына.

«Хорошо Петьке! — подумал я. — На диктант не явился. Сидит, наверное, дома и в потолок поплевывает. А мы тут потеем...»

Но я зря позавидовал Пете. Оказалось, что он в еще более страшном положении. Об этом сказал Александр Федорович:

— Только что Петин папа приходил. У Пети повысилась температура. Он лежит больной и все время бредит.

— Больной и вдруг бредит? Непонятно! — недослышала Зина Синицына.

— Ты что — глухая? — с издевкой спросил Сеня Куликов. — Не бредит, а бредит. Фу-ты! Не бредит, а разную чепуху несет.

Я очень испугался за Петю. После уроков помчался к нему домой.

Петя лежал под тремя одеялами и еле-еле дышал. Глаза недвижно смотрели в потолок.

На стуле, рядом с кроватью, я увидел пузырек с йодом и раскрытую коробку из-под витамина С. Пузырек не тронут, а в коробке пусто. На полу валяется

желтый горчичник. Когда-то, еще в детском саду, мне всю спину сожгли этой ядовитой бумажкой. До слез стало жалко беднягу Петю. Сколько надо мужества, чтобы вынести такую пытку!

Я вспомнил, как со мной однажды разговаривал доктор, и спросил у Пети:

— Пульс работает?

Петя замотал головой, промычал что-то неопределенное и стал трястись как в лихорадке. Стучал зубами, бился затылком о подушку, дрыгал ногами под одеялом. Затем судорожно потянулся к пузырьку. Пузырек упал на пол. Я поднял его, положил в дрожащую Петину руку. Пузырек снова выскользнул. Я опять поднял, но и на этот раз ослабевший Петя не удержал его. Я раз десять поднимал пузырек.

— Ты, Петя, совсем-совсем больной. И ненормальный,— посочувствовал я.— Собрался йод пить. Фу! Разве нормальные пьют? Йод — самая настоящая отравка.

— Зачем же тогда поднимал? Я бросаю, а ты поднимаешь. Отравить хотел? Да? Друг называется!

— Да ты, оказывается, нормально говорить можешь! — обрадовался я.— А нам сказали, что ты все время бредишь.

— Факт! — подтвердил Петя.— Стоит заснуть — бред начинается. Бормочу что-то. А что — сам не пойму. Хочешь послушать? Я сейчас засну, а ты слушай. Потом мне скажешь.

Петя закрыл глаза, засопел. Потом беззвучно зашевелил губами. Потом тяжело вздохнул. Потом замахал руками. Потом забубнил:

— Киш ты! Киш ты!.. Ала-башлы... Курлы-мурлы... Зигзаг... Кара-кум, кара-кум, кум-кура... тар-тарары... трамтара-рам... курлы-мурлы...

Он еще долго бредил на непонятном языке. Потом открыл глаза, потер их кулаком и сладко потянулся:

— Ну как? Слушал мой бред?

— Бред что надо! — похвалил я. — Нормальному человеку такое ни за что не придумать. На каком это языке?

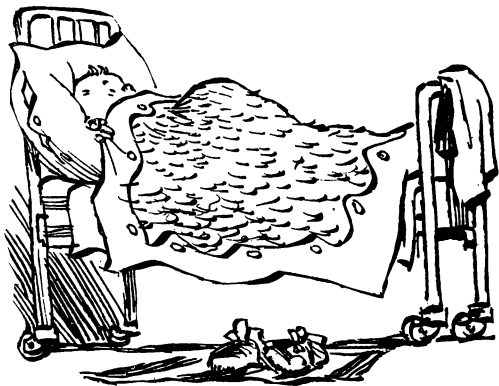
— А я откуда знаю! Я же во сне себя не слышу. Само собой получается. Повтори, что я бормотал.

Я напряг всю свою память и повторил.

— Действительно, здорово получилось! — обрадовался Петя. — Это у меня лихорадочный бред, а вчера вечером был припадочный. Еще чище!

— Не врешь?

— Вот те на! Спроси у отца. Он даже сказал, что мое место в психиатрической лечебнице. Это тебе не фунт изюма! Не веришь? Посмотри температуру.

Петя порылся под одеялом и достал градусник. Сначала сам посмотрел, потом мне дал. Блестящая полоска на шкале застыла у цифры тридцать девять и три десятых.

— Такая температура даже в больнице редко бывает, — пояснил Петя. — Разве только у умирающих. Я так заболел, что не знаю, когда и поднимусь. Наверное, до конца четверти дотяну.

— Тогда тебя на второй год оставят.

— Больных не оставляют. Их жалеют. Ты думаешь, хворать легко? Потруднее, чем уроки учить.

В комнату вошел Василий Арсеньевич, Петин папа. Взял у меня градусник, глянул на шкалу и ахнул:

— Температура подскочила. Выше некуда.

— На градуснике сорок два градуса,— жалобно простонал Петя.— Еще есть куда подскочить.

— Сделай такую любезность, Миша,— вежливо попросил меня Василий Арсеньевич,— сбегай за фельдшером.

Надо спешить. Иначе Пете как-то. Я пустился бежать во всю мочь.

Акима Марковича я знаю с прошлого года — он у нас кошку лечил. Я застал его во дворе. Он колол дрова.

— Беда! — выпалил я.— Срочно к Кулеминым!

— Что стряслось? — Аким Маркович высоко замахнулся топором.— Буренка подыхает?

— Какая там Буренка! У Пети тридцать девять и три десятых.

— А я-то при чем? Пете доктор нужен, а я — ветеринар. Не по адресу обратился, Мишенька.

— Ветеринар разве не доктор?

— Доктор, но, как говорится, коровий. Животных, Мишенька, лечу.

— Эх! Вот загвоздка!

— Ступай к фельдшеру Куприянову. Он вон там, за оврагом, живет. Куприянов Пете в один миг силы вошьет. Ну а как, Мишенька, твоя кошка поживает?

— Кошка здорова как бык. А вот Петя мучается. Ну я побежал...

— Беги, беги. Не задерживаю. Мурке, Мишенька, поклон передай. Чуть что — неси ко мне. Это по моей части.

Станный человек этот Аким Маркович! К нему кошки, как к девочкам, льнут. И коровы его слушаются, как пастуха. Он всегда с быками да коровами.

А до Пети ему и дела нет. Как будто бы Петя хуже коровы.

Доктор Куприянов — вот это человек! Я застал его за ужином. Он не стал меня долго расспрашивать, что да как. Перестал хлебать щи и взял докторскую трубку. Натягивая на ходу халат, быстро пошел за мной.

— Высокая у Пети температура? — беспокоился врач.

— Выше некуда! Тридцать девять и три!

— Скверный признак. Бредит?

— Еще как! На иностранном языке!

— Да, видно, плохи дела у Пети. Первым делом нужно сбить температуру...

Мы так спешили, что даже собаку обогнали. Собака выбежала из подворотни, тявкнула и, не догнав нас, с высунутым языком улизнула обратно.

В Петину комнату мы ворвались не постучавшись, он и глазом моргнуть не успел. С перепугу, а может, от страшной боли Петя с головой нырнул под одеяло. Лишь стриженная макушка сверкнула.

— Проверим температуру, — сказал доктор Куприянов. — Где градусник?

Градусника не было ни на стуле, ни на подоконнике, ни у Пети под мышкой.

— Он у него под одеялом, — догадался я.

— Кто же держит градусник под одеялом? — усомнился доктор. — А ну посмотрим...

Он сбросил с Пети все три одеяла. Ни под одним из них мы градусника не нашли. Зато на животе у Пети увидели красивую красную грелку. Я потрогал ее пальцем — она оказалась горячей.

— Убери грелку, я послушаю твое сердце, — сказал Пете доктор и вынул трубку для прослушивания.

Я схватил грелку и обомлел от удивления:

- Там градусник!..
- Где градусник?
- На животе. Под грелкой...

Доктор Куприянов взглянул на градусник, в котором ртуть поднялась до самой высокой отметки, как-то странно хмыкнул и спрятал трубку обратно в карман и не стал слушать Петино сердце. Даже его больной язык не посмотрел.

Перед уходом доктор Куприянов сердито сказал Василию Арсеньевичу:

— У вашего сына самая распространенная в его возрасте болезнь — хитриус симулянтиус...

И так сильно хлопнул дверью, что градусник спрыгнул со стула на пол и разбился.

Дома я разыскал в папиных книгах толстый медицинский словарь. В нем перечислялось множество детских болезней. Но Петиного хитриуса симулянтиуса там не было. Доктор Куприянов ошибся — эта болезнь вовсе не распространенная.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ

ТРУБА НА ДОРОГЕ

Вдвоем мы шагали по степи и от нечего делать махали портфелями. Петя смотрел на небо, а я — по сторонам. Вдруг вижу — труба на дороге. Я обрадовался и двинул ее ногой.

— Чур, моя! — сказал я, хотя и не знал толком, зачем мне нужна ржавая чугунная труба.

— Нет моя! — отрезал Петя и перестал смотреть на небо.

Меня взяла злость.

— Я же первый ее пнул!

— А я шел рядом. И тоже мог пнуть.

— Но не пнул же! Ты ее просто не видел. Ты в это время галок считал.

— Могу сразу галок считать и за сто верст вперед смотреть. Знаешь, какие у меня глаза! Когда стою у доски, то раскрытый учебник на первой парте прочитаю. А ты шиш увидишь!

— Когда я урок отвечаю, зачем мне в учебник заглядывать? Я и так все помню.

— Память у тебя здоровенная, ничего не скажешь. Но глаза отстают от памяти. Твоими глазами нельзя трубу первым увидеть. Так что труба на веки вечные моя!

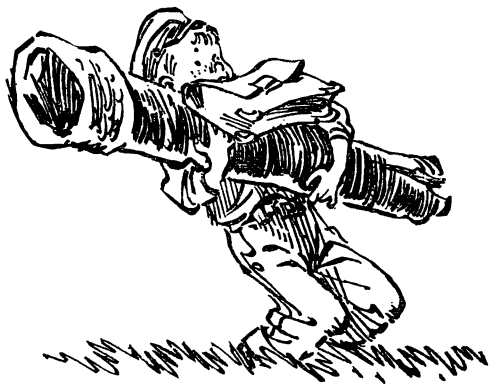
Мне стало обидно за такую несправедливость. Как же Петя мог увидеть трубу, если все время смотрел вверх? А там — облака и галки. И никакой трубы! Но разве упрямого Петю переубедишь! Однажды он целый час тыкал пальцем в черную классную доску и доказывал, что она серая. Все смеялись над ним, а он стоял на своем. Вспомнив о доске, я не стал спорить с Петей, только сказал:

— Хорошо, пусть будет по-твоему, мы на трубу нагнулись вместе. Значит, она принадлежит нам обоим. Вместе ее и потащим.

— Ага! — заликовал Петя. — Пошел на попятную! Выходит, я прав, а не ты. Трубы тебе не видать как своих ушей. До самой смерти ее из своих рук не выпущу. А тебе — кукиш с маслом.

Он обхватил трубу руками и, поднатужившись, поднял ее с земли.

Увесистую находку нести было нелегко. Но Петя не сдавался. Напрягая все силы, он прижимал ржавую трубу к груди так крепко, что его новенькая рубаша тоже поржавела. Портфель, который он положил сверху, соскальзывал, падал на дорогу. Пете то и дело приходилось нагибаться. Он ругал портфель самыми

страшными словами и, наконец, не выдержав, сказал ему:

— Если ты не будешь меня слушаться, то заброшу тебя в тридевять земель, где раки зимуют. зубри там свои учебники. А я и без них проживу.

Портфель послушался и больше не падал. Но трубу нести от этого не стало легче. Петя надувался и пыхтел, как паровоз. Капельки пота стекали со лба на нос.

— Дай помогу,— пожалел я.

— Отвяжись. Не примазывайся к моей трубе. Лопну, а тебе не отдам.

— Ну и лопайся сколько угодно! — рассердился я и ускорил шаг, оставив Петю одного.

— Ну и лопну! — крикнул он вдогонку.

Не успел я войти в село, как позади раздался дикий вопль. У меня даже в ушах зазвенело. Ни с того ни с сего так не кричат. Может, Петя на самом деле лопнул от натуги? Испугавшись, я побежал его выручать.

Петя ерзал на коленках возле раскрытого портфеля и подбирал выпавшие тетрадки и учебники. Труба валялась в сторонке и дымилась, как после пожара, — я только потом сообразил, что это не дым, а самая обыкновенная пыль. Заметив меня, Петя недовольно pokrивился и сказал, что ничего особенного не случилось, просто он споткнулся о булыжник на дороге, выронил трубу и едва не отдал ногу.

— А ты зачем вернулся? — неожиданно закричал он на меня. — Думал, трубой поделюсь? На-ка, выкуси! Как бы трудно ни было, не отдам! Умру за трубу!

Уложив учебники в портфель, он сунул его под мышку и стал подталкивать трубу ногой, катя по дороге, — так легче.

Решив, что делать мне здесь нечего, я побежал домой обедать.

Я успел умыться, переодеться и съесть все, что мама поставила на стол, когда увидел в окно Петю. Измученный, он медленно подкатывал трубу к своему дому. Приткнул ее к завалинке и, вытирая пот с лица, сел на портфель отдохнуть. Посидел немного — и снова к трубе. Походил возле нее взад-вперед, пнул ногой. Снова уселся на свой растрепанный портфель. Долго глядел на трубу и думал. Затем выдернул из плетня палку, стукнул по трубе раз-другой. Прислушался. Пожал плечами. Пригнулся до самой земли, заглянул в круглое черное отверстие, даже руку туда просунул. Сдул ржавчину с пальцев, вытер ладонь о штанину и опять уселся. Лицо кислое, словно пилюлю проглотил.

Я выбежал из дому — и к Пете.

— Когда ты сказал: «Чур, моя!» — ты что собирался с трубой делать? — спросил мрачно Петя.

— Ничего. Я просто так сказал.

— «Просто так, просто так», — снова передразнил Петя. — Зачем же меня подначивал? Волок ее, тяжелющую, через весь поселок. Взмок как лошадь. А ради чего?

— Откуда я знаю! Твоя труба, что хочешь, то и делай с ней. Можешь на попа поставить, можешь по двору покатать...

— Не хватало еще, чтобы я ее на попа ставил и по двору катал. Много чести! И так последние силы отняла. Тебе хорошо — ты порожняком шел.

— Тогда возьми и выбрось ее обратно. Пусть лежит, где лежала.

— Ты что — издеваешься? Я не Иванушка-дурачок, чтобы тащить ее в такую даль. Вышвырну, как змею, за плетень, пусть валяется.

Рассердившись, Петя зло пнул трубу ногой, и она, подскакивая на рытвинах и подминая под себя траву, откатилась далеко в сторону.

...Вечером мы с Петей удивились: нашей трубы нет на месте. Первокласники, собиравшие металлолом, признались нам, что они погрузили трубу на тачку и отвезли в утиль. Кто-то сказал им, что трубу на заводе переплавят и из нее получится новенький лемех для плуга, а может быть, даже и скафандр для космонавта.

Узнав об этом, Петя злорадно хлопнул меня по затылку:

— Эх ты, голова со здоровой памятью! До простой вещи не мог додуматься. А еще: «Чур, моя!» Не твоя, а моя труба взойдется в космос! Ну что — облизнулся?

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Чего только не случается в каникулы! Впечатлений — на целый год. Начнешь рассказывать о лете и остановиться не можешь. Хочешь говорить одну чистую правду, а с языка сами собой срываются выдумки. Случилось одно, говоришь другое. Обязательно прихвастнешь. Сам потом поражаешься, как все складно выходит. Наврешь с три короба, а ребята рядом стоят и подкакивают — и с нами, мол, такое бывало.

Но в то, что рассказал Петя Кулемин, никто из нас не поверил. А рассказал он вот что:

— Я целую неделю жил в районе, откуда ракеты в космос запускают. С космонавтами встречался. С космонавтами номер семь, восемь и десять. Все майоры да полковники.

— А где же девятый номер? — спросил я.

— Девятый был в отпуске. Космонавты меня своей пищей угощали. В тюбиках, как вазелин. Каша, кисель, яблочный сок и прочие штучки. Надавишь, и пища из разжеванном виде сама в рот лезет. Вкусно — пальчики оближешь. У них повар высшего класса. Тоже космонавт. Как и меня, Петром Васильевичем зовут.

— Не бреши! — уличил я Петю. — Ты же все лето у дяди в селе Криволучье отдыхал. Там никакого космодрома и в помине нет.

— Вот сказал! В Криволучье даже аэродрома нет. Это всякий знает. Дядя ездил за тысячу километров к своему другу-космонавту. Они вместе в школе учились. И меня с собой забрал. Вот это поездочка! Век буду благодарен дяде.

— Куда же вы ездили?

— Так я тебе и сказал! Ишь чего захотел! Военная

тайна. Я даже расписку дал, что Н-ский район до самой смерти не выдам. Хоть на куски режьте.

— Никто тебя резать не собирается,— успокоил его наш староста Володя Курбатов.— Сочиняй сколько угодно!

— Ах вы, значит, не верите?! А если у меня вещественное доказательство есть?!

Мальчишки загоготали. «Вещественное доказательство» — скажет тоже!

— Ври, да знай меру! — пригрозил ему Володя Курбатов.— Нам тебя слушать надоело. Пошли отсюда, ребята!

Тогда Петя вынул из учебника географии фотокарточку, протянул ее Володе. Я заглянул через Володино плечо. Остальные ребята тоже заглянули.

Петя стоял в сторонке и гордо ухмылялся:

— Ну что, получили?

Мы глазам своим не поверили — на снимке рядом с прославленным космонавтом смеялся наш Петя. Да, да, это был он! Круглые немигающие глаза сияли, как два солнца, большой рот расплылся до самых ушей, подстриженная Петькина голова героически торчала рядом с головой космонавта.

Что самое удивительное — Петя не просто сидел вместе с космонавтом, но еще и обнимал его за плечо. Вот подлиза! Петька — он такой. Любит к чужой славе примазаться. Наверное, космонавт и глазом не успел моргнуть, как Петя пристроился у него под боком. И даже обниматься полез. Есть же на свете такие бесовестные люди! Одно непонятно — зачем космонавт Пете улыбается? Неужели не понимает, какой человек рядом пристроился,— первый, можно сказать, хвастунишка в нашем классе.

— Космонавты катали меня на своей тренировочной машине! — важно сообщил нам Петя.— Трясет, как в

телеге, когда по камням едешь. Прыг-скок. Прыг-скок. Все печенки поотшибло. Космонавтам хоть бы хны, а мне с непривычки. Еще в сурдобарокамеру водили. Глухо там, будто нет жизни. Ни звука, ни шороха. Абсолютная тишина, как в космосе. Космонавты живут в камере поодиночке. Неделю, а то и больше. Пока борода не вырастет.

— И ты жил? — поинтересовался я.

— А как же! Только немножко. Борода у меня так и не выросла.

Хотя мы и знали, что Петя знаменитый враль, на этот раз не могли ему не верить — ведь у него была фотография! Петя расписывал нам жизнь и тренировки космонавтов во всех подробностях. Много, правда, мы и до него знали, из газет. Но ведь это рассказывал очевидец!

Мы рты пораскрывали от удивления. Так бы и ходили весь день с раскрытыми ртами, если бы в перемену не влетел в класс знаменитый школьный фотограф семиклассник Вася Скоролубовский. Влетел, огляделся по сторонам и стал махать длинной черной пленкой над головой. Лента извивалась, как змея, и цеплялась за его рыжие волосы.

— Где Петька Кулемин? — Вася сверлил нас зелеными разгневанными глазами.

Мы ответили, что Петя только что был здесь и скоро, наверное, опять будет.

— Улизнул, значит? Попадись он мне на глаза... Думал, с настоящим человеком имею дело, а он — испорченный негатив.

— Что случилось? — забеспокоился наш староста Володя Курбатов.

— Обманщик этот ваш Кулемин — вот что! Авантюрист высшей марки! Подсунул мне засвеченную ленту. Я как идиот щелкаю, щелкаю — всех в классе

перещелкал! Проявляю, и что вижу? Темную ночь! Ребята надо мной издеваются. А все из-за него, из-за проклятого Петьки. Принес мне (вот нахал!) снимок двух друзей-космонавтов. «Прилепи, говорит, рядышком мою голову, пленку подарю!» И сует мне вот эту катушку. Я обрадовался — мне лента позарез была нужна, за каникулы ни одного свободного кадра не уцелело. Взял и заменил на фотографии голову хорошего человека Петькиной нахальной головой. А что мне за это? Сами видите что — темную ночь! Подождите, я ему, обманщику, такую «темную ночь» устрою...

Петя в эту минуту открыл дверь. Увидел грозного Васю Скоролюбского — и шмыг обратно. Вася едва успел схватить его за воротник:

— Попался, оторванная голова... Верни снимок, авантюрист несчастный!

Петя вернул без звука.

Нам захотелось еще раз взглянуть на «вещественное доказательство». Вася долго не хотел показывать снимок. Но мы очень просили — всем классом. И он сдался.

— Ладно, так и быть, полюбуемся последний раз. Только никому не говорите... Петька меня в такую авантюру втравил, перед людьми стыдно.

Снимок мы теперь рассматривали тщательно.

— Вот балбесы! — Я был готов избить самого себя от досады. — Фальшивое фото приняли

за настоящее! Должна же у нас голова хоть чуть-чуть соображать! Смотрите, разве это Петькина рука? Как мы сразу не заметили?

И все увидели — на снимке космонавта обнимала вовсе не Петина рука, а сильная и большая. Такие руки бывают только у взрослых.

Васе Скоролюбскому почему-то не понравился наш смех. Он отобрал снимок и сказал:

— Пойду домой. Поищу настоящую голову. А Петькину выброшу в корзину с мусором.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

ЗАПИСКА

В перемену Петя как козел скакал с парты на парту, мурлыкал любимую песенку «Чижик-пыжик» и взмахивал руками.

— Хорошо чувствовать себя вольной птицей! — говорил он. — Маши себе крыльями, щебечи о чем попало и не решай никаких задачек! Не жизнь, а настоящий дом отдыха!

Петино настроение испортил Александр Федорович.

— Возьми записку и передай отцу, — сказал он и подал Пете бумажку.

От этой бумажки у Пети онемел язык. Руки-крылья разом опустились. Он стал похож на мокрую курицу, а не на вольную птицу.

— Попрыгать не дают, — пожаловался он, когда мы с ним выходили из школы.

— А вдруг записка приятная?

— Скажешь тоже! Учителя приятных записок не пишут. Помнишь, мы с тобой книжку про два фронта читали? Так вот и в записке одно из двух — либо отца вызывают в учительскую, чтобы объединить против сына, то есть против меня, сразу два фронта — школьный и домашний, либо оставляют один фронт — домашний, а в четвертом классе на второй год оставят. Это еще хуже. Родители тогда одни будут работать на два фронта. Пощады не жди.

Петя простонал, словно у него заболел зуб.

— А что, если я записку прочту? Александр Федорович меня не съест?

— Конечно, не съест, — подбодрил я.

— Может, из-за этой проклятой записки мне завтра на свете не жить.

— Может, и не жить, — снова подбодрил я.

— Да, попал, как рыба на крючок. Не вырвешься. Интересно, что он отцу обо мне сочинил?.. Прочтем? А?

Записка оказалась малюсенькой. Всего несколько слов: «Прошу вас, Василий Арсеньевич, — писал учитель Петину отцу, — зайти завтра в школу. Нам нужно поговорить. С уважением А. Ф.».

— Вот хитрый — обо мне ни слова, — заметил Петя. — Знал, что я записку проверю. Задал задачку. Попробуй отгадай теперь, за какие грехи меня крыть будут. Вроде я ничего такого выдающегося не совершил.

— А кто котенка на урок принес? Он мяукал.

— У тебя тоже котенок в портфеле пищал. Но записок твоему отцу не посылали. Котенок здесь ни при чем. Дело во мне самом.

И мы стали думать и гадать, чем Петя не угодил Александру Федоровичу. Долго думали и гадали. Всю Петину биографию по косточкам разложили. Биография у него оказалась удивительная, как у полководца, — сплошь состояла из одних приключений и битв. И не было в этой биографии ничего такого, чтобы Петю исключать из школы или открывать против него сразу два фронта.

— Отца надо подготовить к встрече с Александром Федоровичем, — озадаченно почесал затылок Петя. — А то мне в учительской и пикнуть не дадут. Станут придирааться, а ты стой и помалкивай. Лучше заранее отцу все сказать. Пусть думает, что я все своим умом осознал. Тогда и ругать будут поменьше. И уши останутся целыми. Приходи вечером ко мне. Отец при посторонних уши мне не треплет.

Мы договорились вместе готовить уроки. Я пришел вовремя. Василий Арсеньевич только что возвратился с работы.

— На буксир решил взять моего бездельника? — приветливо подмигнул мне в дверях Петин папа. — Да, не легкая эта работа — бегемота тянуть из болота.

— Петька не бегемот, — заступился я.

— Смотри, если один не управишься, я помогу. Вместе потянем за ушко да на солнышко.

— За ушко не надо. Мы и так справимся, без ушей.

— Ну ладно, ладно. Оставлю ваши уши в покое, — засмеялся Василий Арсеньевич.

Я толкнул Петю локтем:

— Отдавай записку, пока отец добрый...

Петя вскочил со стула. Записка в его руке дрожала, как лист на дереве.

— Вот... Учитель просил... Тебе лично...

Василий Арсеньевич молча развернул записку и стал читать. Брови его насупились:

— В школу требуют. Достукался. Выкладывай, как на духу, за какие твои заслуги удостоился я столь высокой чести?

Петя долго мялся. Сопел и шмыгал носом.

— Ну что же ты? Или совесть заела?

— Меня с самого утра совесть заедает, — оживился Петя. — Так стыдно, что и говорить не хочется от стыда.

— За что же стыдно-то?

— За четверку.

— Вот тебе раз! Кто же за четверку стыдится! Приличная оценка.

— Моя четверка из кола сделана.

— Из кола? Дубового? — прикинулся непонимающим Василий Арсеньевич.

— Да нет же, из чернильного. Кол — это значит единица. Я ее в дневнике нечаянно на четверку пере-

правил. Александр Федорович, наверное, заметил. Хочешь, я четверку снова в кол превращу? Сам.

— Ишь какой приткий! Такую бы прыть да к занятиям...

— Я и к занятиям на все сто отношусь. А то, что я два урока пропустил, не моя вина. В больницу ходил, Александр Федорович не верит. Только ты его не слушай. Я, правда, в больницу ходил. Галчонка на дороге встретил. Подстреленного. Хотел догнать, а он усекал. Целых два часа за ним гонялся.

— На все у него отговорки найдутся! Изворотлив, словно уж. Как это тебе нравится? — Василий Арсеньевич покосился в мою сторону. — Может, и Миша Воробьев в прошлый вторник сам себе фонарь под глазом сделал и нос расквасил? А?

— У Воробья нос слабенький, — несправедливо отозвался о моем носе Петя. — Пальцем тронешь — кровь капает. Мой нос тверже. Бей не бей, а ему хоть бы хны. А у Зинки Синицыной кожа хуже, чем Мишкин нос. Тонкая. Чуть щелкнешь — неделю в пятнах ходит. Принцесса!

— Совсем от рук отбился! Морока с тобой, Петя. Придется нам с Александром Федоровичем всерьез тобой заняться.

Василий Арсеньевич махнул на Петьку рукой и хмурый ушел на кухню.

— Теперь сразу два фронта откроют, — шепнул мне Петя.

Отец пришел в школу, когда у нас кончились уроки.

— Пойдешь вместе со мной в учительскую, — строго приказал он Пете и потянул его за рукав.

Я решил не бросать товарища в беде. Вошел в учительскую вслед за ним.

Александр Федорович пригласил Петиного отца к столу.

— А сына-то зачем, Василий Арсеньевич?

— Пусть слушает да на ус наматывает, проказник. До чего докатился! Отметки в дневнике подделывает!

— Неужели? Что-то не замечал...

— Ворон на улице гоняет. Это вместо уроков-то!

— Не ворону, а галку. Разница,— поправил Петя.

— Ты уж помалкивай, герой! — одернул его отец. — Сведешь родителей в могилу прежде времени. Вон одноклассница от его щипков уже вся в синяках ходит...

— Ну и ну,— от удивления Александр Федорович даже привстал со стула. — Признаться, недоглядел.

— Так, может, вы и о потасовке с Мишей Воробьевым тоже ничего не слышали?

— Когда это было?

— Прошлый вторник. У нас под окном дрались. Как петухи! Стыдоба! Странно, что вы, Александр Федорович, этого не знаете. Зачем же тогда записку прислали? Не благодарить же за сына!

— Конечно, благодарности он не заслуживает. Но я не думал, что дело зашло так далеко, как вы говорите. На Петю глаза мне открыли... А вызвал я вас вот по какому поводу. Школьный сад думаем развести. Саженцы раздобыли, участок определили. Решил посоветоваться с вами как с агрономом...

Александр Федорович порылся в бумажной стопе на столе и вынул дневник Пети. Раскрыл его.

— Да, отметка действительно подделана. Придется разговор о яблонях отложить. Поговорим, Василий Арсеньевич, о сынке...

Тут я понял, что делать мне в учительской нечего, и стал пробираться к двери.

Последнее, что я услышал, были слова Александра Федоровича:

— Нам с вами, Василий Арсеньевич, надо сообща, единым фронтом начать борьбу за Петю...

РАССКАЗЫ

ЕДИНОЛИЧНИК

Возле ног бабки Авдотьи примостились двое: бело-волосый Гриша Стрельцов, очень солидный, молчаливый человек, лет десяти от роду, и рядом с ним бабушкин внучек Додик Тетерин, помоложе Гриши года на три, юркий и болтливый. Несмотря на свою несолидность, он испытывает здесь, на стадионе, явное превосходство перед своим старшим товарищем, потому что капитан колхозной футбольной команды — двоюродный брат Додика. Длинноногий, мускулистый, дочерна загорелый Сергей носится по зеленому полю легко и стремительно. Додик лишь одного его и видит на стадионе. Вся команда по сравнению с ним — пустое место, ноль без палочки!

Целый месяц, до сегодняшней встречи с футболистами из соседнего села Белозерки, Додик увивался около брата, как лохматый Лобзик вокруг ларя, куда бабка Авдотья прячет мясо. Льнул он к брату неспроста: во-первых, хотел, чтобы все мальчишки видели, как дружно живет он с лучшим футболистом, и раскрывали рты от зависти, а во-вторых, Додик питал тайную надежду попасть, когда подрастет, в Сережину команду.

Чего только не делал он, стремясь войти в доверие к старшему брату! Бегал в магазин, лазил в погреб за квасом, а однажды утром даже вычистил его ботинки. Но вместо благодарности получил увесистый подзатыльник, так как плохо растертая вакса на ботинках измазала низ белых Сережиных брюк. Во имя любви к футболу Додик мужественно снес подзатыльник, даже не пискнул. А за два дня до футбола на своей майке он старательно вывел кисточкой большую цифру девять, точно такую, как у брата. Мать долго ахала, бранилась, но отмыть чернила так и не смогла.

На стадион Додик пришел в своей любимой майке. После маминой стирки цифра девять на ней растеклась во всю спину.

Футболисты с самого начала игры взяли быстрый, энергичный темп. Мяч, не зная покоя, летал по лужайке туда-сюда, туда-сюда. На стадионе шум, гам, хлопки, свист. Зрители волнуются, болеют за свою команду.

Всякий раз, когда Сережа Тетерин ловко ударяет по мячу, к нему с разных мест несутся подбадривающие голоса.

— Покажи им, где раки зимуют! — басит бородатый кладовщик дядя Анисим и ласково подмигивает Додик: — Приятно поди такого братца иметь?

— А то как же! — отвечает за внука бабка Авдотья. — Сережа, он настоящий игрок, не чета этому озорнику. Этот только по окнам бить горазд.

Последние слова бабки Додик пропускает мимо ушей, словно они не к нему относятся. Он переводит взгляд на библиотечаршу. Пухленькая, с веселыми глазами и чуть вздернутым носиком, Нюся сидит нарядная, как в праздник. Когда Сережа ударяет по мячу, глаза ее становятся большими-пребольшими и смотрят так, словно ей самой хочется забить мяч в ворота. От волнения Нюся покраснела. Вот таким же румян-

цем залилась она вчера, когда ей Сережа через Додика передавал приглашение в кино.

«Тетя Нюся понимает толк в футболе»,— решает Додик.

В наиболее острые моменты игры его шея неимоверно вытягивается, а когда первый гол забивают в ворота белозерцев, он что есть мочи хлопает в ладоши и показывает Грише язык.

— Видал? Наша берет! Это я Сереже сказал, чтобы он не мазал. Вот он и не мажет!

Додик ликует. На радостях он не может сидеть спокойно: вскакивает, размахивает руками.

— Да сиди ты смирно! — сердится бабка Авдотья и отодвигается в сторону.

Но Додик никак не может успокоиться. Он толкает в бок Гришу Стрельцова.

— Я Сереже сегодня свою банку отдам. С майскими жуками. Насовсем. У меня их пять штук, и все еще живые.

— Нужны ему твои жуки,— пренебрежительно пожимает плечами невозмутимый Гриша.— Да он еще может и проиграть.

— Ну да, проиграть! Скажешь тоже! Сережа никогда не проигрывает. У него пушечный удар!

— Расхвастался!

— Ничего не расхвастался. А если ты так о Сереже говорить будешь, я на тебя Лобзика натравлю. Он тебе штанину разорвет. Вот!

С поля слышится грозный окрик Сережи:

— На меня пасуй! Слышь? На меня!

Не дождавшись, когда ему передадут мяч, он сам забирает его у своего же футболиста и, расталкивая встречных, устремляется вперед, к воротам белозерцев. Футболист, которому он отдал сгоряча ногу, прыгает на одном месте, грозитя. А Сережа уже на штрафной

площадке. Еще секунда — и будет гол. Но белозерские защитники начеку. Они отобрали мяч у Сережи и погнали его обратно к центру, ловко и точно передавая от одного к другому.

— Дружно взялись. Красивая комбинация! — потирает руки дядя Анисим.

— Сюда пасуй, на меня! Ну!.. Эх черт! — с досадой машет рукой Сергей.

Мяч снова у белозерцев. Опасное положение. На лице Додика застывает ужас. Стадион замирает. Нервы напряжены. Неужели забьют?

Вратарь прыгает в воротах. Он нервничает. Долговязый футболист сейчас будет бить по воротам с близкого расстояния. Ну разве можно оставаться равнодушным? Додик вскакивает, кричит во все горло белозерскому футболисту:

— А ну попробуй! Только попробуй!..

Но тут стадион разом ахнул: гол!

Додик, бледный как мел, долго не может прийти в себя. Он дергает Гришу за пуговицу, сопит и растерянно моргает глазами.

— Подожди, не то еще будет! — зловеще предсказывает Гриша.

Лишь только Додик оправился от первого удара, стадион снова разноголосно зароптал, поднялся свист. В ворота хозяев поля забит второй гол.

Сергей суматошно бежит по полю, всюду хочет поспеть и нигде не успевает. Белозерцы цепко держатся за мяч. В самую последнюю минуту первой половины игры они еще раз бьют по воротам. У Додика перехватывает дыхание. И не зря. Мяч, мелькнув в воздухе, еще раз трепетно забился в сетке ворот.

Когда футболисты ушли на перерыв, зрители стали шумно спорить, обсуждая итоги первой половины игры. Додик тревожно прислушивается.

— Единоличник этот Сережа Тетерин,— произносит непонятное слово дядя Анисим.— Все на себя. Команду собственной персоне подчинил. А то не уразумел, бес-толковая голова, что один в поле не воин! Пыжится изо всех сил. А что толку?

— Отрыв от коллектива,— согласно кивает сосед дяди Анисима, высокий человек в очках и шляпе. Додик знает его — он агрономом работает.— Говорил я товарищу Тетерину: встреча будет ответственной, тренироваться нужно. А он: «Справимся. У меня удар пушечный. Только бы ребята пасовали на меня, а я уж, будьте спокойны, забью...»

— Забил... Срам на все село... Тьфу ты! — плюется дядя Анисим.

— Игровая техника у наших хромает.

— Что там и говорить! Нынче без техники далеко не уедешь.

Библиотекарша тетя Нюся печально слушает и молчит. Но когда агроном замечает, что следует подыскать другого человека на место капитана команды, который бы не только сам умел играть, но и другим давал возможность проявлять инициативу, она робко вставляет:

— Сережа... Он поймет...

Разговор прервал свисток судьи. Началась игра. Сережа стал еще громче, чем раньше, требовать: «На меня пасуйте!» Но всем это надоело. Кто-то из зрителей не выдерживает и кричит судье:

— Оштрафуй Тетерина! На все поле, как гусак, гагакает.

Судья подбежал к капитану команды, что-то строго сказал ему. Сережа начинает играть молча. Но болеть за него никто уже не желает. В ворота местной команды один за другим влетают мячи. Дядя Анисим даже сбился со счета.

— Наддайте им пару! — Страшно обидевшись на местных футболистов, он был теперь за белозерцев.

— Да от Сережки и так пар идет, больше некуда! — неодобрительно подхватывает бабка Авдотья. — Хоть студеной водой отливай.

— Стыд-то какой! Семь — один! — качает головой агроном. — Да наших футболистов мальчишки, вроде Додика, в два счета обставят. Докатились!

Мальчишки, которые в начале игры все как один болели за местную команду, теперь махнули на нее рукой. А Гриша Стрельцов жалит Додика:

— Развалил твой Сергей всю команду...

Уши у Додика горят, в носу щекотно, брови вздрагивают, вот-вот он расплачется.

С пожарной вышки долетели глухие удары колокола: девять ударов. Агроном забеспокоился.

— Девять часов. Матч кончается.

— Пустой звон, — небрежно машет рукой дядя Анисим. — Наш пожарный звонарь давно из веры вышел: всякий раз раньше времени бухает...

Но на этот раз звонарь не соврал: свисток судьи объявил об окончании встречи.

Духовой оркестр Дома культуры грянул бравурный спортивный марш.

— Для твоего братца похоронный надо, — ехидно замечает Гриша.

Друзья бредут по селу. На душе у Додика скверно. Ему совестно за брата Сережу.

— А я-то хотел ему жуков отдать, — вздыхает он. — Не получит! И за квасом в погреб не полезу. А тете Нюсе скажу, чтобы она больше не писала ему записок. Пусть знает, как проигрывать! — И с обидой повторяет впервые услышанное на стадионе слово: — Единоличник!

С Симой Вобликовым в каникулы, когда он гостил у бабушки Фени, приключилось что-то невероятное: он стал непохожим сам на себя. Так растолстел — не обхватишь! А все потому, что жил он фон-бароном: много ел и ничего не делал. Симиной полноты, пожалуй, хватило бы на целых двух мальчишек. А таких, как тощий Женька Харьков, из Симы можно было слепить сразу троих.

— Может, это от великой силы? — допытывался завистливый Женька. — Давай померяемся силой!

Стали поднимать огромный камень во дворе школы. Худенький Женька поднял, а Сима, как ни пыжился, ничего не мог поделать.

— В тебе не сила, а один жир! — разочаровался Женька.

И только толстушка Катя Мухина отнеслась к Симе сочувственно.

— Теперь нас двое, — сказала она. — Не так обидно. Прежде надо мной одной смеялись...

Что смеются — это еще полбеды. Главное — жизни веселой настал конец. Нырнешь в воду — ко дну тянет. Пойдешь в лес с друзьями — в хвосте плетешься. Сядешь за книжку — сон одолевает.

Казалось, нет никакого спасения от такой жизни.

Но однажды, роясь в старом бабушкином комод, где хранились разные ненужные вещи, Сима обнаружил пожелтевшую бумажку. На ней рисунки. На одном изображен солидный дяденька с обвисшими, как у Тараса Бульбы, усами и с огромной медалью на груди.

«Доктор Шиндлер-Барнай, — было написано под портретом, — обещает всем лицам, страдающим излишнею полнотою, молниеносное избавление от тучности,

если они пожелают употреблять пилюли, изготовленные по его образцу».

Другой рисунок убедительно доказывал, какие чудеса могут творить с человеком пилюли. Был изображен безобразно толстый мужчина со злым, недовольным лицом, а рядом — он же, стройный и улыбчивый красавец, хоть в кино снимай!

Счастливый красавец написал доктору письмо. Оно было напечатано рядом с рисунком:

«Милостивый государь! Я в восторге от лечения Вашими пилюлями. Раньше мне было стыдно появляться в обществе, ибо невероятные размеры моего тела вызывали усмешки и неодобрение среди моих знакомых, друзей и особенно женщин. Употребляя Ваши пилюли против ожирения, я за одну неделю потерял в весе ровно пять фунтов и теперь со спокойной душой принимаю участие в каком угодно обществе и всеми любим. Прошу Вас прислать как можно скорее еще одну коробку спасительных пилюль. Буду всех моих многочисленных знакомых убеждать лечиться этим средством.

Благодарный Вам г-н Н. К. из Самары».

— Побегу-ка к доктору Семену Семеновичу, — решил Сима Вобликов. — Пусть даст такие же пилюли!

Доктор Семен Семенович, прежде чем решиться прописать лекарство, постукал Симу молоточком по спине и коленке. По коленке он ударил так лихо, что Сима подпрыгнул и лягнул доктора ногой.

— Нервный, — определил Семен Семенович, поправляя на носу съехавшие очки. — Запустил свой организм. Нет, такого Обломова лечить не берусь!

— А вот Шиндлер-Барнай вылечивал! От его пилюль люди в один миг уменьшались. Мне бы такие пилюли...

Семен Семенович развернул бумажку, которую принес Сима, и, прочитав ее, рассмеялся. Сима приуныл, решив, что его дело гибнет. Семен Семенович сжалился над ним:

— Если уж так захотелось пилюль, ступай в село Студенцы. У моего коллеги фельдшера Сосудина имеется витамин АЖ, или, попросту говоря, антижиротик.

Фельдшера Сима застал в сельской больнице. Сухонький, седенький, в белом халате, Сосудин стоял возле большеглазой старушки с забинтованной шеей и давал ей медицинские наставления. Старушка, сидя во врачебном кресле, охала и жалобно пела фельдшеру:

— Благодетель ты наш, Кузьма Савельич, исцелитель ты наш. Как бы жилось-мыкалось без твоих лекарств? Света белого не видела — круги в глазах. А теперь, слава богу, вернулось здравьице. Намедни даже барыню плясала на Варькиной свадьбе...

Сима сразу проникся уважением к Кузьме Савельичу.

— Я от Семена Семеновича, — сказал Сима, когда старушка, шаркая по полу и не переставая благодарить своего исцелителя, побрела к двери.

— Знаю, знаю, — закивал лысой головой Кузьма Савельич. — За антижиротиком? Есть у меня такой витамин. Действует безотказно. Так что, молодой человек, можете лучезарно смотреть в свое будущее!

Глаза у старенького фельдшера светились весело, по-молодому. Он подошел к шкафу, где за стеклом выстроились в ряд пузырьки разных расцветок и размеров, проворным движением вытряхнул из одного из них красный, величиной с горошину шарик, ловко, как фокусник, подбросил его на ладони:

— Вот он — витамин АЖ! Этому шарiku суждено совершить чудо — преобразить Симу Вобликова! Так, кажется, вас зовут, молодой человек?

— Семен Семенович по телефону сообщил, да?

— У вас, гляжу, проницательный ум. Итак, присту-

пим к лечению. Обна-
житесь до трусиков,
молодой человек, и —
на весы!

Голый Сима ве-
сил — ни больше ни
меньше — ровно сорок
килограммов! Фельд-
шер недоверчиво по-
косился на весы и Си-
мин живот, заставил
взвеситься еще раз.

Вес оставался преж-
ним.

Кузьма Савельич
почесал затылок,
хмыкнул:

— М-да... Придется
вам, Сима Вобликов,
проглатывать сразу не
по одной, а по две таб-
летки. Итак, вот вам
витамины. Глотайте
немедленно!..

На другое утро Си-
ма своими глазами
убедился в чудедейст-
венной силе витамина
АЖ — шкала на весах
показывала ровно на
пятьсот граммов мень-
ше, чем вчера!

Каждый день, яв-
ляясь на прием к
фельдшеру, Сима про-

глатывал по две витаминины и тут же вставал на весы. Весы не могли обманывать — они неопровержимо свидетельствовали, что лечение протекает успешно.

Витамины вытесняли из Симы все лишнее, и он постепенно превращался в прежнего Симу, который мог свободно бегать наперегонки по улице, прыгать через две ступеньки на лестнице и даже без особого труда доставать правой ногой вытянутую вперед левую руку.

Толстушка Катя Мухина смотрела на Симу влюбленными глазами и просила:

— Симочка, дорогой, достань мне хотя бы один витаминчик!

Окрыленный собственным успехом, Сима Вобликов в тот же день сел писать благодарственное письмо тому человеку, который придумал чудесный витамин АЖ:

«Милостивый товарищ...— В этом месте Сима поставил много точек, так как не знал фамилии изобретателя.— Ваш антижиротик — просто чудо! Раньше мне было стыдно появляться в обществе, ибо невероятные размеры моего тела вызывали усмешки и неодобрение среди моих знакомых, друзей и особенно женщин. Витамин АЖ помог мне за один месяц уменьшиться в весе на семь килограммов двести граммов. Сколько это будет фунтов, я не знаю (фунты мы еще не проходили), но, наверное, много.

Опубликуйте, пожалуйста, в газете мою старую фотокарточку, где я толстый. Новую я пришлю потом, когда сфотографируюсь.

А еще пришлите коробку с витамином АЖ для Кати Мухиной. Она хочет, как я, со спокойной душой принимать участие в каком угодно обществе и быть всеми любимой.

Благодарный Вам ученик С. В. из села Криволучье».

Фамилию «милостивого товарища» Сима Вобликов узнал лишь на следующий день от фельдшера Сосудина. Им оказался — кто бы вы думали? — врач местной больницы Семен Семенович. Это он надоумил Симу каждое утро совершать семикилометровые прогулки до села Студенцы и обратно. Волей-неволей похудеешь!

Теперь за витамином АЖ к Кузьме Савельичу ходит Сими́на одноклассница Катя Мухина.

КРАСНЕЕ ПОМИДОРА

В палисаднике под окном, где растут три яблони, Сашин папа выкопал весной несколько лунок.

— Зачем ты это делаешь? — спросил маленький Саша.

— Чтобы осенью в доме на столе лежали не только наши яблоки, но и помидоры, — ответил папа. — Здесь вырастет зеленый куст. Вот такой высоты. А на нем — помидорины. Вот такой бо́льшины. С яблоко. Красные, как солнышко.

— Я тоже хочу посадить красную помидорину.

— Хорошо. Жертвую тебе, сынок, на все лето одну лунку и вызываю на соревнование. Посмотрим, чьи помидоры созреют раньше — твои или мои.

Саша сам посадил в лунку рассаду и полил ее водой из лейки.

И началось соревнование. Папа утром — в палисадник. Саша — за ним. Они рыхлили землю, окучивали и поливали всходы, выщипывали сорную траву. Папа обрабатывал грядки под яблонями, а сын — свою лунку.

Зеленые побеги, радуясь солнцу, с каждым днем разрастались вширь и ввысь. На Сашинем кустике завязалось сразу несколько крохотных помидорин.

Саша решил, что теперь они могут зреть и без его помощи. Он бы, конечно, так не решил, если бы не дружки, Борька с Юрой, которые смеялись над Сашей, видя, как он каждое утро колдует над помидорным кустиком.

— Бросай свое девчачье занятие, идем с нами! — звали они. — Помидоры сами покраснеют. Им солнышко поможет.

Саша ставил лейку под яблоню и вместе с ребятами бежал купаться или играть в лапту. В палисаднике работал один папа.

— Смотри, Сашок, опережу я тебя в соревновании, — предупредил он сына. — Мои помидоры розовым соком налились. Вот-вот покраснеют. А твои совсем зеленые...

Опечалился Саша и не побежал в то утро на лужайку — гонять соседскую козу. Пришлось Борьке силком тащить его из палисадника.

— Не горюй,— шепнул он на ухо Саше.— Я волшебный способ знаю. Помидоры за одну ночь покраснеют!

— Бежим за козой,— торопил Юра и тянул за рукав.— Она нас за огородом дожидается... Для твоих помидор мы хитрую штуку придумали. Век благодарить будешь!

...Утром, войдя в палисадник, папа сказал сыну:

— Посмотрим, чья взяла в соревновании.

Он приблизился к Сашиному кусту и замер от удивления — в зелени листьев там и тут свисали с веток ярко-красные помидорины.

— Что за чудо! Еще только вчера были зеленые. Испробуем на вкус...

Папа склонился над Сашиным кустом, чтобы сорвать красный помидор. Но пальцы его прилипли. И другие помидорины оказались такими же липучими.

— Что с ними? — Папа посмотрел на свою ладонь и все понял — красная краска пятнами отпечаталась на кончиках пальцев.

Он тяжело вздохнул и отвернулся от Саши, словно это был не его сын.

Саша стоял с опущенной головой и сгорал от стыда. Лицо и уши у него были краснее самого спелого помидора.

ШАГИ ИЗ КУХНИ

Когда сидишь один в сумрачной комнате, то вещи вокруг кажутся живыми. Разные страхи выползают изо всех углов, из шкафа, из-под стульев и даже из репродуктора на стенке.

Костик, забравшись с ногами на диван, опасливо поглядывает по сторонам.

Кап-кап-кап — доносится из кухни. Это вода, капая из крана, ударяет о раковину.

Чего бы, казалось, пугаться? Днем, конечно, не страшно. А ночью...

Костику чудится, что разбойники, про которых мама рассказывала ему вчера перед сном, шагают по полу — топ-топ-топ. Сейчас они откроют дверь и набросятся на него с ножами. Вот уже видны их тени. Длинные и уродливые, они расползаются по всей комнате, подкрадываются к самому дивану, словно хотят забрать Костика с собой в глухую, страшную ночь.

Он съеживается в комок и не шевелится.

Нужно бы подойти к выключателю и зажечь свет. Но выключатель находится в дальнем мрачном углу и идти туда боязно.

Так и сидит он в темноте, поджидая, когда придут родители и разгонят ночные страхи.

Но папа с мамой ушли в кино и будут не скоро.

Кап-кап-кап... У Костика замирает сердце. Он зажимуривается. Кажется, что это уже не разбойники ногами шлепают, а жаба квакает: «Коакс, коакс, бреккс-ке-кекс!» Ей ничего не стоит запрыгнуть на диван и утащить Костика в речку, в липкую тину которой однажды чуть было не угодила бедная Дюймовочка. «Хорошо, что под листом кувшинки, на котором сидела маленькая девочка, — думает Костик, — жили добрые рыбы. Они перекусили зеленый стебель, и Дюймовочка на кувшинке уплыла по течению далеко-далеко от нахальной жабы и ее безобразного сына. А кто спасет меня?»

Костик открывает глаза и не видит, кто бы мог прийти ему на выручку.

Густая жабья тень, разрастаясь, ползет по комнате.

«Я должен сам себя спасти,— думает Костик.— А то погибну...»

Он берет в руки мячик и бросает его в противную жабу. Мячик отскакивает словно ужаленный и снова набрасывается на лютого Костиного врага. Жабья тень теперь не страшна.

Мячик, сделав свое дело, спокойно дремлет на полу.

А из кухни опять — топ-топ-топ. Это, наверное, разбойники возвратились. Нет, так просто он не дастся им в руки! Он повоюет с разбойниками не хуже, чем с гадкой жабой!

В ногах у Костика лежит плюшевый зайчик. Он поможет. Костя бросает игрушку в самый центр разбой-

ничьего войска. Зайчик попадает под стул, где совсем недавно пряталась злая сила, и как ни в чем не бывало, сидит там, поджав хвостик. Никто его не трогает. Значит, бояться нечего.

«Вот так разбойники! — Костик весело прыгает на диване. — Трусливого зайку испугались!»

...Когда папа с мамой пришли домой и зажгли свет, то увидели сына верхом на половой щетке. Костик скакал по комнате и махал руками, словно лихой кавалерист шашкой.

— Что ты такое придумал? — спросила мама.

— Рублю головы разбойникам. Когда я смелый, они разбегаются в разные стороны.

ЛЕТАЮЩИЙ ЭКСКАВАТОР

Лева Кузин, мальчик лет восьми, с веснушками на носу и с такими пухлыми щеками, словно за каждую из них он положил по горсти леденцов, сидит у окна и, закрыв глаза, твердит:

— Пятью пять — двадцать пять, пятью пять — двадцать пять...

Таблицу умножения Лева учит всего каких-нибудь полчаса. Но ему кажется, что прошла целая вечность. Он начинает зевать и посматривать в окно. На улице так ярко светит солнце, словно оно задалось целью в один день превратить зиму в лето. С сосулек под карнизом срываются веселые звонкие капельки. Лохматые воробьи, до сих пор мирно дремавшие на завалинке, пугливо шарахаются от них.

«Вот глупые!» — думает о воробьях Лева и вдруг замечает около калитки человека в кожанке. Под мышкой у него портфель. Леве человек давно знаком. Это дядя Паня, или, как его зовут взрослые, Пал Палыч,

колхозный механик. Он больше всего на свете любит выдумывать. Левин папа однажды так сказал дяде Пане: «Тебе бы, Палыч, не механиком быть, а конструктором. Изобретательная у тебя голова!» Лева запомнил это, потому что в тот вечер дядя Паня до глубокой ночи не давал ему спать: все бубнил, бубнил, бубнил. Лева слышал, как он говорил с отцом о новом комбайне, который недавно получил колхоз. Дядя Паня придумал к комбайну какое-то свое приспособление.

С того вечера Пал Палыч каждое воскресенье приходит к Левиному папе и приносит с собой портфель, из которого извлекает большие листы бумаги. На них нарисовано новое изобретение дядя Пани.

Вот и сегодня он, должно быть, пришел к отцу за советом. Леве весело смотреть в окно на дядю Паню, который неуклюже возится у калитки и никак не может поднять щеколду: мешает портфель. Положить его на снег и освободить руку дядя Паня не решается — боится замочить бумаги в портфеле. Но вот наконец калитка открыта, и дядя Паня, прижав портфель, словно грелку, к правому боку, идет к крыльцу.

— Шурка! — кричит Лева братишке, который играет в углу. — Дядя Паня идет. — И поддразнивает брата: — Он конфетку несет! Громадную-прегромадную.

Лева устремляется в сени. Неповоротливому Шурке за братом не угнаться, и он чуть не плачет: раз у дяди Пани всего одна конфета, то она достанется Левке.

Но дядя Паня, увидев выбежавших ему навстречу мальчиков, строго спрашивает Леву:

— Ну а двоек у тебя нет?

Лева опускает голову.

— Раз есть — конфету не получишь. Даю только передовикам.

И дарит обе конфетки Шурке, которому быть передовиком куда легче: он в школе не учится.

Пал Палыч, стоя у порога, старательно оббивает венником снег с валенок, трет ноги о половики. Лева смотрит на него обиженно.

— Чего губы надул? — дядя Паня качает головой. — И в кого ты только таким ленивым уродился?

— В бабушку. Все говорят, что у меня характер, как у бабушки.

Пал Палыч смеется и, поправив на носу очки, уходит в горницу.

Вскоре оттуда доносятся два голоса. Собственно, чаще всего слышится один голос — басовитый, глухой голос Пал Палыча. Отец лишь изредка вставляет два-три слова, но его тут же приглушает густой бас. Лева прислушивается, старается понять, о чем они говорят, но, ничего не поняв, заскучал. Таблицу учить ужасно не хочется. Что же делать?

— Видел у дяди Пани портфель? Там бумага с изобретением, — сообщает Лева брату. И с гордостью добавляет: — А я еще не такое придумал! Хочешь, покажу?

— Хочу-у, — тянет Шурик.

Лева лезет в свой школьный портфель, достает тетрадь для рисования и раскрывает ее перед братом. Шурик рассматривает хитроумный рисунок и никак не может понять, что же это изображено.

— Эскаватор! — поясняет Лева.

— Я видел ек... эс... — Шурик никак не выговаривает трудное слово. — Эскаватор, — наконец произносит он. — Эскаватор у нас канаву рыл. Он без крыльев. А тут — крылья. Это — вовсе не эскаватор. Ты обманщик.

— Вот еще, обманщик! Сам обманщик! Эскаваторы всякие бывают. Есть шагающие. Есть гусеничные. А есть даже по рельсам катаются. А я придумал летающий! Таких еще никто не выдумывал! Я — изобре-

татель! Видишь, какой он у меня большущий. Даже на бумаге не уместился!

Шурик в восторге. Но немного погодя он начинает бить в ладоши и кричит:

— И никакой ты не изобретатель! Ескаватор тяжелый. Он с неба упадет!

— Много ты понимаешь! Я его легким сделаю. Из алюминия. Как самолет. Самолеты же летают!

Шурик окончательно сражен таким доводом брата.

— Ле-ев, а Ле-ев,— просит он.— Возьми меня в изобретатели. Я тебе в другой раз обе конфеты отдам.

— Ладно. И без конфет возьму. Я добрый. Ступай найди консервную банку. Мы из нее ковш для экскаватора сделаем.

Шурик горд поручением. Надев пальто, он, довольный, убегает искать над сараем банку.

Лёва долго сидит у окна и думает. Он представляет себе, как полетит его экскаватор рыть каналы. Он полетит над родным селом, над двухэтажной каменной школой. Мальчишки будут бежать вдогонку и кричать. А учительница Елизавета Константиновна выйдет из школы, посмотрит из-под ладони в небо и спросит: «Что это за чудо-машина летит? Кто ее изобрел?» А ребята ей хором: «Это летающий экскаватор Левы Кузина!» Учительница обязательно ахнет и пожалеет: «Зачем только я Леву таблицей умножения мучаю. От важного дела отрываю нашего изобретателя. Он вон какие машины придумывает!»

От таких размышлений у Левы замирает сердце. Он верит: именно так и будет.

Лёва бросает таблицу на подоконник, встает из-за стола и прислушивается.

За дверью тихо.

Потом зашуршала бумага. Слышен тяжелый вздох отца:

— Да ты, Пал Палыч, все тут напутал.

Отцу вторит озадаченный голос дяди Пани:

— Чувствую, где-то маху дал. Но где? Понятия не имею! Запутался в вычислениях...

Опять тихо.

Лева открывает дверь и входит в горницу.

— А я летающий экскаватор изобрел! — провозглашает он.

— Ну-у! — Брови у Пал Палыча удивленно поднимаются. — Похвально твоё стремление к совершенствованию землечерпательных механизмов. Но возникает вопрос: не рано ли? В твоём возрасте я не изобретал. Ведь изобретатели — передовые люди. Им нужно знать разные науки, приходится много высчитывать, множить, делить. Ты, я видел, табличку умножения учил. Она, брат, очень пригодится в нашем изобретательском деле. Вот, например, необходимо знать, сколько будет пятью пять.

Лева выпаливает:

— Пятью пять — двадцать пять!

— А ведь верно! Молодчина, Лев Андреевич!

Пал Палыч восхищен. Он сажает Леву к себе на колени и хитровато подмигивает отцу:

— Талантливая молодежь растёт!

Лева счастлив.

— Ну а теперь скажи, сколько получится, если пять помножить на семь?

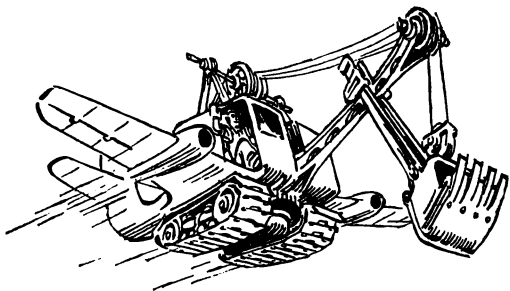
Лева морщит лоб. Его пухлые щеки краснеют.

— Пятью шесть? — продолжает спрашивать Пал Палыч.

Лева молчит.

Пал Палыч явно недоволен им. Он ссаживает Леву с колен.

Лева окончательно сконфужен и молча переминается с ноги на ногу.

— А сами-то... запутались,— наконец говорит он.— Я за дверью все слышал...

Левин папа смеется, а Пал Палыч смущенно кашляет:

— Кх-м, кх-м, твоя правда, Лев Андреевич, я тоже того... Малость напутал. Но таблицу, поверь мне, я знаю на отлично. И то трудно приходится. Тебе же подучиться следует.

Лева понуро бредет на кухню.

Там за столом уже хозяйничает Шурик. Склонившись над журналом «Мурзилка», в котором нарисован экскаватор, он толстым красным карандашом подрисовывает машине крылья. От усердия Шурик даже высунул язык. Заметив в дверях брата, он виновато моргает глазами. Шурик не знает, куда деть журнал, потому что без спроса раздобыл его из Левиного портфеля. Но Лева и не думает сердиться.

— Экскаватор изобретаешь? — насмешливо спрашивает он.— Рисуй. Только зря. Ничего у тебя не выйдет. Таблицы-то ты не знаешь.

Лева сгоняет с подоконника ленивого кота Ваську, который развалился на тетрадке с таблицей умножения, и начинает вслух читать:

— Пятью шесть — тридцать, пятью шесть — тридцать...

Потом, прикрыв ладонью тетрадь, он повторяет, глядя в потолок:

— Пятью шесть — тридцать, пятью шесть — тридцать.

За окном все погрузилось в густую синеву — не различишь, где дома, а где забор с калиткой. В темноте читать трудно, но Лева не встает, чтобы включить свет.

«Встанешь — цифры в голове перепутаются, — думает он. — Нет, уж лучше впотьмах посижу».

Шурик, забравшись на стол, дотягивается рукой до выключателя на стенке. Выключатель весело щелкает, и темнота в комнате сразу исчезает. Стало светло-светло. Лева даже не обернулся. Подняв к потолку глаза, он бубнит таблицу умножения. Лева уже много выучил, но никак не может запомнить, сколько будет пятью шесть.

— Пятью   шесть...
Сколько же пятью шесть?
Знал ведь!

Лева кусает кулак.

— Пятью шесть — тридцать, — подсказывает Шурик.

Лева удивленно смотрит на братишку:

— А ты откуда знаешь?

— Я тебя слушаю. Я тоже хочу изобретать.

Лева похлопывает брата по плечу и, стараясь говорить басом, как дядя Паня, хвалит:

— Молодчина, Шурка! Ты — талантливая молодежь! Изобретатель из тебя получится.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРО НАШУ НАТАШУ. Повесть в рассказах	3
Дом, в котором живут Наташи	5
Сколько Наташе лет?	9
Нос Буратино	10
Самый большой секрет	13
Завидующие глаза	15
Голубь просится на волю	17
Волшебная монета	20
Кукла заболела	22
Хитрый утюг	23
Люли-гули, трам-та-та	26
Славный ребенок	29
Бабочка играет в кошки-мышки	31
Испорченное настроение	33
Домашняя хозяйка	35
Мети, метла, чище!	39
Сложим попугайчика с арбузом...	41
Розовый ноготок	44
Карасик с Хитрого озера	47
Мишка-подлиза	49
Семилетка	52
 ВОЛШЕБНИК БЕЗ БОРОДЫ. Правдивая повесть об Олеге, Оле и добром чарошее Степане Кудесникове	 57
Часть первая знакомит с Олегом, который говорит «да», и Олей, которая говорит «нет»	59
Часть вторая, в которой появляется добрый волшеб- ник Степан Кудесников и одним взмахом руки про- гоняет тучку с неба	63
Часть третья, которую советуем прочесть каждому, кто любит тигров и сливочное мороженое и не любит комаров и манную кашу	70
Часть четвертая приведет в необычный мир, где все люди поют песни, умываются и чистят зубы по утрам, где нет лебедей и капризуль, проказников и нерях, а все остальное есть	77

Часть пятая, самая неприятная для Оли, самая приятная для Олега и самая непонятная для волшебника Степана Кудесникова	86
Часть шестая, которой не было бы в этой книжке, если бы черная кошка не перебежала детям дорогу	92
Часть седьмая состоит из разных загадок, черной черники, красной земляники и белых ромашек . .	98
Часть восьмая, в которой Олег говорит «да» и Оля говорит «да», а волшебник Степан Кудесников не говорит ни «да», ни «нет», только с птицами пересвистывается	103
Часть девятая сажает солнце за горизонт, а детей — в автобус и отвозит их... Куда? Потом узнаете! . .	108

ПАРОЛЬ «СТРЕКОЗА». Повесть 113

Глава первая. Ромка мыслит индуктивным методом	115
Глава вторая. Елочка на подошве	119
Глава третья. Родственник по боковой линии . . .	122
Глава четвертая. Конверт с грифом «секретно»	129
Глава пятая. Тайный совет следопытов	132
Глава шестая. Дверь открывает Носик	136
Глава седьмая. Дополнительные сведения	141
Глава восьмая. Мост над головой	145
Глава девятая. «Будем как невидимки»	152
Глава десятая. Южное направление	154
Глава одиннадцатая. Тяжело в учении — легко в походе	160
Глава двенадцатая. Наука «пускать пыль в глаза»	164
Глава тринадцатая. «Страшнее экзамена не придумаешь»	172
Глава четырнадцатая. Вражье логово	183
Глава пятнадцатая. Рыба просится на сковородку	189
Глава шестнадцатая. «Кукушки» прибыли с донесением	194
Глава семнадцатая. «Тише воды, ниже травы»	196
Глава восемнадцатая. Бородатый пережиток	200
Глава девятнадцатая. Последняя схватка	203
Глава двадцатая. Пароль остается прежний . . .	208

ЧЕЛОВЕК ВВЕРХ НОГАМИ. <i>Невеселые похождения од-ного весельчака</i>	213
--	-----

Зарядка для ума	215
Какое сегодня число?	219
Сами с усами	225
Феномен	231
Танцующий валенок	238
Эскимо и «заяц»	245
«Не тушуйтесь, уважаемые зрители!»	249
Влас спешит на свидание	256
Уха из «оп-ля»	262
Одна капля никотина	266
Совесть в футляре	270
Пятерка для учителя	274
«Однажды мне было очень весело...»	279

ДЕСЯТЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ПЕТУХА. <i>Забавные истории из жизни Пети Кулемина</i>	283
---	-----

Приключение первое. Летун	285
Приключение второе. Пес Барбос и двенадцать разбойников	289
Приключение третье. Умный лоб	293
Приключение четвертое. Самый красивый	297
Приключение пятое. Чудеса в решете	300
Приключение шестое. На кончике хвоста	306
Приключение седьмое. Хитриус симулянтиус	310
Приключение восьмое. Труба на дороге	316
Приключение девятое. Вещественное доказатель-ство	321
Приключение десятое. Записка	325

РАССКАЗЫ	331
--------------------	-----

Единоличник	333
Всеми любим...	339
Краснее помидора	344
Шаги из кухни	346
Летающий экскаватор	349

Разумневич Владимир Лукьянович

ПАРОЛЬ «СТРЕКОЗА»

Заведующий редакцией Н. Бораненков

Редактор Б. Орлов

Художественный редактор А. Титова

Технический редактор Н. Червякова

Корректор Н. Рыльникова

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Московский рабочий»,
Москва, ул. Куйбышева, 21.**

**Л51342. Сдано в набор 1/II 1974 г. Подписано к
печати 18/VIII 1974 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 14,92. Ти-
раж 100 000. Цена 68 коп. Зак. 3209.**

**Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.**

